

ЭПОПЕЯ РЕАЛЬНОСТИ:
ЗА ГРАНЬЮ ИЛЛЮЗИЙ

P1nk1 P1nk1

**Эпопея реальности:
за гранью иллюзий**

«Автор»

2026

Pink1 P.

Эпопея реальности: за гранью иллюзий / P. Pink1 — «Автор»,
2026

Это эпопея о человеке, который не принял заданную реальность как истину. В мире, где всё предопределено, он ищет трещину — место, где выбор всё ещё имеет силу. Его борьба — не только с внешними силами, но с собой: с тенью страха, с голосом сомнения, с жаждой истины, которая может разрушить всё, что он знал. Это эпик о свободе, боли и решении быть — несмотря ни на что.

© Pink1 P., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	6
Глава 1	8
Глава 2	10
Глава 3	11
Глава 4	13
Глава 5	15
Глава 6	16
Глава 7	17
Глава 8	18
Глава 9	21
Глава 10	23
Глава 11	24
Глава 12	25
Арка 2 Глава 1	26
Глава 2	29
Глава 3	31
Глава 4	34
Глава 5	37
Глава 6	38
Глава 7	40
Глава 8	43
Глава 9	47
Глава 10	50
Глава 11	54
Глава 12	56
Глава 13	58
Глава 14	60
Арка 3 Глава 1	69
Глава 2	71
Глава 3	77
Глава 4	79
Глава 5	83
Глава 6	86
Глава 7	89
Глава 8	92
Глава 9	93
Глава 10	96
Глава 11	99
Глава 12	100
Глава 13	101
Глава 14	105
Глава 15	106
Глава 16	109
Глава 17	112
Глава 18	115
Глава 19	119

Глава 20	122
Глава 21	124
Глава 22	126
Глава 23	129
Глава 24	131
Глава 25	133
Глава 26	135
Глава 27	137
Глава 28	140
Глава 29	141
Глава 30	143
Глава 31	146
Конец ознакомительного фрагмента.	150

Pinkı Pinkı

Эпопея реальности: за гранью иллюзий

Пролог

Раскаленная пустыня простиралась до самого горизонта, где медленно оседало алое солнце. Лишь две цепочки следов нарушали гладь песка — двое странников неспешно брели через бесконечный зной.

— Мастер...

Старик не откликнулся, устремив взгляд в белесую маревую даль.

— Мастер?

— А? — Старик повернул голову к юному спутнику, давно ставшему его единственным тенью в скитаниях.

— Сколько вам лет?

— Достаточно, чтобы сбиться со счета, — с легкой улыбкой ответил старик иссушенными губами.

— Разве так можно? Забыть собственный возраст?

— Ты еще молод. Со временем поймешь: цифры — лишь сухая пыль на дорогах памяти.

— Ну хотя бы примерно?

Старец замер, поглаживая седую бороду.

— Достаточно, чтобы помнить времена, когда здесь цвели сады. На этих землях раскинулась великая столица — одна из красивейших, что я видел.

Мальчик встревоженно огляделся, но вокруг были лишь бесплодные дюны.

— Не ищи. Ее руины погребены глубже, чем память древних богов.

— Значит... вам больше двухсот лет? — Мальчик застыл, вперившись в суровый профиль старика.

— Память — не бездонный колодец. Зачем забивать ее цифрами? Лучше хранить в ней шелест травы и блеск былых дворцов.

— Травы?

— Прости... ты ведь никогда ее не видел.

Старик грустно прикрыл глаза. В его памяти ожил тот забытый мир: бесконечный зеленый океан, яркие цветы и высокие деревья, уходящие кронами в небеса. Но в следующее мгновение воспоминание вспыхнуло огнем. Простой вопрос мальчика взбудоражил старую рану: перед глазами старика рушились здания, трава сгорала дотла, а зелень уступала место мертвому песку.

— А что здесь произошло? — тихо спросил мальчик.

— Ничего, — выдавил старик, крепко зажмурившись, чтобы изгнать видение.

— Мастер, ну расскажите хоть что-нибудь! За столько лет вы наверняка узнали множество историй.

— Что ж... Я расскажу тебе о людях.

— О людях? А кто это?

— Одна из рас, что когда-то заселяли эти земли, — ответил старик, вздохнув.

Они снова пошли вперед, и его голос зазвучал ровно, словно сказ:

— Долгое время люди считали себя владыками континента. Это не было церковной догмой — скорее слепой гордыней. Если взглянуть на «Лестницу рас», где каждый народ занимал место по силе и магии, человечество ютилось в самом низу. Но их это мало волновало. Люди отгородились от остального мира высокими стенами, предпочтя глухую изоляцию.

Старик сделал паузу, переступая через очередной песчаный вал.

— Но не все хотели жить в неведении. Нашлись те, кто рискнул выйти за пределы родных земель. Вступив в союз с иными народами, они пробудили в своей крови дремлющую магию. С этого начался раскол. Маги возвысились над простыми смертными, вызвав зависть и страх. В ответ три человеческих государства окончательно запечатали границы. Они возвели неприступную стену и объявили жесткий закон: любой, кто покинул родной дом, терял право на возвращение. Власти объясняли это угрозой неизвестных болезней.

— И никто не пытался вернуться? — спросил мальчик.

Глава 1

Сад, где не цветёт доверие

«Даже самый благоухающий сад не украсит дом, если в нём не укоренилось доверие.»

Весенние сумерки густели, затягивая сад влажным полумраком. Багровый огар солнца догорал на горизонте, отбрасывая на аккуратно подстриженную траву изломанные, колючие тени крон. Остывающий после дневного зноя воздух напитался тяжелым, почти удушливым ароматом цветущих фруктовых деревьев и сладковатой гнили поздних бутонов.

Сад занимал добрую половину поместья. В нем господствовал холодный, рассчитанный до сантиметра порядок: экзотическая флора вынужденно уживалась с извилистыми плодовыми деревьями, образуя тихий, оторванный от остального мира загон.

Атсуши — ученый, чья жизнь протекала в поисках скрытых законов мироздания, — сейчас был занят простым бытовым делом. В тени старого раскидистого дерева он вкапывал в землю устойчивость невысокого деревянного стола и расставлял три тяжелых кованых стула. Место выбрал неслучайно: отсюда открывался обзор на весь сад, а на случай, если вечер затянется, на корявых ветвях уже замерли два магических фонаря, теплящихся тусклым, янтарным светом.

Рядом суежилась его невеста, Тиба Кэзуми. Порыв сырого ветра рванул подол ее белого платья и растрепал рыжие волосы, но девушка лишь сдержанно заправила прядь за ухо. Каждое ее движение, безупречная осанка и прямая спина выдавали породу. Она с тихим звяканьем раскладывала серебряные приборы, панически стараясь довести каждую мелочь до идеала.

— Я могу помочь? — раздался за их спинами звонкий, но лишенный детской радости голос.

Атсуши и Кэзуми обернулись. Мори Акихиро, двенадцатилетний сын ученого, стоял чуть отдаленно в поношенной домашней рубашке. Взгляд светловолосого мальчика был цепким, настороженным, почти враждебным.

— Можешь принести корзинку с едой? — Кэзуми с готовностью шагнула к нему, тепло улыбнувшись.

Мальчик не просто проигнорировал реплику — он прошел сквозь ее слова, словно наткнулся взглядом на пустое место. Даже не повернув головы в ее сторону, Акихиро уставился прямо на отца:

— Папа, чем мне помочь?

Пальцы Кэзуми судорожно сжали края серебряной салфетницы.

«Он не смотрит. Не слышит, — прожгла грудь горькая, сухая тоска. — Я живу под крышей его отца, но в его мире меня нет. Сколько еще я должна заслуживать право просто существовать здесь?»

Атсуши сократил дистанцию между собой и сыном, мягко улыбнулся и ладонью ерошил его светлые волосы:

— Пожалуйста, принеси продукты с кухни.

Глаза Акихиро на мгновение вспыхнули живым искренним светом. Мальчик коротко кивнул отцу и быстро побежал к дому, подминая босыми ногами росную траву.

Как только юркая фигура скрылась за поворотом аллеи, плечи Кэзуми бессильно опали.

— Он опять это сделал, — сдавленно произнесла она, выронив серебряный нож на скатерть. — Почему он ведет себя так, будто я призрак?

Она тяжело опустилась на холодное железо кованого стула и спрятала лицо в ладонях.

— Ну, теперь он хотя бы не убегает в дом при твоём появлении, — Ацуши подошел сзади, положив сухие, теплые ладони ей на плечи. — Дай ему время, Кэзуми. На его месте я злился бы куда сильнее. Он теряет отца, едва успев похоронить мать.

Ацуши понимал: он совершил ошибку, поторопился. Но гнетущая тишина остывшего дома и призрак умершей жены давили на него сильнее, чем он смел признать. Он искренне искал спасения в Кэзуми, но попытка сшить нитями две разбитые жизни трещала по швам.

Он обогнул стол и накрыл ее прохладную ладонь своей:

— Мы справимся. Помни о терпении.

— Я пытаюсь, — Кэзуми подняла на него глаза, в которых стояли тяжелые слезы. — Но мы живем под одной крышей уже два месяца. А между нами — пропасть. Что, если он никогда меня не примет?

— Я принес, — хрустнул гравий под чужими шагами.

Глава 2

Сад, где растёт боль

«Некоторые деревья не дают тени — они дают воспоминания.»

Акихиро не спешил. Он шел к дому привычной, заученной тропой — мимо самого странного и дикого дерева во владениях отца.

Его тяжелые ветви гнулись под тяжестью иссиня-багровых плодов. Вися на ветках, они хранили мертвое молчание и не пахли вовсе. Но стоило перезревшему плоду сорваться и удариться о землю, как из лопнувшей кожицы вытекал густой сок. Касаясь почвы, он вступал с ней в хитрую, едва ли не магическую реакцию: воздух мгновенно наполнялся плотным, дурманящим ароматом. Это запаховое марево менялось от сезона к сезону, подстраиваясь под влажность и состав земли.

Сад Атсуши был подчинен строгому, почти хирургическому порядку, но это дерево оставалось в нем непокорной раной. Когда-то отец, верный своей привычке всё систематизировать, пытался укротить аномалию и оборвать плоды до созревания. Дерево ответило по-своему: плоды начали зреть вразнобой, поодиночке, сводя на нет любые расчеты. Атсуши отступил, оставив его в покое.

Акихиро любил этот угол. Тяжелый дух лопнувшей мякоти туманил холодный разум и вытаскивал наружу глубоко спрятанные чувства — естественная ловушка, привлекавшая лесных зверей и птиц. Но для мальчика, вдыхавшего этот дурман, запах приносил странный, почти забытый покой.

Встряхнув головой и сгоняя оцепенение, Акихиро быстро забрал с кухни плетеную корзину и направился обратно. На полпути он снова свернул с прямой аллеи и замер в тени разросшегося кустарника, неподалеку от стола.

Сквозь густую листву он увидел отца и Кэзуми. Девушка сидела, уткнувшись лицом в ладони, а Атсуши бережно, защищая, обнимал ее за плечи.

Она плакала. Беззвучно, тяжело, дрожа всем телом.

Акихиро до хруста в пальцах сжал ивовую ручку корзины. В груди, словно от удара тупым клинком, сжался ледяной ком.

Он хотел чувствовать злость. Хотел пропитаться привычной ненавистью к той, что заняла чужое место. Но вид ее согнутой спины и тихие, рваные всхлипы неожиданно отозвались глухой, ноющей болью.

Дурманящий сок дерева, разлитый в остывающем воздухе, оплетал виски, подтачивая волю. В памяти мальчика вопреки его желанию вспыхнул давно погребенный образ: шершавая ткань маминого платья, тепло рук, глядящих затылок, и тихий шепот над самым ухом.

Мама обнимала его точно так же.

Дышать стало трудно, точно в грудную клетку налили свинца. Вид отца, дарящего нежность чужой женщине, и слезы Кэзуми сплелись в один мучительный узел — невыносимо родной и одновременно кошунственный.

Глава 3

Сад, где плачет душа

Акихиро вернулся к столу быстрыми, сбивчивыми шагами. Не поднимая взгляда, он с глухим стуком поставил корзину на деревянную столешницу, стараясь не встречаться глазами со взрослыми.

— Молодец, скоро будем ужинать, — сдержанно отозвался отец и мимоходом взъерошил светлые волосы сына.

Прежде мальчик впитался бы в эту ласку, но сейчас он лишь окаменел, вжав голову в плечи. Под ребрами колотилась паника. Погруженный в собственные думы, Атсуши не заметил его состояния и жестом указал Кэзуми на принесенные приборы.

Девушка утерла щеку и, заставив себя улыбнуться, сделала шаг вперед:

— Сейчас, иду...

Она не успела дойти. Акихиро резко подался вперед и судорожно вцепился пальцами в подол ее белого платья.

Кэзуми застыла. Мальчик запрокинул к ней лицо, искаженное судорожной болью. Из глаз, не высыхая, текли слезы, губы мелкой дрожью колотились. Сжимая ткань до хруста в суставах, будто цепляясь за единственный спасательный круг, Акихиро захлебнулся рваным, сорванным шепотом:

— П-прости...

Он уткнулся лицом ей в живот, глотая воздух широким, тонущим ртом, и с каждым вдохом сжимал ткань все сильнее:

— Прости меня! Я... я не помню... Не помню похорон!

Кэзуми мгновенно опустилась на колени прямо в росную траву и прижала его к себе. Два месяца, проведенных в этом доме, она ждала хоть какого-то слова. Она знала: этот порыв адресован не ей, а той, чье место она займет с трудом или не займет вовсе. Но прямо сейчас ее руки крепко замкнулись на его вздрагивающих лопатках.

— ... не помню, как ее несли, — шептал Акихиро, задыхаясь от слез, а затем сорвался на надрывный, ломающийся крик: — Я не помню ее лица!

Кэзуми прижала его голову к своей груди, глуша этот вопль и мягко глядя мальчика по содрогавшейся спине.

Атсуши замер. Рука с зажатым серебряным ножом опустилась. Три месяца, прошедшие с гибели жены, он сжигал и раздавал ее вещи, пытаясь стереть боль, и принимал покорную тишину сына за смирение. И только сейчас, в этом беспощадном крике, он понял, чем была эта тишина — запертой склеповой клеткой, где ребенок выгорал изнутри.

Постепенно рыдания стихли. Пережив эмоциональный обвал, Акихиро обмяк и заснул прямо на руках у Кэзуми — обессиленный, опустошенный, все еще не разжимая пальцев на окровавленной заходящим солнцем ткани платья.

— Я уложу его, — тихо прошептала Кэзуми, подхватывая мальчика на руки и поднимая на жениха сочувственный, тяжелый взгляд. — Приберешь здесь сам?

Атсуши лишь кивнул и молча вытер тыльной стороной ладони воспаленные глаза.

Скрывшись в густеющих сумерках садовых аллей, подальше от взгляда Атсуши, Кэзуми позволила человеческой личине опасть. По белой ткани платья прошла шипящая волна: ноги

сблизились, срастаясь и покрываясь плотной, гибкой чешуей, мгновенно отозвавшейся перламутровым блеском в багровых лучах заката.

Глава 4

Сад, где прорастает надежда

«Иногда достаточно одного слова, чтобы трещина в стене превратилась в дверь.»

Завтрак в доме Мори обычно проходил в тишине, но этим утром молчание казалось особенно вязким, почти осязаемым.

Акихиро бездумно крошил пальцами подсушенный ломтик хлеба, не отрывая взгляда от мелких крошек на скатерти. Вчерашний вечер стоил ему всех сил. Он попросил прощения, но лишь за свой срыв, за неконтролируемые слезы. А ведь два месяца он ядовито, последовательно игнорировал Кэзуми, делая вид, будто ее вовсе нет.

Жгучий стыд подступил к горлу. Мальчик украдкой взглянул на девушку. Кэзуми тихо пила отвар, опустив густые ресницы. В ее лице не было ни гнева, ни затаенной обиды — только глубокая, отпечатавшаяся в уголках губ усталость. Атсуши сидел напротив — неподвижный, с синевой под глазами, раздавленный давним чувством вины перед сыном.

Желание разрушить эту тяжесть сжалось в груди Акихиро плотным, горячим комом. Не выдержав душного гнета тишины, мальчик резко поднялся. Стул с сухим треском качнулся по паркету.

Две пары глаз мгновенно уставились на него.

Смутившись от собственной неожиданной дерзости, Акихиро замер. Уши и шея вспыхнули. От неловкости он выпалил первое, что сорвалось с языка:

— С добрым утром, Кэзуми!

Голос прозвенел слишком громко, чересчур не попадал — завтрак уже практически закончился. Мальчик тут же зажмурился, готовый провалиться сквозь землю.

Но вместо холодного молчания раздался мягкий, ровный голос:

— С добрым утром, Акихиро.

Кэзуми подняла на него глаза и чуть заметно улыбнулась. Тяжелое оцепенение, висевшее над столом, мгновенно сникло.

Атсуши перевел взгляд с сына на невесту и, ухватившись за эту хрупкую нить, произнес:

— Акихиро, у Кэзуми сегодня много дел. Не поможешь ей?

— Я?... — Кэзуми растерянно замерла с поднятой чашкой.

Зато в глазах Акихиро вспыхнула мгновенная готовность:

— Да! С удовольствием.

— Вот и отлично, — Атсуши чуть согрел взгляд. — Иди переодейся. Вы отправляетесь за покупками в город.

— Понял! — Акихиро кивнул и бросился к выходу из столовой, загоровшись простым желанием оказаться нужным.

Едва его торопливые шаги затихли на лестнице, Кэзуми резко поставила чашку на блюдечко. Звон фарфора прорезал тишину.

— Ты с ума сошел? — тихо, сдерживая подступающую панику, прошептала она. — Почему без предупреждения? Я... я не знаю, как вести себя с ним!

— Перестань, — Атсуши спокойно оперся локтями о стол. — Ты реагируешь так, будто тебя ведут на плаху.

— Я действительно не готова! Мы за два месяца не произнесли и десятка слов!

— Мальчик сам сделал шаг навстречу, — жестко, но без гнева перебил ее Ацуши. — Он переступил через свою боль, а ты паникуешь из-за неловкости. Не испорти всё. Нам всем выпадает редкий шанс.

Кэзуми прикусила губу и отвела взгляд.

Ацуши посмотрел на нее мягче. Он помнил их первую встречу — замерзшую, доведенную до крайности девушку, найденную на грани гибели. Он знал, как глубок в ней страх оступить, совершить ошибку и быть отвергнутой снова.

— Я буду в лаборатории до самого вечера, — уже спокойнее добавил он, поднимаясь из-за стола. — Надеюсь, за ужином вам будет о чем рассказать.

Он вышел через высокую дверь, ведущую в сад. Кэзуми осталась одна в пустой столовой. Паника в ее груди постепенно уступала место странному, почти забытому азарту. Она провела ладонью по холодному фарфору чашки и чуть заметно выпрямила спину.

Глава 5

Сад, где дышит покой

«Истинный покой не в тишине, а в доверии к её хрупкости.»

Свободная деревня Тюри затерялась на Нейтральных землях. Растянувшись вдоль холмов, она отличалась редкой, почти опасной мешаниной обитателей: среди низких построек перекликивались гоблины-торговцы, мелькали гибкие фигуры эльфов, а в тени навесов дремали оборотни и ламии. Место казалось диким и чужим для великих держав континента, но для разнокровного сброда Тюри была единственным пристанищем.

Возвращаясь с рынка, Акихиро и Кэзуми шли не спеша. Они непрерывно разговаривали, торопливо затягивая накопившуюся за два месяца пропасть: от крикливых тюрийских лавочников до муренных научных изысканий Атсуши.

Чуть позади, плавно огибая рытвины, скользила левитирующая тележка. Унести весь груз вручную было невозможно — на деревянных досках покоились тяжелые реактивы, медные приборы и запечатанные сургучом сосуды для лаборатории.

Поместье Мори стояло поодаль от деревни, прижавшись к краю леса. Вскоре перед ними поднялся высокий глухой забор, скрывавший владения от незваных гостей.

Акихиро поймал себя на странном чувстве: шаг больше не тяжелел по мере приближения к дому, а в груди не сжимался знакомый холодный узел.

Едва они вступили в тень ворот, барьер признал хозяев. По изъеденному временем камню и кованым створкам пробежала янтарная вспышка, и ворота бесшумно разошлись в стороны.

Огромный дом обходился без слуг — бытовые мелочи поддерживали заклинания. Впрочем, Кэзуми никогда не перекладывала на магию всё. Она считала, что маг, целиком положившийся на бытовые чары, неизбежно теряет связь с землей и простым житейским ремеслом. Они остановили тележку у самого порога и принялись разбирать привозимое, когда умиротворенная тишина двора со звоном оборвалась.

Глава 6

Сад, где рушатся стены

«Каждая маска скрывает не только лицо, но и намерение. А стены — не вечны.»

За защитным контуром выстроились три молчаливых отряда. Лица нападавших скрывали фарфоровые и деревянные маски — ослепительно-белые, расписанные золотом и костяными узорами. Фигуры бойцов тонули под тяжелыми темными плащами.

Во главе стояли командиры. Двое мужчин в строгих черных сюртуках и девушка в платье с глубоким вырезом. Их маски выгодно отличались от прочих, обозначая ранг.

— Пора, — хрипло произнес мужчина, чье лицо закрывала личина с тикающим механизмом шестеренок.

По его знаку шестеро магов шагнули вперед. Воздух затрещал от озона. Шесть спрессованных молниевых дуг слились в один ослепительный, гудящий таран и ударили по кованым воротам.

Удар. Оглушительный грохот сотряс сухую землю.

Когда осел столб пыли и жженой гари, выяснилось, что ворота выстояли. Силовой щит принял основной удар, но срикошетил в камни: на дорожке дымилась воронка с раскаленным крошечком, а изгородь по бокам свернулась и обуглилась.

— Я ждал чего-то более впечатляющего, — в голосе человека с шестеренками прозвучало разочарование. — Ничего особенного, профессор. Вы меня расстраиваете.

— И долго нам ждать? — подала голос девушка из-за его спины. Ее маску украшали три алых пера и крупный мертвенно-темный цветок.

— Пара минут. Пробьем барьер грубой силой, — отмахнулся командир.

— В таком случае мы оцепим периметр, — вмешался второй мужчина. Его лицо закрывала маска баута с объемным растительным узором и инкрустацией из темных гранатов.

Шестеро бойцов тут же отделились от его группы и двинулись за ним вдоль высокого забора.

— Даичи, постойте, — окликнула его девушка, сжав пальцы на складках платья. — Есть ли смысл вам лично проверять периметр? Внутри всего две цели на ликвидацию и одна на захват. Шанс побега минимален.

— Не стоит их недооценивать, — ответил Даичи, не замедляя шага. — И не стоит мешать дело с личными чувствами. — Ничего я не мешаю! — выкрикнула она ему вслед, но тот уже скрылся за изгибом ограды.

Глава 7

Сад, где дрожит сердце

«Храбрость — это не отсутствие страха, а выбор действовать, несмотря на него.»

— Что это было?! — сдавленно выдохнул Акихиро, вцепляясь в руку Кэзуми.

Очередной глубокий гул сотряс землю. Оконные стекла особняка жалобно зазвенели. Мальчик сжался, его зубы завывивали дробь.

Кэзуми опустилась перед ним на колени, судорожно сжав его дрожащие плечи:

— Акихиро, беги в дом. Запрись в своей комнате!

Но ноги мальчика словно вросли в каменную дорожку.

— Слушай меня. Смотри в глаза! — в ее голосе звенела сталь, хотя кончики пальцев поддрагивали. — Помнишь, о чем мы говорили? У нас сегодня особенный вечер. Мы устроим ужин прямо у тебя в комнате. Ты ведь проголодался?

Акихиро робко кивнул, утирая нос рукавом.

— Вот и отлично. Я заберу папу, и мы сразу...

Оглушительный удар у ворот прервал ее. Горячая воздушная волна принесла сухой запах гари и раскаленной земли. Кэзуми на миг замерла, но тут же вложила в ладонь мальчика небольшую коробочку со сладостями, купленную на рынке:

— ... и мы сразу придем. Неси сладости наверх и жди нас. Беги!

Она подтолкнула его к крыльцу. Прижав коробку к груди, Акихиро взлетел по ступеням и скрылся за массивными дверями.

Едва за ним щелкнул засов, Кэзуми развернулась и бросилась в глубину сада.

Приземистая, сложенная из дикого серого камня лаборатория терялась за деревьями. Атсуши строил ее как бункер — без украшений и лишних окон, способный выдержать и неудачный взрыв реагентов, и внешнюю осаду.

Ворвавшись внутрь, Кэзуми попала в хаос. Ученый метался между стеллажами, сгребая в кожаную сумку исписанные дневники и расчетные чертежи. От очередного удара снаружи здание дрогнуло, и со стола со звоном слетела стопка стеклянных колб. Темная жидкость с шипением въелась в доски пола.

— Атсуши! — перекрывая гул, крикнула Кэзуми.

— Кэзуми! — он резко обернулся, тяжело дыша. На лбу блестели капли пота. — Где Акихиро?!

— В своей комнате! Заперся изнутри!

— Хорошо... Забираем записи и уходим!

Атсуши подхватил главный фолиант исследований, и они бросились к выходу. Но едва они шагнули к дверям, грохот заклинаний снаружи внезапно стих. На сад и дом обрушилась давящая, протвиеоеетвенная тишина.

Глава 8

Сад, где прощаются герои

«Иногда любовь — это не остаться, а уйти, чтобы другие могли выжить.»

Оказавшись снаружи, Кэзуми, не сбавляя бешеной скорости, бросилась к черному ходу основного дома. За пару шагов до входа воздух со свистом рассек мощный чешуйчатый хвост. Усиленная чарами дверь разлетелась в щепки под глухой треск дерева и звон стекла. Пробив путь грубой силой, Кэзуми мгновенно сбросила змеиную форму, возвращая человеческий облик, чтобы сэкономить силы и не привлекать лишнего внимания.

Атсуши, ворвавшись следом, метнулся к лестнице. В окнах первого этажа уже мелькали тени нападавших. Задышавшись от бега, ученый взлетел на второй этаж и забарабанил в дверь детской:

— Акихиро, это я! Ты цел?!

Из-за дубовой доски не доносилось ни звука.

— Папа?.. Это точно ты? — наконец прозвучал робкий голос, и у двери послышались осторожные шаги.

— Я, сынок! Открывай скорей! — в голосе отца звенела паника.

— Атсуши, дай я... — Кэзуми решительно оттеснила жениха, беря контроль над собой. — Акихиро, открывай. Как обещали, мы пришли ужинать. Ты ведь оставил нам сладости? — максимально ровно, без единой дрожащей ноты произнесла она.

Замок шелкнул. Дверь приоткрылась, и, увидав своих, Акихиро распахнул ее настежь. Атсуши опустился на колени и стиснул сына в судорожных объятиях.

— Идемте, — позвал мальчик, указывая на маленький столик, где стояла открытая коробочка с рынка.

Комната была подчеркнута аскетичной: узкая кровать, платяной шкаф, простой стол. Мальчик искал в этой пустоте уединения, но сейчас она казалась самым безопасным укрытием.

— Акихиро, у нас нет времени... — попытался сказать Атсуши.

Но Кэзуми сжала его руку с такой силой, что хрустнули суставы.

— Есть время, — отрезала она.

Понимая, что ребенку нужна хотя бы иллюзия нормальности, Кэзуми взяла из коробки кусочек засахаренного фрукта и заставила себя проглотить его. Атсуши, сжав зубы, последовал ее примеру. Сухая сладость едва не встала колом в горле, но взгляд Акихиро немного прояснился.

— Кто эти люди? — мальчик дрожащим пальцем указал на окно.

Атсуши рывком оттащил его от стекла и задернул плотные шторы.

— Это из-за меня, Атсуши... — прошептала Кэзуми, глядя на жениха с затаенным отчаянием. — Они пришли за мной!

— Они пришли за нашей семьей, Кэзуми. За всеми нами. И неважно — за тобой или за моими работами. Акихиро, запомни: бросить близкого — это предательство. Худший из грехов.

Атсуши обнял Кэзуми за плечи, неотрывно глядя на задернутое окно:

— Они пробили только внешний контур. Там около семи человек. Если это все, им до нас не добраться. Но если это лишь авангард... время на исходе.

Очередной направленный удар сотряс стены особняка. С потолка посыпалась штукатурка. Акихиро сжался в комок, уткнувшись лицом в колени.

— Пробиваются дальше. Значит, уверены в превосходстве, — процедил Атсуши, нервно меряя комнату шагами.

Кэзуми опустилась рядом с мальчиком:

— Акихиро, ничего страшного. Это просто фейерверки. Помнишь, как ты любишь праздники?

— Закрой уши, пожалуйста, — попросил Атсуши.

Едва сын зажал уши ладонями, голос ученого стал сухим и холодным, как лед:

— Ты владеешь боевой магией лучше меня. Твоя задача — защитить Акихиро.

— О чем ты?.. — встревожилась Кэзуми.

— Если их больше семи, в открытом бою нас просто сметут. Чем больше дверей и барьеров они будут ломать, тем выше ваши шансы уйти. Если они разделятся — вы спасены.

— Разделиться?! Это же безумие!

Акихиро, несмотря на зажатые уши, улавливал рваные обрывки их разговора, холодея от ужаса.

— В подвале есть еще один барьер, закрывающий главное хранилище. Я запрусь там. Они решат, что мы все спрятались внизу, и бросят туда основные силы. С парой магов наверху ты справишься.

— А ты?! — в глазах Кэзуми заблестели слезы.

— Попытаюсь уйти под шумок. А если они пойдут за мной всей толпой — вы гарантированно выберетесь. Не плачь. Не ломай мою решимость.

Атсуши подошел к сыну, обнял его и зашептал на ухо:

— Ты у меня умный. Я отдаю тебе главный дневник. Здесь знания, которые могут изменить мир... И еще. Ты ведь любишь Кэзуми? Она боится за тебя. Пообещай, что будешь слушать ее во всем.

— Что?.. — растерянно прошептал Акихиро.

— Пообещай! Всё, пора. Надеюсь, увидимся. И... прости меня, если сможешь.

Атсуши поднялся и шагнет к невесте:

— Мне жаль, что мы не успели пожениться... — Он бережно коснулся ее щеки. — Каким же я был слепцом.

Он притянул ее к себе и поцеловал. Кэзуми впилась пальцами в его плечи с отчаянием утопающей.

Внизу с грохотом рухнули входные двери.

— Помни, что я сказал! — крикнул Атсуши и выскочил в коридор, бросившись вниз по лестнице.

Спустя секунды с первого этажа донесся крик нападавших:

— Он бежит в подвал! За ним!

Кэзуми схватила Акихиро за руку и потянула к выходу. Но не успели они шагнуть за порог, как острый слух ламии уловил тяжелый, размеренный топот на лестнице.

Четверо. Они поднимались на второй этаж.

— Папа... папа погиб? — прошептал Акихиро, глядя на нее расширенными от страха глазами.

— Что за глупости? Конечно нет, — Кэзуми заставила себя улыбнуться, хотя внутри всё заледенело.

Окно? Нас сшибут в воздухе. Напасть первыми? Единственный шанс — выигрывать время, пока они не поняли, где мы.

Снаружи снова грохнуло. Стены заходили ходуном.

— Слышишь? Это отец запускает фейерверки, — проговорила Кэзуми.

Шаги за дверью замерли. Внезапно Акихиро вырвался из ее пальцев и метнулся к выходу.

— Стой! — ахнула Кэзуми.

Мальчик уже прижался к дубовой панели, протянув руку к ручке:

— Кто там?! — сквозь детскую дрожь в его голосе пробились отчаянная дерзость.

За дверью нависла тишина. Кэзуми бесшумно скользнула к мальчику, готовая закрыть его собой.

И тут из коридора раздался голос. Он звучал нежно, тепло, ласково — точь-в-точь как голос самой Кэзуми:

— Это я, твоя мама. Открывай.

Кэзуми оборвала дыхание от такой дерзости.

Акихиро быстро перевел взгляд на настоящую Кэзуми, стоящую рядом, и с недетской, сухой отповедью ответил в дверь:

— Не может быть.

— Ясненько, — мгновенно изменившимся, приторно-ядовитым тоном донеслось снаружи. — Назад!

Оглушительный треск. Огромный сгусток огня с ревом врезался в массивную дверь. Пламя рикошетом плеснуло в противоположную стену коридора, сожрав тени и обуглив доски, но сама дверь даже не нагрелась. Нападавшая едва успела укрыться за воздушным щитом от собственного выстрела.

Дверь стояла невредимой. Барьер не выдавал себя ни сиянием, ни малейшей рябью.

— Барьер?.. — в голосе девушки прозвучало изумление. Она тут же скомандовала: — Позовите командира!

Постучав каблуком по косяку, она с фальшивым сочувствием крикнула:

— Может, сдадитесь?

Из комнаты не ответили.

— Как хотите.

Вскоре по коридору подошел суровый маг в сопровождении посыльного.

— Знаю, это не твоя работа, но взгляни, — девушка указала на нетронутое дерево.

— Силовой щит? — Мужчина осторожно прикоснулся к дверному косяку. Не ощутив сопротивления, он решил проверить защиту силой.

Сформировав над ладонью спрессованный водяной шар, маг с выдохом ударил им в дверь. В момент контакта древесина вспыхнула ослепительным руническим вязом. Водяной таран отразился под невозможным углом и с утроенной скоростью рванул обратно.

Не успев среагировать, маг получил страшный удар в грудь и вылетел в противоположную стену, проломив деревянную обшивку. Раздался тошнотворный хруст ломающихся ребер.

— Ах да, забыла предупредить: он отражает заклинания, — с садистской ухмылкой розоватых губ заметила девушка.

— Тварь... — прохрипел маг, сползая по стене.

По ее знаку подошедшая целительница принялась латать его грудь. Боль утихла, но сломанные кости еще не срослись, и маг остался сидеть на полу.

— Любопытная разработка, — тяжело дыша, процедил он. — Невидимый щит, перенаправляющий и усиливающий энергию. Ударив в полную силу, мы разнесли бы всё крыло.

Он поднял глаза на подчиненных:

— Но у барьера есть предел. Он рассчитан на истощение, непрерывного штурма не выдержит. Разделимся: одни атакуют, другие держат щиты от рикошетов.

Шесть фигур заняли позиции в узком коридоре, готовясь к системному взлому.

Внутри детской царил тишина. Кэзуми прижимала к себе Акихиро, наблюдая, как при каждом ударе снаружи дверь вспыхивает ослепительным руническим светом, который тут же гаснет.

Глава 9

Сад, где пылает воля

«Когда путь закрыт, воля становится огнём, способным прожечь выход.»

— Акихиро, держись за меня. Крепко!

Мальчик тонко всхлипнул и из последних сил обхватил ее за талию. В тот же миг хребет Кэзуми изогнулся с сухим хрустом. Она выросла в размерах, обращаясь в полузмею и заполнив собой почти всю детскую. Чешуя блеснула в полумраке: для таранного прорыва требовалось сочетание древней магии и крушащей физической силы.

Едва силовой барьер на двери вспыхнул и окончательно угас под очередным ударом, Кэзуми рывком распахнула ее.

В клубах штукатурной пыли нападавшие застыли, но было поздно. Прикрывая мальчика телом, ламия крутанула массивный чешуйчатый хвост и живым тараном врезалась в троих магов, перекрывавших коридор. Схватив ближайшего за плечо, она с хрустом вывернула его сустав из суставной сумки и швырнула в стоящих позади. Двое успели отскочить, но остальных со слитным глухим ударом впечатало в каменную стену.

Сметая резные балясины, Кэзуми выскочила на лестничный пролет и резко замерла.

Прямо перед ней выросла фигура в маске-бауте. Не успела ламия атаковать, как двое оправившихся магов скользнули с флангов, зажимая ее в кольцо.

Из тени пролета шагнула девушка в черном платье:

— Даичи, ты все-таки изволил спуститься?

Мужчина в бауте мимоходом оглядел искалеченных бойцов первой группы и холодно отронил:

— Что-то вы задержались. Неужели это все, кто уцелел?

— Наверху еще трое еле дышат, — ответила девушка, смерив Кэзуми ядовитым взглядом.

Пути назад не было. Затяжной бой означал верную смерть для Акихиро.

Кэзуми задвинула мальчика за спину. Ее глаза налились тяжелым, багрово-черным светом. Ламия вскинула руки, и воздух в холле мгновенно раскалился добела. Все предметы вокруг вспыхнули изнутри. В мгновение ока лестничный марш превратился в адский котел.

Печать Бездны раскрылась.

Из гудящего огненного вихря вырвались сущности, сочащиеся жидкой магмой. Они ползались по стенам и паркету, сжигая все на своем пути. Защитные заклинания наемников бессильно отскакивали от их раскаленной чешуи, сгорали без следа.

— Дьявол! — выкрикнула девушка в платье, задыхаясь от вспыхнувшего жара.

Огненные гидры слились воедино, превращаясь в исполинского змея из чистого пламени, который намертво перекрыл единственный выход.

Девушка метнулась к стоящему рядом подчиненному.

— Сюда, быстро!

Маг шагнул к ней, но вместо помощи она с маха вогнала ритуальный кинжал ему в грудь — по самую рукоять. Боец даже не успел осознать предательства. Используя вонзенный клинок как рукоять, она рывком потащила его рушащееся тело за собой, подставляя под раскрытую пасть огненного монстра.

Пламенные челюсти сомкнулись. Труп испепелился в долю секунды, оставив лишь горсть жирного пепла. Выиграв мгновение за счет чужой жизни, девушка сгруппировалась и выбила собой ближайшее окно, рухнув во двор.

Даичи, оставив попытки пробить огонь, вскинул руки. Воздух вокруг него сжался, формируя стремительный туннель разницы давлений. Мощный сфокусированный поток швырнул его вперед, прочь от разрастающегося ада.

Но огненный змей из Бездны надвинулся по дуге, с ревом пытаясь перехватить его у самого проема. Скорость пламенного твари превосходила человеческую — гигантская пасть уже падала сверху.

— Погасни! — гаркнул Даичи, вливая всю имеющуюся магию в подавление стихии.

Пламя, окутывавшее змея, мгновенно сникло. Жидкая магма начала остывать на глазах, превращаясь в тяжелый, кристаллический панцирь из базальта. Потеряв гибкость и подвижность, туша чудовища по инерции грохнулась на деревянный пол за спиной Даичи, с треском проломив перекрытие.

Воспользовавшись секундой, Даичи рванулся к выходу.

В последний миг тяжелый, застывающий хвост змеи, словно каменный столб, с оглушительным свистом хлестнул ему вдогонку.

Рефлексы спасли командиру жизнь: он припал к полу, но удар пришелся по вытянутой руке. Раздался хруст. Отсеченная по локоть конечность вместе с обрывком рукава по инерции отлетела к дверям.

Глава 10

Сад, где умирает свет

«Иногда стать матерью — значит сгореть, чтобы жил кто-то другой.»

Заклинание отгремело, но пламя Бездны не угасло — оно вышло из повиновения.

Вырвавшись из зоны первичного разрыва, Кэзуми метнулась к Акихиро. Обвив оцепеневшего мальчика кольцами хвоста, она потащила его к центру зала — в «глаз бури», единственную мертвую точку, куда ядовитый огонь не мог дотянуться.

Путь отрезали огненные сущности. Рожденные Бездной змеи слепо бросались на всё живое.

Врожденная стойкость ламий к огню и прочная чешуя не спасали: inferнальный жар прожигал хитин и плоть до кости. Змеи вгрызались в хвост, оставляя шипящие обугленные борозды. Задыхаясь от едкой гари, захлебываясь беззвучным криком, Кэзуми ползла вперед. От болевой судороги хвост разжался — Акихиро едва не выскользнул на раскаленные, тлеющие доски.

Мальчик захлебывался сажей. Он слышал сорванный хрип Кэзуми, чувствовал удушливый смрад горящей плоти и обжигающий жар, от которого слезы закипали на щеках.

До границы круга оставалось меньше сажени. Силы иссякли. Теряя сознание от болевого шока, ламия последним отчаянным рывком швырнула Акихиро внутрь безопасного кольца.

— Мама, нет! — сорвался мальчик на крик.

Этот крик пробил пелену угасающего рассудка. Белки глаз Кэзуми побелели, выжженные излучением — мир для нее погрузился в абсолютную тьму. Ориентируясь лишь на голос ребенка, она втащила плечи и грудь в круг. Чтобы не вытолкнуть мальчика наружу, ламия оставила мощный хвост в огненном кольце, намертво запечатав им прорыв. В обугленное, омертвевшее тело снаружи продолжали вгрызаться челюсти огненных тварей.

Нервные окончания выгорели. Ослепшая, потерявшая всякую чувствительность, Кэзуми слепо развела дрожащие руки, пытаясь нащупать пустоту перед собой.

Акихиро сам бросился вперед, обхватив ее за шею и прижавшись лицом к покрытому сажей плечу.

— Акихиро... ты здесь? — сорвался с ее губ беззвучный шепот.

— Я тут! Мама, я здесь, слышишь?! — захлебывался он слезами, сжимая ее изо всех сил. — Я держу тебя!

Голос долетал до нее глухо, точно сквозь толщу черной воды. Чувства угасали секунда за секундой. Не ощущая чужого тепла, Кэзуми просто сомкнула обожженные руки в кольцо, надеясь, что ребенок внутри.

На ее растрескавшихся, черных от копоти губах проступила слабая улыбка.

— Я люблю тебя... — выдохнула она в темноту.

— Я тоже... я тоже тебя люблю! Слышишь?! — кричал мальчик, прижимаясь к ее остывающей груди.

Тело ламии обмякло. Дыхание оборвалось.

— Нет... Не уходи! Мама... мама, очнись!

Глава 11

Сад, где приходит суд

«Некоторые ветры не уносят — они карают.»

За тем, как огненная стихия доедала особняк, наблюдали двое уцелевших.

Заклинание Кэзуми угасало, обращая в пепел несущие конструкции. Дубовые стропила с треском проседали под собственной тяжестью; крыша с гулким грохотом рухнула внутрь, выбросив в ночное небо сноп багровых искр. Из разбитых окон второго этажа рвались черные клубы копоти, а фасадная каменная кладка покрывалась паутиной глубоких трещин. Родовое гнездо Мори переставало существовать.

— Невероятная мощь... — выдохнула девушка, стирая тыльной стороной ладони грязь и копать с лица.

— Несомненно, — сквозь зубы отозвался Даичи, здоровой рукой сжимая тяжело пульсирующий култей обрубок.

Девушка нервно переступила с ноги на ногу, бросив на командира затравленный взгляд:

— И что дальше? Задание провалено. Эта тварь вместе с мальчишкой устроила бойню. Мы потеряли почти весь отряд, а ты остался калекой. Если вернемся с пустыми руками, Даичи, нас пустят в расход.

— Заткнись, — процедил он, бледнея от боли. — Главное — уйти живыми. Соберем тех, кто уцелел в оцеплении, и...

— Кто вы такие?

От сухого, властного голоса за спиной оба вздрогнули и мгновенно отпрянули, разворачиваясь на звук.

В нескольких шагах от них стояла пожилая женщина, опираясь на тяжелую деревянную трость. На ее строгом, изборожденном морщинами лице не было и тени паники — лишь леденящий, почти осязаемый холод в глубоко посаженных глазах.

Даичи судорожно стиснул челюсти, но смолчал.

— Повторять не стану, — негромко произнесла старуха.

Она сделала один размеренный шаг вперед и подняла взгляд на Даичи — единственный из двоих, он все еще пытался держать боевую стойку.

Воздух над командиром мгновенно спрессовался в монолит. словно под ударом невидимого колоссального пресса, Даичи рухнул на колени. Раздался резкий, омерзительный хруст ломающейся бедренной кости.

Он попытался вскрикнуть, выхаркивая воздух, но женщина лишь слегка стукнула тростью о землю.

Из-под сухой травы с глухим скрежетом вырвался массивный каменный шип и насквозь пропорол его грудь. Давящий воздушный купол выжал из раны фонтан темной крови, хлестнувшей по камням, после чего ветер мгновенно стих. Обмякшее тело Даичи повисло на каменном колу.

Девушка оцепенела. Мысли о провале миссии и былая привязанность к командиру мгновенно сгорели перед лицом беспощадной гибели.

— П-постойте! Я всё расскажу! — закричала она, заикаясь и пятясь спиной к горящим руинам. — Заказчик, имена, цели... я всё отдам! Не убивайте!

— Уже ни к чему, — холодно отозвалась старуха.

Глава 12

Сад, где молчит сострадание

«Некоторые заклинания не лечат — они хоронят.»

Старуха шагнула в тлеющий остов особняка. Палящий зной ударил в лицо, но сухое, словно высеченное из кремня лицо женщины даже не дрогнуло. Она с глухим стуком опустила набалдашник трости на почерневший порог.

— Уймись.

Воздух дрогнул. Рев пламени захлебнулся, сменившись шипением остывающей золы. Огненные сущности Бездны, все еще лизавшие несущие стены, обуглились до костей и с сухим шорохом осыпались серым пеплом.

В полуразрушенном зале, среди расколотых балок и застывших базальтовых глыб, перед госпожой Мори открылось пепелище. Изувеченное, почерневшее тело ламии намертво запечатывало пролом, а над ней, задыхаясь от едкого дыма и слез, бился ребенок. Акихиро судорожно тряс мертвую женщину за плечи:

— Мама! Мама, пожалуйста... проснись!

Его сорванный, надрывный крик гулко метался под обрушенными сводами.

— Мама?.. — негромко повторила старуха. Уголок ее тонких губ дернулся в горькой усмешке.

Тяжело опираясь на трость, она подошла ближе и вгляделась в обезображенное жаром лицо погибшей. Тень редкого, непривычного изумления скользнула по ее жестким чертам.

— Кэзуми... Ты все-таки сумела.

Тяжелый, давящий взгляд госпожи Мори перетек на бьющегося в истерике мальчика. Больше не произнеся ни слова, она подняла трость и указала полированным наконечником ему в грудь.

Короткий, мягкий толчок спрессованного воздуха коснулся ребер Акихиро. Мальчик судорожно выдохнул, его веки отяжелели, и он без чувств осел на засыпанные сажей доски, проваливаясь в глубокий, целительный сон.

— Спи, — негромко бросила старуха в пустоту выгоревшего дома, опуская трость. — На сегодня с тебя довольно.

Арка 2 Глава 1

Акихиро очнулся на широком ложе. Голова тонула в мягком пухе подушки, а шелковое одеяло тяжелым комом сбилось к изножью.

Он сел, озираясь. Спальня подавляла чужой роскошью: тисненные бархатные шпалеры, парчовые портьеры с глухим золотым шитьем и тяжелая резная мебель темного дерева. Подойдя к стрельчатому окну, Акихиро отвел ткань — за стеклом брезжил ранний рассвет, заливая чужие сады холодным белесым светом.

Взгляд мальчика упал на собственную одежду. Вместо привычной домашней рубахи на нем была тонкая сорочка и светлые полотняные штаны. На спинке стула лежал аккуратно сложенный строгий камзол из плотного сукна.

Переодевшись, Акихиро шагнул к дверям, но створки бесшумно разошлись сами. На пороге застыли две девушки в строгих темных платьях с белоснежными передниками. Несмотря на выправку, они выглядели совсем юными — на вид им было не больше шестнадцати.

— С добрым утром, молодой господин, — синхронно склонили они головы.

Акихиро растерянно отступил. Старшая горничная, собравшая темные волосы в тугий узел, шагнула вперед:

— Завтрак подан. Прошу следовать за мной.

Вторая служанка — светловолосая, с робким взглядом, — украдкой заглянула в глубь покоев. Заметив смятую постель и брошенную на ковер ночную одежду, она едва слышно вздохнула.

Акихиро мгновенно вспыхнул. Краска стыда залила шею и уши.

— Я... я сейчас всё уберу! Подождите! — выпалил он и метнулся к кровати.

Младшая горничная в панике бросилась наперерез:

— Господин, постойте! Что вы делаете?!

Сгорая от неловкости, мальчик схватил брошенную сорочку. Служанка попыталась мягко вытянуть ткань из его пальцев:

— Пожалуйста, оставьте... Это наша обязанность!

В комнату вошла старшая. Положив руку на плечо Акихиро, она спокойно, с безупречной выдержкой произнесла:

— Господин, вам не подобает этим заниматься. Предоставьте всё Рейчел. Мое имя — Джулия Ванфольд.

Акихиро встретил испуганный взгляд Рейчел и разжал пальцы. Девушка торопливо прижала белье к груди и, не поднимая глаз, принялась расправлять простыни.

— Простите меня, господин... — шепнула она в пол.

— Прошу вас, идемте, — повторила Джулия.

Они вышли в гулкий каменный коридор. Некоторое время шаги отдавались в тишине.

— Молодой господин, не сердитесь на Рейчел, — ровным тоном произнесла Джулия.

— Я вовсе не сержусь! Это я повел себя глупо... — пробормотал Акихиро, глядя под ноги.

— Нет. Она допустила оплошность, заставив вас испытать смущение. Я прошу прощения от ее лица.

Спорить с этой ледяной вежливостью было бесполезно, и Акихиро смолк.

Завтрак прошел в гнетущей тишине. Вдоль стен огромной трапезной, подобно изваяниям, застыли слуги. На любые робкие расспросы они лишь молча опускали глаза. Джулия обмолвилась лишь тем, что хозяйка поместья в отъезде и примет его по возвращении.

Зал давил масштабом: каскады хрустальных люстр с зачарованным огнем, родовые портреты над камином и бесконечно длинный полированный стол. Едва притронувшись к еде, мальчик поспешил обратно в спальню. Особняк казался позолоченной клеткой — любые бытовые прихоти исполнялись безропотно, но за пределы жилого крыла его не выпускали.

Потянулись три дня глухого ожидания.

В первый день Акихиро уговорил Джулию позволить ему дойти до конца восточной галереи. Сквозь витражные окна он увидел внутренний плац: там отряд гвардейцев в тяжелых латах без единого звука отрабатывал выпады копьями. Ни команд, ни лязга стали, ни тяжелого дыхания — противоестественная тишина на тренировке лишь усилила липкую тревогу.

На второй день он нашел книжный шкаф в углу спальни. Среди трактатов по геральдике лежал атлас с картами континента. Акихиро пытался понять, где находится, но карты были древними, а название поместья Коул нигде не значилось.

К вечеру того же дня в дверь робко постучали.

— Господин, ваш вечерний сбор, — послышался голос Рейчел.

Поставив серебряный поднос на стол, девушка уже повернулась к выходу.

— Можешь... налить чашку и себе? — тихо спросил Акихиро, останавливая ее.

Горничная растерянно обернулась:

— Что?

— Посиди со мной, пожалуйста. Мне совсем не с кем поговорить...

Рейчел замаялась, бросив тревожный взгляд на закрытую дверь, но покачала головой:

— Простите, господин... Нам запрещено.

— Я понимаю, — вздохнул мальчик. — Не бойся.

Девушка помедлила на пороге и тихо, почти шепотом добавила:

— Госпожа никогда не задерживается надолго. Она вернется со дня на день. Потерпите немного.

— Спасибо, — слабо улыбнулся Акихиро.

На третий день Джулия вкатила в комнату столик со свежими фруктами и выпечкой:

— Госпожа вернулась. Закончите трапезу, и я провожу вас в кабинет.

Акихиро торопливо проглотил несколько ягод, и они двинулись по бесконечным переходам главного крыла.

Перед массивными дубовыми дверями Джулия коротко постучала и, дождавшись сухого оклика изнутри, отступила в сторону, пропуская мальчика.

В кабинете стоял полумрак. Пахло воском, старым пергаментом и сухими травами. Свет магической настольной лампы очерчивал фигуру пожилой женщины в глубоком кресле.

— Здравствуй, Акихиро, — раздался низкий, властный голос.

— Здравствуйте... — мальчик сжался под ее немигающим взглядом.

— Я — Андриана Коул. Твоя бабушка.

— Бабушка?... — переспросил он. Отец никогда не упоминал о родных.

Женщина пододвинула по полированному дереву тонкий овальный медальон с искусной миниатюрой. На портрете мальчик узнал молодого Атсуши, саму Андриану и незнакомую темноволосую женщину, державшую на руках спеленутого младенца.

— Это... моя мать? — дрожащим пальцем он коснулся эмали.

— Да. Я знаю, сколько у тебя вопросов, — Андриана достала из ящика стола сверток из грубой воощеной бумаги. — Взгляни.

Акихиро сдернул обертку. Под ней оказался толстый фолиант в потертой коже — с размашистым, въевшимся в память отцовским почерком. Дневник Атсуши.

— Где папа? — выдохнул мальчик, поднимая глаза на старуху.

— Ты правда ничего не помнишь? — холодно произнесла Андриана. — Он мертв.

Это слово разорвало пелену, удерживавшую память. Перед глазами Акихиро с ослепительной четкостью вспыхнула та ночь: треск ломающихся барьеров, рушащиеся стропила, черное пламя Бездны, обугленное, остывающее тело ламии и ее последний, сорванный выдох: *«Я люблю тебя»*.

— Мама... Кэзуми... — захрипел Акихиро. Воздух застрял в горле. — Ты ведь... ты ведь слышала меня?!

Удушающий спазм сдавил грудь. Мальчик рухнул на колени, огласив кабинет диким, нечеловеческим криком:

— А-а-а-а-а-а!

За тяжелыми дубовыми створками этот вопль заставил застывшую в коридоре Джулию вздрогнуть.

Андриана поднялась, подошла к бьющемуся в рыданиях внуку и тяжелой, сухой ладонью прижала его голову к своему бедру:

— Довольно. Я знаю твою боль.

Она молча держала его, пока крики не перешли в судорожные всхлипы, затем негромко позвала:

— Джулия.

Горничная бесшумно скользнула в кабинет, побелев при виде мальчика на полу.

— Уведи его в покои и уложи. Никаких вопросов, — велела Андриана.

Заметив секундную заминку служанки, старуха добавила со сталью в голосе:

— Мне повторить приказ?

— Слушаюсь, госпожа, — Джулия низко склонилась, бережно подняла Акихиро под руки и повела к выходу.

— Джулия, — бросила Андриана в спину горничной у самых дверей. — Это мой единственный законный внук.

Служанка замерла, осознав вес этих слов, и поклонилась еще ниже:

— Я позабочусь о нем, госпожа.

— Его воспитанием я займусь сама.

— Слушаюсь.

Когда створки закрылись и шаги растаяли в галерее, Андриана вернулась к столу. Она выдвинула нижний ящик.

В глубине лежали три трофея: фарфоровая маска с неподвижными стальными шестернями, маска с тремя увядшими перьями и баута, темные гранаты на которой растрескались и помутнели от колоссального стихийного удара.

Старуха медленно провела пальцами по расколотому фарфору бауты и глухо обронила в пустоту кабинета:

Глава 2

Комната превратилась в каменный колодец, где крики и рыдания бились о стены до самой темноты. Лишь к ночи сорванное горло затихло, а измученное сознание провалилось в тяжелое, липкое забытие.

Его разбудил голод. Пустой желудок скрутило спазмом, а во рту стоял привкус пепла.

Дверь спальни оставалась заперта снаружи — по ту сторону неслышно дежурили тени-горничные. Мысль вырваться из золотой клетки не отпускала Акихиро с первого дня, но строгий надзор слуг не оставлял шансов. Сегодня ночью он решил рискнуть.

Осторожно отворив тяжелую оконную раму, мальчик выглянул наружу. Ночной воздух обжег щеки холодом. Забравшись на узкий каменный карниз, Акихиро распластался вдоль стены, впиваясь пальцами в шербатую кладку. Внизу зияла черная бездна вымощенного двора; оступись он сейчас — и камни внизу не оставили бы шанса.

Балансируя на ветру, он добрался до соседней рамы. Акихиро уже стянул сапог, намереваясь высадить стекло каблуком и отвлечь служанок на шум, как вдруг за плотной портьерой угадал неподвижный темный силуэт.

План рухнул. Прижимая сапог к груди, мальчик на цыпочках заскользил дальше по выступу фасада.

Удача улыбнулась лишь на третьем окне: створка гостевой спальни оказалась приоткрыта. Сквозняк лениво шевелил тяжелый бархат. Убедившись, что в комнате никого нет, Акихиро протиснулся внутрь, натянул обувь и выскользнул в темную галерею, аккуратно приотворив дверь.

Миновав лабиринт безмолвных коридоров, он потянулся за едва уловимым запахом печеного хлеба и корицы. Массивные дубовые двери кухни были приоткрыты — непростительная оплошность для строгого дома.

Ступив на холодные плиты огромной кухни, Акихиро замер, вжавшись в тень каменной колонны. В кладовой явно кто-то был.

Света нет. Горничные не ходят во тьме. Кто здесь?

— Пирожные... — раздался из темноты приглушенный детский шепот.

— Тише ты, спуг...

Акихиро от неожиданности качнулся назад. Носок сапога задел медный таз — металл отозвался гулким, предательским звоном. Шепот мгновенно смолк.

— Оставьте мне! — не выдержав, крикнул мальчик в пустоту зала.

Секунда звенящей тишины — и в глубине кладовой с грохотом разлетелась керамика.

— Бежим!

Акихиро метнулся на звук, но поймал лишь сквозняк от распахнувшейся служебной двери. На полу, среди глиняных черепков, лежали растоптанные сладости с белым кремом.

— Да за что... — выдохнул он, глядя на погубленное лакомство.

На разделочном столе сиротливо белело лишь два уцелевших куска.

В этот момент кухню озарил резкий свет магического кристалла. В дверях стояла Джулия.

— Попались, молодой господин.

— Я просто хотел есть, — угрюмо буркнул Акихиро, не поднимая глаз от пола.

— Вы не порезались? — Джулия быстро подошла ближе, цепко оглядев его ладони и подол камзола. — Идемте. Вам положено быть в постели.

— Но я даже не притронулся к еде!

Джулия посмотрела на глиняное месиво на полу, затем на мальчика:

— На сегодня приключений достаточно.

— Это не я разбил! Здесь были другие!

— Идемте, я провожу вас, — служанка не слушала оправданий, нахмутив тонкие брови.
— И как вы только выбрались из запертой комнаты?

— Через окно. По карнизу.

— Что?! — маска невозмутимости слетела с ее лица.

Джулия побелела. Испуг перед возможным падением мальчика мгновенно сменился неподдельным ужасом перед тем, что сделает Хозяйка.

— Пожалуйста... не смейте говорить госпожи Андриане, — сбивающимся, глухим шепотом взмолилась она, и в ее голосе впервые пробила паника. — Госпожа сотрет нас в порошок. И меня, и вас. Я... я сделаю вид, что ничего не видела. Клянусь.

— Хорошо, — тихо кивнул Акихиро, пораженный ее переменой. — Я тоже буду молчать.

Ледяной образ безупречной старшей горничной треснул. С облегчением выдохнув, Джулия взяла его за руку и быстрым, почти нервным шагом повела обратно по галерее.

— Ложитесь, господин. Постарайтесь уснуть.

Глава 3

Утро выдалось прохладным и прозрачным. Ближе к полудню Акихиро вывели во внутренний сад. Среди привычных строгих платьев прислуги выделялись две девочки-погодки. Облаченные в изящные светлые наряды из тонкой шерсти, они явно не принадлежали к челяди.

У обеих были глубокие, цвета горького шоколада глаза. Та, что повыше, держалась настороженно, заслоняя собой спутницу.

— Господин, позвольте представить: леди Дина и леди Нана Де Ла Мар.

Девочки сдержанно склонили головы. Младшая, с коротко стриженными волосами, окинула Акихиро цепким, изучающим взглядом — словно редкую алхимическую диковину на препарационном столе. Старшая же быстро отвела глаза к каменным бордюрам клумб.

— А это господин Мори Акихиро. Надеюсь, вы поладите.

— Рад познакомиться, — неловко улыбнулся мальчик, пытаясь растопить лед.

В ответ повисла натянутая тишина.

— Наставник скоро прибудет. Ожидайте в беседке, — горничная указала на увитый плющом белый павильон и удалилась.

Трое детей молча поднялись по мраморным ступеням. Акихиро присел на кованую скамью, вдыхая терпкий аромат незнакомых трав. Девочки устроились напротив, держась подчеркнуто обособленно.

— Кажется, наставник задерживается, — нарушил молчание Акихиро, желая развеять неловкость. — Меня зовут Акихиро. Я люблю старые книги и... сладости.

Нана вскинула ресницы. Сестры переглянулись.

— Я Дина Де Ла Мар, — сухо бросила старшая. — Никаких особых увлечений нет.

— А я Нана... Я тоже люблю сладости, — едва слышно прошептала младшая, пряча пальцы в складках платья.

Акихиро прислушался к их голосам и прищурился:

— Скажите... это ведь вы были ночью в кладовой?

Обе синхронно вздрогнули и подобрались.

— Не бойтесь, я никому не сказал, — поспешил успокоить их мальчик. — Только из-за вас мне почти ничего не досталось.

Напряжение в воздухе слегка спало.

— Прости нас, — тихо обронила Нана.

— Вы давно здесь живете? — спросил Акихиро.

— Достаточно, — отрезала Дина, и темная тень пробежала по ее лицу.

— Прошу прощения за ожидание, — раздался за спиной строгий голос.

По дорожке шла Джулия. Ее осанка и собранный взгляд преобразились: перед ними стоял строгий наставник, не допускающий вольностей.

— Джулия? Вы наш учитель? — удивился Акихиро.

— Именно так. Сегодня мы оценим ваши предрасположенности, — голос горничной звенел металлом. — Пройдемте на тренировочный плац. В высшем кругу положение всецело определяется мастерством владения маной.

Они вышли на просторную каменную площадку, укрытую за живой изгородью.

— Площадка оборудована базовым контуром безопасности, — Джулия указала на мерцающие вдоль плит серебряные руны. — Барьер поглощает излишки маны. В случае срыва плетения немедленно покиньте контур. Вам ясно?

Дети кивнули.

— Повторим фундаментальные основы, — Джулия повернулась к ученикам. — Любое заклинание — это не просто выброс воли, а строгая геометрия мысли. Чистая мана бесфор-

менна. Чтобы придать ей стабильность, вы ментально выстраиваете звенья боевого конвейера через Круги Плетения.

Она подняла руку, рассекая воздух кончиками пальцев.

— Ступень первая — . Он переводит латентную ману из ядра в активный поток. Ступень вторая — , задающий жесткий вектор и баллистику. За фиксацию формы отвечает , создающий каркас, а за физические свойства — . Если вектор или форма нарушены, заклинание детонирует прямо в руках. Смотрите. I. Круг Пробуждения II. Круг Направления III. Круг Удержания V. Круг Стихии

Джулия без единого звука замкнула в воздухе безупречную геометрическую матрицу. Вспыхнул четкий язычок огня; короткий порыв спрессованного ветра расколол каменную крошку, а следом над ладонью застыла идеальная сфера прозрачной воды.

Сестры Де Ла Мар прикрыли глаза. Мгновение концентрации — и девочки с поразительной синхронностью повторили всю последовательность, вызвав три послушных стихийных сгустка.

— Твоя очередь, Акихиро. Попробуй сформировать огонь по базовой цепи.

Пробуждение... Направление... Удержание... — мальчик стиснул зубы, пытаясь удерживать в сознании сияющие линии. Но стоило ему направить ману к ладони, как хлынувший из ядра поток сокрушительной плотности в пыль смел хрупкий каркас III Круга.

— Задай вектор голосом, если форма плывет! — скомандовала наставница.

— Огонь! — выдохнул мальчик.

Вместо аккуратной сферы с его ладони с оглушительным ревом сорвался чудовищный столб багрового пламени. Неуправляемая масса маны выплеснулась наружу, игнорируя всякие законы геометрии. От отдачи Акихиро сбило с ног и опрокинуло на плиты. Пламя взмыло в зенит, опаливая верхушки живой изгороди.

Джулия среагировала мгновенно. Парящая водяная сфера сорвалась с ее руки, развернулась широким полотном и накрыла ревущий огонь. Раздался громкий шипящий взрыв пара. Остаточный поток воды плотным кольцом обвил запястье мальчика, снимая термический шок.

— Прекрати подачу маны, Акихиро. Довольно.

Мальчик тяжело глотал воздух, глядя на исходившую паром ладонь.

— Наставница... что это? — ошеломленно прошептала Дина, глядя на почерневший, треснувший гранит площадки.

— Существуют два типа одаренных: преобразователи и элементалисты, — ровно пояснила Джулия, помогая мальчику встать. — Преобразователи свободно комбинируют стихии благодаря выверенным кругам плетения. Элементалисты же, как правило, скованы одной стихией, но их резерв огромен. Мастер-преобразователь формирует сферу огня размером с человеческую голову. Акихиро пока не способен удержать геометрию III Круга, но масштаб его сырой маны колоссален. Впрочем, в реальном бою слепая сила без контроля бесполезна.

— Значит, я безнадежен? — мальчик понурил голову.

— Вовсе нет. Твоя цель — обуздать этот напор дисциплиной. У сестер задача иная: шлифовать сложные комбинации.

Джулия выдержала паузу и добавила:

— Поскольку моя специализация — преобразование, развитием твоей чистой стихии займется сильнейший элементалист этого дома.

— Кто? — Акихиро поднял глаза.

— Член Верховного Магического Совета. Госпожа Андриана Коул.

— Бабушка?!

Сестры Де Ла Мар позади него оцепенели. В их расширившихся зрачках вспыхнул леденящий, суеверный ужас.

— Занятие окончено, — Джулия развеяла защитные руны и направилась к главному корпусу.

— Пойдем, Нана, — глухо бросила Дина, резко отворачиваясь.

— Подождите, я с вами... — шагнул к ним Акихиро.

— Отойди! — Дина смерила его взглядом, полным неприкрытого страха и яда.

— Дина, не надо... — испуганно дернула ее за рукав Нана. — Помни, где мы находимся.

Сестры торопливо скрылись за поворотом аллеи.

— Господин Акихиро! — послышался запыхавшийся голос со стороны парка.

По гравию бежала Рейчел, придерживая подол платья.

— Господин... Вас немедленно требует к себе Хозяйка.

— Спасибо, Рейчел, — выдохнул Акихиро, посмотрев на свои еще дрожащие от жара ладони.

Глава 4

В полумраке кабинета Андриана Коул казалась частью самой цитадели — монументальной, застывшей, вросшей корнями в гранитный фундамент. Свет настенных канделябров едва очерчивал ее сухое лицо и тяжелую трость темного дерева, упертую в полированный пол.

— Я подозревала, что в твоей крови разыграется стихия, — ее голос прозвучал ровно, словно шорох остывающего базальта. — Интуиция редко меня подводит. Ты чистокровный элементалист.

— Вы... и вправду сильнейшая среди них? — Акихиро сжал кулаки. Хрупкая с виду фигура старой аристократки никак не вязалась с памятью о той сокрушительной силе, которой она выжигала остатки штурмового отряда на пепелище Тюри.

— Этот титул не выбирают, мальчик. Его берут силой и удерживают кровью, — Андриана медленно приподняла тяжелые веки. В ее глазах не было ни тепла, ни семейного участия. — Каждый, кто сомневался в моем праве, остался гнить в земле. Таков порядок вещей.

— Но если огонь во мне...

— Насчет твоего обучения, — сухо оборвала она. Стук трости о камень эхом отдался под сводами. — Завтра на рассвете я проведу твой первый урок. А сейчас — свободен.

Воздух в кабинете словно уплотнился, выдавливая мальчика к выходу. Спорить с этой женщиной было равносильно попытке остановить обвал голыми руками.

В малой столовой царил холод сквозняков. Дина с остервенением вонзала серебряный нож в волокна полусырого ростбифа, брызгая темным соком на белую скатерть.

— Не верю, что этот соплик — ее плоть и кровь, — прошипела она, косясь на застывшую у стен прислугу. — Жалкий, перепуганный щенок.

— Не спеши, Дина, — Нана едва пригубила остывший травяной взвар, нервно оглядывая темные углы залы. — Ты чувствовала, как фонит его ядро? В нем бездна сырой маны. И не забывай: мы здесь на птичьих правах. Сорвем задание — госпожа скормит нас своим каменным стражам.

— Знаю я! — отрезала старшая, со скрежетом полоснув лезвием по фарфору.

Утро встретило Акихиро промозглым туманом и запахом сырой земли. Тренировочный плац, вымощенный серыми плитами с контурами серебряных защитных рун, пустовал. Из-за срочного вызова Андрианы в Верховный Магический Совет юного Мори вывели на площадку раньше обычного.

Однако вместо бабушки из предутренней дымки выступила высокая фигура старшей горничной.

— Господин Акихиро, — Джулия Ванфольд склонила голову с безупречной выправкой. Ее темное платье не имело ни единой складки. — Госпожа отбыла в Совет. Мне поручено провести общее занятие.

Разочарование кольнуло грудь, но Акихиро лишь молча сжал зубы, кутаясь в суконный камзол. Вскоре со стороны восточного крыла подошли сестры Де Ла Мар. Дина смерила мальчика колючим, полным неприязни взглядом.

— А этот что здесь забыл? Разве благородный наследник не должен вкушать тайные знания наедине со своей великой бабкой?

— Моя обязанность — присутствовать на практике и фиксировать ход урока, — сдержанно отозвался Акихиро.

Джулия сделала шаг вперед, мягко разрезая нарастающее напряжение:

— Довольно пустых разговоров. Тема сегодняшнего занятия — полистихийные комбинации и специфика дуэлей на Континентальных турнирах. Основа победы преобразователя на большой арене — синхронная связка трех-четырех матриц. Исключение составляет стихия

молнии: она пожирает резерв в геометрической прогрессии. Наложение второй стихии удваивает ментальное сопротивление, третьей — учетверяет. Чем сложнее плетение, тем жестче требования к геометрическому каркасу III Круга.

— Наставница, — подала голос Дина, ее надменность сменилась профессиональным азартом. — А каков ваш предел удержания?

— В годы выступлений на турнирной арене я сводила до четырех независимых формул, — ровно отозвалась Джулия.

— Вы бились на высшем континентальном уровне?

— Мне довелось войти в сетку мастеров, но вершина осталась недостижимой, — в голосе горничной промелькнула едва уловимая горечь. — Настоящая дуэль — это не демонстрация чистого резерва, а филигранный расчет таймингов VII Круга и просчет векторов.

— А элементалисты? — не удержался Акихиро, шагнув вперед.

Взгляд серых глаз Джулии заставил его замереть на месте.

— Элементалисты — самый опасный тип противника. Против собратьев-преобразователей работает позиционная игра и перегрузка каналов. Но стихийники диктуют саму дистанцию боя. Их радиус сокрушитель, а объем высвобождаемой материи продавливают стандартные матрицы изоляции. Сблизиться с ними — единственный шанс, но под градом стихии это почти невозможно.

Джулия повернулась к тренировочным мишеням и добавила:

— В регламентах старых турниров элементалистов вообще не ограничивали. Они просто выжигали кислород в легких оппонента через прямой вектор V Круга на ближней дистанции. Девять из десяти дуэлей заканчивались асфиксией или разрывом трахеи до того, как преобразователь успевал замкнуть III Круг. Комитет счел это варварством и наложил запрет на прямое воздействие внутри чужого тела.

— Варварство трусов, — бросила Дина, кривя губы. — Победа грубой массой без капли искусства.

Джулия подняла руку, пресекая перепалку:

— Перейдем к базовой синхронизации. Простейшая двухсоставная формула: Воздух и Огонь. Вторая ступень — «Огненный смерч». Смотрите на геометрию.

Пальцы горничной рассекли морозный воздух. Тонкие светящиеся линии вспыхнули перед ней с хирургической четкостью:

I Круг (Пробуждение) — перевод сырой маны ядра в рабочий контур.

II круг (направление) — задание восходящего спирального вектора.

III Круг (Удержание) — возведение жесткого полого конуса, удерживающего форму.

V Круг (Стихия) — одновременное вливание воздушного потока и искры пламени.

— Огненный смерч, — негромко произнесла Джулия.

C глухим свистом воздух втянул остатки тумана. Посреди площадки с ревом взметнулась идеальная, ослепительно-алая воронка пламени. Она вращалась с монотонной математической выверенностью, пока Джулия не сомкнула ладонь, оборвав ток маны. Руны на полу едва успели вспыхнуть серебром, поглощая рассеянное тепло.

— Позвольте мне! — вырвалось у Акихиро. Внутри него все клокотало от желания доказать, что он не обуза и не трус.

Джулия нахмурилась, в ее позе мелькнула настороженность:

— Контролируй напор ядра, господин Акихиро. Каркас III Круга должен быть абсолютно жестким, иначе...

Мальчик не дослушал. Вскинув руки, он рванул ману из глубины груди.

Горячая, пульсирующая волна хлынула по магическим каналам, обжигая предплечья — и в то же мгновение реальность вокруг дрогнула.

В ушах зазвенело. Промозглый утренний туман сменился запахом паленой плоти, кипящей крови и чада Бездны. Перед глазами вспыхнул пылающий холл поместья в Тюри: треск обугленных балок, слепящее inferнальное зарево и Кэзуми. Ее почерневшая от нечеловеческого жара чешуя, угасающие змеиные зрачки и слабеющее тело, заслонившее его от огненной бури.

«Мама...»

Спазм сдавил горло. Сердце Акихиро пропустило удар, в висках застучал первобытный ужас перед собственным огнем, способным испепелить всё, что ему дорого. Ментальный контур дрогнул.

— Огненный смерч! — выкрикнул он, скорее пытаюсь заглушить собственный крик, чем завершить расчет.

Вместо изящной спирали матрица вспыхнула кривой, яростно детонирующей клеткой. Колоссальный объем сырой стихии хлынул в незамкнутую форму. Изувеченный страхом III Круг не выдержал и доли секунды: тонкие линии изоляции с сухим треском лопнули. Раздался оглушительный хлопок. Волна удушливого жара и копоты ударила во все стороны, разметав воронку в слепой веер искр.

Акихиро отшатнулся и упал на одно колено, судорожно хватая ртом холодный воздух. Его ладони тряслись, кончики пальцев саднило от ожогов, а в ноздри въелся едкий запах паленой шерсти и озона.

— Форма разорвана, — констатировала Джулия, опуская прозрачный щит VI Круга. Ее лицо оставалось непроницаемым, но в глазах застыло тяжелое понимание.

— Чистая бездарность, — скривилась Дина, демонстративно отступая на шаг от облака сажи. — Ни грамма контроля. Только дикий шум и пепел.

— Дина, замолчи, — тихо одернула ее Нана. Взгляд младшей сестры был прикован к дрожащим рукам мальчика.

— Я покажу, как выглядит законченная матрица, — Дина гордо шагнула в центр плаца.

Ее движения были механическими, выверенными годами муштры. Плетение вспыхнуло ровным лазурным светом — безукоризненная копия формулы Джулии. Смерч взвился над плитами строго по центру: аккуратный, математически выверенный, безопасный. Погасив огонь, Дина победоносно вскинула подбородок.

— Нана, твой черед, — скомандовала наставница.

— Я... воздержусь, наставница. Пальцы свело от холода, — Нана спрятала руки в широкие рукава платья и потупилась.

— В таком случае занятие окончено. Возвращайтесь в жилой корпус.

Когда шаги сестер затихли в каменной галерее, Джулия подошла к Акихиро. Мальчик все еще сидел на плите, не поднимая головы и стискивая обожженные пальцы в кулаки.

— Не принимай ее яд близко к сердцу, — мягко произнесла женщина, присаживаясь рядом и стирая платком пятно сажи с его виска.

— Она права... Я даже не смог удержать конус. Огонь выходит из-под контроля. Он... он просто всё уничтожает.

— Дина воспроизводит чужие чертежи, как заученный параграф. В ней нет смелости заглянуть за грань схемы, — Джулия взглянула на оплавленный край рунной плиты под ногами мальчика. — Твое ядро колоссально, Акихиро. Но ты боишься собственной стихии, потому что помнишь, какую цену заплатил за нее. Пока страх управляет твоей рукой, III Круг всегда будет лопаться. Океан нельзя запереть в хрустальный кувшин. Его нужно научиться направлять.

Глава 5

Вернувшись в свои покои, Акихиро первым делом отодвинул пристенную панель и достал дневник отца. Тяжелый фолиант в потертом кожаном переплете пах сухой бумагой, пылью и старыми железо-галловыми чернилами.

Страницы густо испещрял мелкий, вьедливый почерк Атсуши. Изящные чертежи матриц перечеркивались расчетами допусков, а геометрия кругов плетения далеко выходила за границы академических трактатов. Взгляд Акихиро цеплялся за сложные связки Третьего и Девятого Кругов, но абстрактные формулы размывались перед глазами. Терминология ускользала, хотя жуткая суть исследований проступала отчетливо: отец искал уязвимости в самом фундаменте магии, нашупывал точки, в которых даже идеальная матрица дает трещину.

Каждый проработанный парадокс лишь плодил новые тупики, разжигая внутри бессильное раздражение.

— Я разберусь, отец... — шёпотом пообещал Акихиро, погладив шершавый корешок.
— Чего бы мне это ни стоило.

— Вы всё читаете, юный господин?

Акихиро вздрогнул. Сердце качнулось к горлу, ладонь инстинктивно накрыла разворот.

Рейчел стояла у дверей, ступая по коврам бесшумно, точно тень. От нее пахло мылом и едва уловимым кухонным чадом. Лишь она да Джулия знали о рукописи, и за прошедшие месяцы робкая горничная стала едва ли не единственной, кому мальчик хоть немного доверял. И все же отдать дневник кому-либо — даже ради его безопасности — казалось Акихиро предательством памяти отца.

— Обед подан, — тихо произнесла Рейчел, опуская глаза и расправляя передник. — Леди Дина и леди Нана уже в обеденной зале. Ждут вас.

— Да. Спускаюсь.

Акихиро уложил тетрадь в массивную шкатулку резного дерева и с сухим щелчком повернул бронзовый ключ. Сделал шаг к выходу, но затылок обдало липким холодом тревоги. Стоило представить, как слуги или гвардейцы Андрианы перерывают его вещи, пока он внизу, и дыхание перехватило.

Вернувшись к столу, он снова вставил ключ, отпер замок и поднял крышку. Тетрадь лежала на месте. Акихиро выдохнул, повторно запер шкатулку, дернул крышку для проверки и спрятал ключ на самый заплывший дно кармана.

Глава 6

— Наконец-то. Долго нам еще тебя ждать? — встретила его Дина, едва он переступил порог столовой. Позолоченная вилка в ее пальцах нервно звякнула о край фарфора.

— Дина, перестань, — мягко, но с открытой тревогой вмешалась Нана, поправляя салфетку. — Наверняка у Акихиро были важные дела.

— Какие дела? — Дина смерила Акихиро пристальным, оценивающим взглядом, пока тот подходил к столу. — Твои вылазки на кухню посреди ночи? Или прогулки по карнизам замка, о которых уже шепчутся слуги?

— Ни то, ни другое, — сухо отозвался Акихиро, садясь на свое место и избегая прямого зрительного контакта. Взгляд мальчика оставался устремлен в скатерть.

— Тогда, может, ты наконец прольешь свет на свои великие изыскания? — не отступала Дина, подаваясь слегка вперед. — Ты целыми днями сидишь в своей комнате, обложившись старыми тетрадями. Бабушка наняла тебе лучших учителей, а ты тратишь время на истрепанные черновики.

— Я пытался разгадать записи отца, — ровно ответил Акихиро, чувствуя, как внутри закипает глухое раздражение.

— А, этот бесполезный мусор? — Дина с пренебрежительной усмешкой откинула приборы. Металл с резким звоном упал на серебряный поднос. — Кажется, твои «великие записи» не очень-то помогли ему спасти свой дом. Или тебя.

Акихиро застыл. Пальцы под столом судорожно сжались в кулаки, ногти до боли впились в ладони.

— Следи за языком. Ты понятия не имеешь, о чем говоришь.

— Как и ты, — мгновенно парировала Дина, ее глаза блеснули злой, торжествующей заносчивостью. — Впрочем, яблоко от яблони недалеко падает. Какой отец, такой и сын.

Нана мгновенно побледнела и с силой дернула сестру за рукав платья:

— Дина, замолчи! Слова задела Акихиро сильнее, чем физический удар. Звуки столовой мгновенно потонули в низком, глухом гуле. Зрение сузилось до точечного пятна. В памяти вспыхнул жуткий образ из прошлого: Кэзуми — безжизненная, с остекленевшим взглядом, устремленным сквозь него в пустоту.

Эмоциональный шок спровоцировал неконтролируемый резонанс внутренней энергии. *Круг Пробуждения (I)* внутри Акихиро дестабилизировался.

Воздух в столовой мгновенно стал тяжелым и холодным. Пламя свечей в канделябрах прижалось к воску и окрасилось в мертвенно-синий цвет. По фарфоровой посуде прошла мелкая дрожь, отзывающаяся сухим треском.

Акихиро не закричал. Его дыхание прервалось судорожным спазмом. Ноги подкосились, и он бесшумно соскользнул со стула на каменный пол, обхватив голову руками. Зрачки мальчика расширились, взгляд стал абсолютно пустым. Из груди вырывался лишь сиплый, прерывистый шепот:

— Мама... папа...

Дина отшатнулась, ощутив, как дикая, неструктурированная мана Акихиро физической тяжестью давит на грудную клетку. Спесь с нее мгновенно слетела, сменившись позорным страхом. Лицо девочки пошло бледными пятнами.

— Я... я не...

Рейчел сработала на инстинктах. Шагнув вперед, она с размаху ударила Дину по щеке. Звук пощечины хлестко прозвенел в обеденном зале, мгновенно сбив нарастающее магическое напряжение.

Дина не удержалась на ногах и опустилась на паркет, судорожно прижав ладонь к горячей коже. На ее лице застыл абсолютный шок — она не могла осознать, что служанка подняла руку на дворянку. Нана замерла с открытым ртом, переводя ошеломленный взгляд с сестры на горничную.

Рейчел даже не взглянула на Дину. Опустившись на колени рядом с Акихиро, она аккуратно притянула его к себе.

Мальчика била крупная дрожь, его кожа была ледяной, а стихийная мана вырывалась наружу рваными, хаотичными импульсами. Акихиро слепо уткнулся носом в ее плечо, судорожно вцепившись пальцами в ткань формы.

— Я тоже... люблю вас... очень сильно... — прошептал он сухими губами, полностью потеряв связь с реальностью.

Рейчел ощутила, как по ее шее стекают его горячие слезы. До нее мгновенно дошло: он обращается не к ней, а к погибшим родителям, заново проживая день их гибели. Она крепче сомкнула руки на его спине, выступая в роли заземлителя.

— Я здесь. Ты дома, — произнесла она ровным, чеканным голосом.

Человеческое тепло и физический контакт сработали как гаситель. Пространственный резонанс начал угасать: пламя свечей выровнялось, посуда замерла. Дрожь в теле Акихиро постепенно сошла на нет, пальцы расцепились, и от колоссального эмоционального и магического истощения он потерял сознание, обмякнув на руках у Рейчел.

Глава 7

Акихиро очнулся от резкого спазма в груди. Липкий ночной пот мгновенно остыл на коже, оставляя тошнотворное чувство дежавю. Тень пережитого кошмара всё еще висела под потолком спальни. Желудок скрутило от голодного головокружения, и мальчик поднялся с кровати.

В коридоре гулял сквозняк. Высокое окно и тяжелая дубовая дверь на балкон были распахнуты настежь, пуская в замковый тракт ледяной ночной воздух. Акихиро сжал пальцы в кулаки: кто мог оставить их открытыми в цитадели, где каждый шаг отслеживается рунами? Из глубины нижних уровней доносился низкий, едва различимый вибрационный гул.

Спустившись по винтовой лестнице к кухонному крылу, он заметил полуоткрытую дубовую дверь, ведущую в подземный ярус. Из щели на серые плиты пола проливался аномальный, мертвенно-зеленый свет. Вместе с ним наверх поднимался запах жженой серы, инея и сырой земли.

Акихиро бесшумно приблизился и прильнул к тяжелой створе. Из глубины подвала доносился ядовитый, срывающийся на хрип голос.

— Я пожалела вас, как убогих птенцов! Как тварей, невиновных в грехах своих отцов! — Пожилой голос Андрианы Коул был пропитан ледяным презрением, за которым пряталась глухая, незаживающая боль. — И так вы платите за милость? Я требовала только одного — не осквернять этот дом!

— Пожалуйста... это я! Это всё я! — тонкий, сорванный до хрипоты детский голос Дины захлебывался слезами. — Нана ничего не делала... Не наказывайте её, прошу вас!

— Ты не понимаешь, глупая дрянь, — сухо и безжалостно отсекла Андриана. Сталь в ее тоне резала слух. — Твоя кровь, твой проклятый род пытался согнать со света всю мою семью. Мой сын... мой Атсуши принял мученическую смерть в подвале Тюри, чтобы дать мальчику шанс! Они рвали его матери плоть, пока мой внук смотрел на это! А ты... ты осмеливаешься рыться в его вещах?! Ты ковыряешь открытую рану! Если я сдеру с вас кожу и сжгу здесь — даже это не искупит и доли того ада, через который прошел Акихиро!

— Убейте меня! Сделайте со мной что угодно! Только не трогайте Нану!

Акихиро заглянул в щель. Дина стояла на коленях на голом, покрытом инеем камне. Вместо изящного платья на ней висела мешковатая роба из грубой серой мешковины, пачкавшаяся о грязь.

За её спиной, в воздухе, неподвижно висела Нана. Девочка была запечатана в жестоком пространственном зажиме: её губы посинели, ресницы и волосы покрылись плотной коркой льда, а глаза были полуприкрыты, уставившись в пустоту остекленевшим взглядом.

Андриана медленно поднимала тяжелую трость. Вокруг черного дерева закручивались тугие спирали маны.

— Я заглушила голос разума, — выплюнула старая аристократка. — Надо было выжечь вашу кровь сразу. Дети не отвечают за грехи отцов? Чушь. Смотри же, девчонка. Твоя сестра умрет первой.

— Нет-т!..

Акихиро не помнил, как выбил дубовую дверь. Тяжелая створка с грохотом ударилась о каменную стену, выбив сноп искр.

— Стой! Прекрати!

Мальчик ворвался в темницу и бросился к Нане, пытаюсь вырвать её из невидимой петли. Его руки вцепились в одежду девочки, но пальцы тут же обожгло могильным холодом. Нана была тяжелой и жесткой, словно вытесанная из льда статуя. Ни пульса, ни движения грудной клетки.

— Как ты здесь оказался?! — Андриана резко развернулась. Пространственный каркас вокруг девочки хрустнул и распался, Нана кулем рухнула на каменный пол. Воздух в подвале плотно сжался от гнева главы дома Коул. — Убирайся в свои покои, Акихиро! Ты не понимаешь, кто они! Из-за их ублюдков-родителей погибли Атсуши и Кэзуми!

— Ты сама только что сказала, что виноваты взрослые! — выкрикнул Акихиро, заслоня собой оцепенелое тело Наны. Пальцы мальчика дрожали, но он не отступил ни на шаг. — Оставь их! Хватит!

Андриана Коул замерла. Её тонкие губы сжались в нить. Впервые в вечно ледяных, полуслепых глазах старой женщины проскочило нечто вроде дикого, суеверного испуга. Из-за дикой ярости, затаившейся в зрачках внука, на нее будто снова взглянула мертвая Кэзуми.

— Делай с этими тварями что хочешь, — холодно и глухо произнесла Андриана.

Давление маны в воздухе мгновенно опало. Пожилая женщина развернулась и, чеканя шаги тростью, вышла из подвала, не повернув головы.

— Нана... Нана, очнись! — Акихиро упал на колени, судорожно растирая заскорузлые от мороза ладони девочки. Кожа была синюшной, ногти потемнели. — Ей нужно тепло! Дина, помогай!

Дина сидела на полу, уткнувшись лицом в колени. Её плечи мелкой дрожью сотрясал сухой кашель.

— Чего ты сидишь?! — рявкнул на нее Акихиро, чувствуя, как паника сжимает горло. — Она же мертва почти!

— Я... я не могу... — прошептала Дина.

Её пальцы судорожно вцепились в подол серой робы и подтянули грубую ткань вверх. В тусклом зеленоватом свете рун блеснула плотная, сухая чешуя. Вместо человеческих ног ниже пояса у Дины извивался длинный, истощенный змеиный хвост грязно-медного оттенка.

— Ламия?.. — Акихиро на секунду застыл, но воспоминание о матери шквалом пронеслось в голове, выжигая страх. — Черт с ним! Магия! Я согрею её огнем!

— Стой! Не смей, здесь барьер!.. — испуганно вскрикнула Дина.

Но Акихиро уже выхватил ману из ядра. Вопреки травме, страх за жизнь Наны заставил его сломать барьер блокировки. На его ладонях вспыхнуло яркое, алое стихийное пламя.

Жар на мгновение обжег лица, но в ту же секунду среагировали защитные контуры подвала. Серебряные руны на стенах вспыхнули. Красный огонь Акихиро, не скрепленный жестким III Кругом Удержания, расщепился. Формула искривилась, переходя в фазу насильственного поглощения.

Алое пламя с треском переродилось в ослепительно-синий, пустотный сгусток. Вместо тепла этот огонь с голодным гулом начал высасывать из помещения остатки воздуха и тепловой энергии. Влага в дыхании мгновенно превратилась в ледяную крупу. Мороз ударил с такой силой, что стены темницы покрылись игольчатым инеем. Сгусток синего пламени схлопнулся, оставив после себя лишь лютую, арктическую стужу.

— Поглощающий резонанс... — задыхаясь от резко перехватившего легкие холода, прохрипел Акихиро. Пальцы на руках перестали гнутья. — Подавляющий контур... Дина, бегом на второй этаж! Зови Джулию или Рейчел! Горячую ванну, грелки, шерсть... Быстро!

Дина кивнула. Изгибаясь и тяжело перебирая чешуйчатым хвостом по покрытому льду камню, она стремительно скользнула к выходу.

В подвале стало нечем дышать. Акихиро осторожно приподнял подол серой робы Наны. У младшей сестры хвост был изящнее, покрытый редкой, золотисто-перламутровой чешуей, которая сейчас потускнела и пошла темными пятнами обморожения.

Превозмогая дрожь, Акихиро обнял девочку, прижав её к своей груди и пытаясь отдавать собственное тепло.

— Тяжелая... — выдохнул он. Хвост ламии добавлял веса, но по сравнению с исполинским, согревающим телом Кэзуми, Нана казалась хрупкой, почти невесомой тростинкой. — Держись... Пожалуйста, держись.

Ожидание тянулось вечно. Акихиро оглядел темницу. Ни диванов, ни ковров. Каменный мешок, единственный гнилой матрас на полу и рваное одеяло. На обшарпанном комод в углу лежали два аккуратно сложенных платья — те самые, в которых сестры выходили к обеду. Единственные вещи, связывавшие их с прежней благородной жизнью.

В коридоре раздался дробный стук шагов. В темницу ворвались Дина и Джулия.

— Малое пламя, — чётко, без дрожи в голосе произнесла Джулия, вскидывая кисть.

На её ладони расцвел идеальный, плотный шар золотистого огня. Старшая горничная выстроила безупречный многослойный каркас: I Круг поднял силу, III удерживал форму, а V давал мягкую тепловую волну. Руны на стенах вспыхнули зеленым, пытаясь подавить магию, но идеальная геометрия Джулии не дала барьеру исказить структуру.

Волна мягкого, живого тепла накрыла темницу. Иней на стенах мгновенно превратился в росу.

Нана судорожно, с навзрыдным хрипом вдохнула воздух и открыла глаза. Увидев перед собой лицо Акихиро и почувствовав его руки, она испуганно вскрикнула, попыталась отпрянуть, но тут же обессиленно упала ему на плечо.

— Нана! — Дина со слезами рухнула рядом, обнимая сестру.

Акихиро осторожно высвободился и поднялся. Онемевшие колени отозвались острой болью. Он повернулся к Джулии. Его голос звучал сухо и непреклонно:

— Приготовь две ванны. Дине тоже нужно согреться. И установи вторую кровать в моей спальне. Они будут жить со мной.

Джулия на мгновение замерла, оценивая хаос в подвале, замерзших сестер-ламий и жесткий взгляд мальчика. Затем наклонила голову в уважительном поклоне:

— Будет исполнено, молодой господин.

— Спасибо... — Дина неожиданно схватила Акихиро за рукав, вжимаясь лицом в его локоть. Из её глаз текли крупные слезы. — Спасибо тебе... И прости. Прости за всё, что я говорила в столовой!

Акихиро лишь молча качнул головой. Он подошел к комоду, взял скомканные платья и бросил их Дине.

Глава 8

Акихиро бессмысленно шагнул по погруженной в полумрак спальне, не в силах заставить себя лечь. На его ложе, которое прежде казалось слишком просторным для одного, теперь спали две девочки. В форме ламий — с переплетенными чешуйчатыми хвостами — места им катастрофически не хватало. Но крайняя степень истощения и перенесенное анабиотическое переохлаждение заставили их забыться тяжелым, плотным сном прямо так, не распутывая колец.

«Почему они не вернулись в человеческую форму? Им же тесно... Или превращение требует активного расхода маны?»

Акихиро цеплялся за эту мысль, судорожно выстраивая цепочки гипотез, но быстро понял, что лишь пытается сбежать от реальности. Зачем забивать голову анатомией ламий, когда мир рушится, а каждый шаг в этом замке пропитан ложью?

Он тяжело выдохнул и прижал холодные, сжатые в кулаки ладони к лицу.

«Кого ты пытаешься обмануть? Дело совсем не в этом».

В голове кружился дикий вихрь. Где на самом деле находится эта цитадель? Что произошло в подземном бункере Тюри в день гибели его семьи? И сколько еще скелетов прячет господа Коул за фасадом родового величия?

Приняв решение, Акихиро решительно шагнул к выходу и бесшумно потянул тяжелую ручку на себя.

На пороге, прислонившись спиной к каменному косяку, стояла Джулия. В ее ночной задержке не было бы ничего странного, если бы не взгляд — сухой, цепкий и абсолютно лишенный привычной маски сервильности.

Акихиро быстро окинул взглядом пустой, гулкий коридор.

— Что там произошло? — спросила Джулия без предисловий, полностью отбросив форматы дворянского этикета.

— Ты знала об этом крыле? — сухо перебил её мальчик. — О том, в каких скотских условиях их держали?

Джулия чуть поджала губы — в ее глазах промелькнула тень досады, обращенной явно не на Акихиро.

— Госпожа Коул строго запретила слугам приближаться к подвальным помещениям западного крыла. У меня не было туда доступа.

— Значит, ты ни о чем не догадывалась?

— Госпожа лично приводила леди Нану и леди Дину к обеду и лично уводила их, — ровным, отчеканенным тоном ответила Джулия, хотя в её голосе зазвенела сталь. — Я полагала, что они — гости из знатного рода, которых держат в изолированных покоях ради безопасности. Я думала... госпожа привела их, чтобы вы не ощущали себя одиноко.

«Чтобы я не был одиноко...» — ядовитая мысль отозвалась тупой, тошнотворной болью в груди. Андриана создала фасад нормальной жизни, за которым скрывала пыточную камеру для детей.

— Ты видела ту темницу, Джулия, — тихо произнес Акихиро, делая шаг в коридор и намереваясь пройти мимо нее. — Бабушка сказала, что теперь они — моя забота.

Джулия мгновенно оценила его тон и бесшумно двинулась следом:

— Куда вы в таком состоянии, юный господин?

— Проветриться, — коротко отрезал он, не оборачиваясь.

Эмоциональное и магическое истощение валило с ног, но внутри klokотала смесь ярости и тяжелого, удушливого отчаяния. Он отчетливо чувствовал ту же глухую боль, что разъедала

Андриану, и от этого становилось только тошнотворнее. Ему нужно было расставить точки над «і» — прямо сейчас, в кабинете бабушки.

Акихиро сделал порывистый шаг вперед, но Джулия с безупречной, хищной грацией заступила ему путь.

— Дорогу, Джулия, — процедил Акихиро, пытаясь обогнуть её. В его голосе зазвенели опасные ноты. — Я не намерен больше терпеть эту ложь. Я пойду к Андриане и...

Джулия не сдвинулась с места. В следующий миг её мана взвилась короткой, филигранно отточенной пульсацией.

Печать Тишины.

Воздух между ними уплотнился, превращаясь в вязкую, прозрачную линзу, мгновенно поглотившую любые звуки и заблокировавшую стихийные колебания в коридоре.

Резким, жестким движением Джулия прижала ладонь к груди Акихиро, останавливая его порыв и принудительно вдавливая обратно в дверной проем спальни.

— Вы никуда не пойдете, Акихиро, — произнесла она тихо, но с такой ледяной, абсолютной властью, что мальчик застыл.

— Ты не имеешь права меня удерживать! — Акихиро попытался смахнуть её руку, активируя собственную ману, но Джулия даже не шелохнулась. Её пальцы мертвой хваткой сомкнулись на его камзоле, а от ладони пошла ровная, подавляющая волна III Круга, гасящая его стихийный всплеск в самом зародыше.

— Имею. Потому что прямо сейчас вы ведете себя как глупец, — Джулия шагнула вплотную, вынуждая его отступить в полумрак комнаты. В её темных глазах отразился холодный расчет. — Что вы скажете Андриане Коул? Потребуете ответа? Попрекнете её жестокостью? Она запечатает вас в той же темнице за неповиновение. И будет формально права: ваш эмоциональный контроль на нуле. Вы едва не сожгли Нану собственной стихией пару часов назад!

Акихиро тяжело дышал, чувствуя, как её мана жестко, но бережно сковывает его внутренние каналы.

— И что ты предлагаешь? Делать вид, что ничего не произошло? Смотреть, как она их добивает?

— Я предлагаю переключить ваш разум со слепой ярости на расчет, — Джулия шагнула еще глубже в комнату, непреклонно оттесняя его от выхода.

Её ладонь плавно поднялась от груди к его шее. Пальцы легонько коснулись пульсирующей жилы на горле. От её руки пошли ровные, мягкие импульсы — принудительное, хирургически точное вмешательство в его энергетическую систему. Рваная мана Акихиро затихла, повинувшись её строгому ритму.

— Вы останетесь здесь, — прошептала Джулия, склонившись так близко, что её теплое дыхание коснулось его уха. — Будете беречь силы и охранять тех, кого взяли под свою ответственность.

— А ты? — Акихиро замер, тяжело дыша и ощущая, как гнев сменяется странным, неосознанным подчинением этой женщине.

— А я пойду к госпоже Коул. И исправлю то, что вы едва не разрушили своими эмоциями.

— Если ты пойдешь против нее...

— Я умею говорить с Андрианой Коул на том языке, который она понимает, — перебила его Джулия. В её голосе прозвучала сталь. — Ключ от шкатулки с дневником. Отдайте его мне.

— Нет, — качнул головой Акихиро, пытаясь отстраниться. — Это память об отце.

— В вашем нынешнем состоянии этот дневник — не память, а мишень.

Джулия не стала спорить. Она без колебаний скользнула ладонью в карман его камзола, накрыв его сжатые пальцы своей рукой. Слегка надавив на суставы, она заставила его разжать

кулак и извлекла холодный металл. На мгновение их пальцы сплелись, и Джулия чуть дольше необходимого задержала ладонь на его руке.

— Я забираю его. Не как служанка, а как человек, который закрывает вам спину. Верну только тогда, когда вы научитесь держать ману без моей помощи.

Акихиро застыл, ощущая тяжесть её взгляда. Он не стал вырывать ключ.

— Ложитесь спать, — тихо произнесла Джулия, отступая на шаг и разрывая контакт. На миг её строгий тон потеплел: — Сделайте это ради них. И ради себя, Акихиро.

Она вышла за порог, и массивная дубовая дверь бесшумно закрылась.

Оставшись в коридоре, Джулия на секунду прислонилась спиной к прохладному дереву и закрыла глаза, выравнивая собственный пульс. Её сердце билось быстрее обычного — не от страха перед госпожой поместья, а от того опасного, отчаянного пламени, которое она увидела в глазах мальчика.

Собравшись, Джулия расправила складки строгой формы и направилась в восточное крыло. По коридорам гулял сквозняк, колыша тени. Чем ближе она подходила к кабинету Андрианы Коул, тем тяжелее становился воздух — пространственная мана владелицы поместья ощущалась даже сквозь толщу каменных стен.

Джулия остановилась перед массивными дубовыми дверями, от которых веяло холодным резонансом, выждала пара секунд и дважды коротко стукнула дверным молотком.

— Войди, — отозвался из глубины кабинета сухой, глубокий голос.

Джулия бесшумно толкнула дверь.

Кабинет госпожи Коул тонул в полумраке. Единственным источником света оставалась тусклая лампа на массивном столе из тёмного ореха, за которым восседала Андриана. В её руках не было ни документов, ни фолиантов — матриарх просто смотрела в темное окно, опершись подбородком на сцепленные пальцы. Воздух в комнате был густым и давящим, как предгрозовой озон.

Джулия склонила голову в безупречном поклоне и замерла в трех шагах от стола.

— Юный господин уснул, — произнесла она ровным тоном. — Стихийный резонанс в его каналах стабилизирован.

Андриана не сразу повернула голову. Её взгляд медленно скользнул по фигуре горничной, выискивая фальшь, но Джулия выглядела монолитом покорности.

— Он собирался прийти сюда, верно? — безмятежно спросила госпожа Коул. — С яростью в глазах и претензиями на устах?

— У юного господина был сильный эмоциональный порыв, — тактично ответила Джулия. — Он пока слишком юн, чтобы отделять личные чувства от целесообразности. Я заблокировала его движение в коридоре и применила гасящую матрицу.

— Ты применила к нему силу, — в голосе Андрианы прозвучал сухой, исследовательский интерес. — И он подчинился?

— Он умеет слушать разумные доводы, когда они поданы без лишнего давления.

Андриана полностью развернулась к ней. Её бледное лицо в свете лампы казалось высеченным из мрамора.

— А ламии? — удар был нанесен ровно, без повышения тона. — Они всё еще в его спальне?

Джулия выдержала прямое давление пространственной маны. Она не стала лгать или оправдываться.

— Да, госпожа Коул. Девочки остаются в покоях Акихиро. Я лично отдала такое распоряжение.

В кабинете повисла абсолютная тишина. Огонь в лампе на мгновение принял к фитилю от скрытого всплеска силы Андрианы, но Джулия даже не дрогнула.

— Ты переступаешь границы своих полномочий, Джулия, — тихий голос госпожи Коул прозвучал холоднее ночного сквозняка. — Ты решаешь за меня, кому находиться в моем доме?

— Я решаю, как сохранить ресурс, в который вы вложили время и силы, — без колебаний отозвалась Джулия. — Если бы вы забрали этих детей сегодня ночью, Акихиро воспринимал бы это как прямое насилие над его волей. Его ярость превратилась бы в глухое, бесполезное сопротивление лично вам. Это затормозило бы его прогресс еще на месяцы.

Андриана чуть сузила глаза:

— И что же изменится теперь?

— Теперь эти девочки — его личная, осознанная ответственность, — Джулия сделала едва заметный шаг вперед. — Вы отдавали ему их как «заботу»? Пусть они станут его грузом. Он будет вынужден прятать их, тратить на них свои ресурсы, контролировать их состояние и отвечать за каждый их шаг. Вы хотели научить его дисциплине и умению отвечать за свои решения? Лучшего повода не придумать. С этого момента они — не ваша проблема.

Андриана молчала долгие десять секунд, медленно постукивая пальцем по полированной столешнице. В её взгляде проскользнуло уважение к той холодной, практичной жесткости, с которой Джулия препарировала ситуацию.

— Ты говоришь так, будто заботишься только о его успехе, — произнесла Андриана с едва уловимой иронией.

— Я забочусь о выживании и процветании дома Коул, — ровно ответила Джулия, опуская глаза. — Моя обязанность — следить за тем, чтобы наследник не сгорел раньше времени от собственной глупости.

— Что ж... — Андриана откинулась на спинку кресла, и давящая мана в комнате рассеялась. — Логика в твоих словах есть. Пусть остаются у него. Но завтра за утренним столом они будут присутствовать вместе с ним. Я хочу лично увидеть, как мой внук справится с грузом, который сам на себя взвалил.

— Я прослежу за этим.

— Свободна, Джулия.

— Доброй ночи, госпожа Коул.

Джулия сделала поклон, отступила к дверям и вышла. Едва тяжелое дерево защелкнулось, она опустила руку в карман фартука и сжала в кулаке прохладный, тяжелый ключ от отцовского дневника.

Первый шаг в её собственной опасной игре был сделан.

Глава 9

Утром, когда Нана и Дина очнулись, спальня Акихиро уже тонула в холодном, рассеянном свете. самого мальчика в комнате не было. На массивном кресле у подножия кровати аккуратной стопкой лежали их прошлые платья — отглаженные, с чистыми воротниками.

Дина, всё еще чувствуя мертвящую тяжесть в мышцах после ночного переохлаждения, поднялась первой. Одеядо соскользнуло, обнажая сухую, потемневшую на морозе чешую. С трудом сгибая заочневший хвост, она помогла одеться сестре, а затем бросила взгляд на туалетный столик из мореного дуба.

Там, отражаясь в овальном зеркале, одиноко тускнела её заколка — старинный магический артефакт с руной IV Круга, удерживающий личину человеческого тела без трат личной маны.

Дина подошла, взяла прохладный металл и привычным движением заколола волосы на затылке. По телу прошла легкая, щекочущая волна магии: кости и суставы сухо хрустнули, тяжелый хвост рассыпался призрачным маревом, уступая место привычной легкости человеческих ног.

— Дина... а ты мою заколку не видела? — тихо спросила Нана, напрасно ощупывая подкладку своего платья.

Дина вернулась к столику, но тот был пуст.

— Здесь лежала только моя... Подожди, я поищу на полу.

Девочки принялись осматривать паркет. Для Наны, чей многометровый золотистый хвост из-за истощения ядра плохо слушался хозяину, эти поиски превратились в пытку. Движения выходили рваными, а тяжелые чешуйчатые кольца с тихим стуком задевали резные ножки мебели.

— Её нигде нет, — вздохнула Дина, глядя на тщетные попытки сестры.

Пара секунд колебаний — и Дина решительным движением выхватила заколку из собственных волос. В ту же секунду её человеческие ноги опали, трансформируясь обратно в медный змеинный хвост, с шелестом ударившийся о паркет.

— Держи. Возьми мою, — Дина протянула артефакт сестре.

— А как же ты? — Нана удивленно замерла, сжимая заколку в дрожащих пальцах.

— В отличие от тебя, я больше не собираюсь стыдиться того, кем родилась, — Дина упрямо сжала губы, пытаясь придать лицу уверенный вид.

Едва Нана закрепила серебряную шпильку в волосах, её хвост тут же растаял, обратившись стройными ногами. Дина же осталась в форме ламии. Но сейчас, в тишине комнаты, видя сестру согретой и в безопасности, она ощутила редкий укол чистого спокойствия.

Они толкнули тяжелую дубовую дверь спальни. Коридор, где обычно незвучно скользила прислуга, казался вымершим. Не зная жесткого расписания цитадели, сестры просто направились на запах свежего хлеба и пряностей — в сторону обеденного зала.

И хотя Дина заявила, что не боится своего истинного облика, густой румянец, заливший её щеки, когда чешуя с громким, сухим шелестом поползла по прохладному граниту коридора, говорил об обратном. Каждое движение давалось с трудом под невидимым гнетом страха.

При входе в обеденную галерею их встретили две горничные с подносами. Увидев Нану на ногах, а Дину — ползущей в форме гибрида, служанки на мгновение застыли. В их глазах вспыхнуло брезгливое удивление. Однако годы суровой выучки дома Коул взяли свое: лица слуг мгновенно превратились в бесстрастные маски, хотя пальцы одной из них заметно сильнее сжали серебряный край подноса.

В мире, где гибриды и зверолоды занимали нижние ступени социальной лестницы, демонстрация истинной формы аристократами считалась либо глубоким падением, либо вызовом.

Обычно по утрам залом пользовались лишь воспитанники. Но сегодня картина была иной.

Во главе монументального стола из черного дерева уже восседала госпожа Андриана Коул. Матриарх избегала совместных трапез с детьми, но сегодня ситуацию продиктовал Акихиро — накануне он передал через Джулию требование о встрече, намереваясь зафиксировать новый порядок.

Акихиро сидел по правую руку от бабушки. На нем был строгий темный камзол. Заметив вошедших, мальчик спокойным, сдержанным жестом указал им на дубовые стулья напротив себя.

Справа от Андрианы, сжавшись в комке простого серого платья, сидела Рейчел. Младшая горничная густо краснела и почти не дышала, уставившись в свою пустую тарелку. Присутствие за столом владычицы замка явно вводило служанку в состояние тихого ужаса.

Нана без труда заняла место рядом с Акихиро. А вот Дина застыла у края стола. В форме ламии сесть на стандартный стул было физически невозможно — массивный хвост требовал пространства, а сворачиваться кольцами на ковре у ног Андрианы Коул казалось последней гранью унижения. Дина натянула подол и уже готова была отступить назад в коридор.

— Возьми, — раздался ровный, ледяной голос Андрианы.

Дина вздрогнула. Матриарх даже не повернула головы, но её сухощавая рука с длинными, ухоженными пальцами легла на скатерть. На полированном серебре салфеточного кольца блеснула вторая заколка — артефакт Наны, отобранный Андрианой прошлым вечером во время жестокого ареста в подвале.

Судорожно сглотнув, Дина приблизилась, приняла заколку из рук старой женщины и вткнула её в причёску. По телу пробежала привычная судорога трансформации, чешуя исчезла, и Дина, едва удерживаясь на ослабевших человеческих ногах, поспешно опустилась на стул.

Наступил момент, к которому Акихиро готовила Джулия. Не давая давящей пространственной мане бабушки замять диалог, он заговорил первым. В его голосе не было ни вчерашней детской истерики, ни ярости — только холодно выверенный дворянский тон:

— Госпожа Андриана.

Андриана чуть повернула голову, улавливая перемену. Она ждала от внука упреков, слез или глухой злобы. Но его собранность и ровная осанка вызвали в её полуслепых глазах тень сухого расчета.

— У меня есть просьба, — продолжал Акихиро, прямо глядя в лицо матриарху.

— И чего же ты хочешь, Акихиро? — спросила Андриана, слегка опираясь грудью на тяжелый набалдашник своей трости.

— Я хочу, чтобы вы позволили нам посетить город. Нам нужны вещи, и мы не можем без конца сидеть в четырёх стенах.

В обеденной галерее повисла звонкая тишина. Лишь фарфоровый чашечный соусник в руках Рейчел с тихим звяканьем ударился о блюдо.

Андриана молча всматривалась в внука. Тот факт, что Акихиро не стал устраивать сцену из-за пленниц, а предложил понятный, взрослый компромисс, показался ей признаком правильной мутации его характера. Джулия оказалась права: ответственность сделала его сдержаннее.

— Хорошо, — произнесла Андриана. — Но на моих условиях.

Она перевела тяжелый взгляд на сжавшуюся Рейчел:

— Во-первых, Рейчел идет с вами. Вы берете её в качестве прислуги и компаньонки. Во-вторых, вас сопровождают Джулия и двое гвардейцев в штатском. Разгуливать детям без надзора за пределами цитадели — глупость, которую я не допущу.

— Мы согласны, — сразу же отчеканил Акихиро.

Он с самого начала намеревался вытащить Рейчел из замка, чтобы расспросить её в нейтральной обстановке, но предпочитал не выдавать своих карт раньше времени. Едва заметная, жесткая ухмылка скользнула по его губам и тут же исчезла.

— Я... я сделаю всё, что прикажете, госпожа, — тихо прошептала Рейчел, низко кланяясь прямо за столом.

— А как же расходы? — подала голос Дина, натянуто расправляя салфетку на коленях. — У нас нет городских денег.

— Джулия всё оплатит из казны дома, — отрезала Андриана.

Она поправила кружевные манжеты, опираясь на трость, и царственно поднялась с кресла. Ее фигура мгновенно заслонила свет из высокого окна.

— И последнее, Акихиро. Вокруг Имени установлен внешний защитный контур VII и VIII Кругов. В девять вечера барьер закроется наглухо. Если опоздаете хотя бы на минуту — будете ночевать под стенами на голом камне. И даже не пытайтесь пробить контур своей магией: он просто расщепит тебя на атомы.

С этими словами Андриана Коул чеканным шагом покинула галерею. За её спиной, у самых дверей, в тени замерла Джулия. В её темных глазах проскользнуло едва заметное, одобрительное пламя — внук сыграл свою партию без единой ошибки.

— Акихиро... — застенчиво шепнула Дина, едва за мatriархом защелкнулась дубовая дверь.

— Что было вчера...

— Потом, — перебил её Акихиро, поднимаясь из-за стола и бросая салфетку. — В городе нет лишних ушей. Собирайтесь, у нас мало времени.

Глава 10

У парадного подножия цитадели их терпеливо дожидалась закрытая черная повозка. На высоком облучке, перебирая кожаные поводья, восседала Джулия. На её вышколенном лице читалась легкая тень томительного ожидания.

— Это и есть наш транспорт? — Акихиро окинул взглядом плоские металлические рессо́ры, напрасно выискивая привычные упряжные туши.

— Что-то не так, юный господин? — Джулия слегка приподняла бровь, явно не разделяя его разочарования.

— Да нет... Просто я наивно полагал, выкатят что-то более... монументальное. До того как мы оказались по эту сторону Стены, у нас подобные штуки назывались машинами. И двигались они без лошадей, на угле и механизмах.

Три пары глаз одновременно устремились на него. В салоне повисла плотная, тяжелая тишина.

Акихиро медленно обернулся и поперхнулся словами, осознав, что выболтал слишком много о мире людской изоляции за Великой Стеной. Нана и Дина переглянулись — в их взглядах промелькнули настороженность и суеверный страх перед «бескровными изгоями».

Чтобы сбить неловкую паузу, Акихиро обернулся к девочкам — и замер. Едва успев сменить тяжелые замковые платья на выездные наряды, его спутницы выглядели совсем не так, как он себе представлял.

Рейчел смущенно прятала лицо под широкими полями летней шляпки. Её короткое, нежно-лазурное платье на тонких бретелях оставляло плечи открытыми. В попытках слиться с толпой юная горничная, напротив, притягивала взгляды своей трогательной, незащищенной уязвимостью.

Нана, вопреки ожиданиям, выглядела мрачнее всех. Она выбрала облегающее чёрное мини-платье, поверх которого накинула свободную фиолетовую кофту из грубой шерсти с глубоким вырезом. Рукава едва доходили до локтей, а строгий крой изящно подчёркивал хрупкие плечи девочки.

Дина предпочла сухую практичность: короткие плотные шорты из тёмной кожи и белую хлопковую рубашку мужского кроя. Простой наряд оттенял её подтянутую осанку и цепкий взгляд.

— Учитывая наше положение и близость к границам трех союзов, благоразумнее избегать аристократического лоска, — ровным тоном произнесла Джулия, возвращая всех к реальности.

— Я понял.

Акихиро забрался в салон и мгновенно застыл на пороге. С земли он не мог разглядеть наряд главной горничной, ожидая увидеть её в привычном строгом платье. Но увиденное лишило его дара речи.

Поднимаясь в экипаж, он первым делом заметил её ноги. Тонкие, с литыми мышцами, они были обтянуты плотными чулками до середины бедер. Когда Джулия с естественной, хищной грацией закинула ногу на ногу, Акихиро обомлел. Чулки были асимметричными: на левой ноге — строгие черно-белые полосы, на правой — агрессивные, красно-черные.

Его взгляд скользнул выше. Подол ярко-алого платья, собранный в сложные, частые складки, напоминал бутон тёмной розы и едва закрывал бедра. Жесткий черный корсет из китового уса с узорами тёмных роз безупречно подчеркивал узкую талию. Глубокий вырез балансировал на тонкой грани между вызовом и холодным аристократизмом. Единственным, что напоминало о прежней Джулии, оставались очки в тонкой оправе и волосы, убранные в строгий высокий хвост.

— Что-то не так, Акихиро? — тихо спросила Джулия, уловив его ошеломленный взгляд через плечо.

Мальчик, одетый в простые льняные шорты и рубашку, заставил себя сглотнуть и сел напротив, изо всех сил пытаясь сохранить невозмутимое выражение лица.

— Эй, долго мы еще стоять будем? — подгнала их Дина из коридора.

Поднявшись следом, Нана и Дина тоже замерли на пороге экипажа, оглядывая главную горничную. Лишь Рейчел, уже выдавшая Джулию в выездных нарядах, бесшумно заняла крайнее место.

— Развратница... — прошептала Нана едва слышно, усаживаясь подле Акихиро.

Экипаж плавно тронулся. Внутри пола скрывались бесшумные артефакты кинетического движения — карета катилась без стука копыт. На протяжении всего пути Акихиро не мог отвести глаз от Джулии, а встречаясь с ней взглядом, смущенно переключался на мелькающие за окном горные пейзажи.

— Деревня за холмом зовется Угмир, — заговорила Джулия, вернув тон сухой наставницы, что контрастировало с её провокационным нарядом. — Отсюда до столицы Республики Клозиус — города Ролново — рукой подать.

— Мы так далеко от дома?.. — Нана и Дина подались вперед, всматриваясь в ущелье.

— Наш родовой дом — почти на другой стороне континента, — тихо ответила Нана на немой вопрос Акихиро.

Мальчик погрузился в молчание. Нахождение в чужом государстве означало одно: если Андриана захочет избавиться от них или спрятать, никто на Континенте их не найдет.

Экипаж спустился по пологому склону к подножию горной гряды. Впереди, вдоль извилистых берегов реки Айран, раскинулась внушительная панорама Ролново. Навстречу карете ударил мощный поток ледяного горного ветра.

— Сфера покоя, — Джулия плавно вскинула кисть, активируя III и V Круги, и за окнами мгновенно установилась блаженная тишина.

Вскоре экипаж замедлил ход перед укрепленным каменным форпостом. Из караульного помещения вышли двое стражников — высокорослые гиганты с красноватой, будто обожженной кожей и ослепительно-белыми волосами.

— Эгинцы... — тихо вырвалось у Акихиро.

Джулия грациозно спустилась из кареты и предъявила стражникам официальный пергамент с гербовой печатью Совета. Эгинцы — горная раса, лишенная природного магического ядра, но обладающая колоссальной физической плотностью и невосприимчивостью к ментальным чарам — бегло осмотрели документ и дали сигнал открыть кованые ворота.

Акихиро, не удержавшись от любопытства, выскочил из кареты вслед за Джулией и подошел к ближайшему исполину:

— Простите... Неужели вы и правда обходитесь без сна?

Эгинец сурово взглянул на мальчика сверху вниз, его желтые зрачки сузились:

— Правда, юный господин. А теперь проезжайте и не мешайте досмотру.

— Простите моего господина за нескромность, — Джулия слегка склонила голову и за локоть увела Акихиро обратно в салон.

Миновав блокпост, экипаж въехал на мощные мостовые Ролново. Акихиро настоял на том, чтобы отправить карету на охраняемую стоянку и продолжить путь пешком.

— Наконец-то свежий воздух, — выдохнул он, когда Джулия ушла улаживать вопросы с гильдией извозчиков.

— Ты намеренно выпросил пешую прогулку? — хмыкнула Дина, поправляя лямку шорт.

— Разумеется. Рейчел, ты ведь бывала здесь. Куда нам стоит направиться?

Рейчел, оказавшись в центре внимания, смутилась и поправила шляпку:

— В верхнем секторе располагается Великая Академия. Говорят... это сердце всей техномагии Континента.

— Решено, идем туда!

Улицы Ролново впечатляли: романская монументальная архитектура из серого гранита сменялась строгими фасадами из затемненного стекла, дышащими маной. Республика Клозиус считалась оплотом научной мысли, но доступ в Академию был открыт лишь высшей аристократии и природным гениям.

Когда группа подошла к монументальным ажурным воротам Академии, Акихиро замер, разглядывая ухоженные сады и шпили лабораторных корпусов.

— Я хочу здесь учиться, — вслух произнес он.

— Эй, мелочь, вы часом воротами не ошиблись? — раздался вальяжный, насмешливый голос.

К ним подошел высокий юноша в дорогой парчовой мантии старшего ученика. На его петлицах блестели серебряные знаки отличия.

— Что нужно сделать, чтобы поступить сюда? — спокойно спросил Акихиро, поднимая взгляд.

Студент громко, раскатисто рассмеялся, привлекая внимание гулявших неподалеку учащихся:

— Ты ведь человек, верно? — перестав хохотать, сухо уточнил незнакомец. — Из тех бескровных дикарей, что прячутся за своей Стеной?

— Человек. Но родился по эту сторону.

— Тогда тем более никак. Вы — на самом дне Лестницы Рас. Убирайся, бескровный.

— Идем, Акихиро, — тихо попросила Рейчел, сжимаясь под пренебрежительными взглядами толпы.

Мальчик кивнул и уже развернулся, чтобы уйти, но старшекурсник, расценив это как слабость, шагнул следом и развязно положил тяжелую ладонь на плечо Рейчел:

— А ты, милочка, выглядишь постарше этих заморышей. Может, проведу тебе экскурсию?..

Акихиро обернулся. Увидев чужую руку на плече горничной, он мгновенно потерял самообладание. Глаза мальчика накрыла багровая пелена.

— Убери от неё клешни, свинья.

Без единой секунды задержки Акихиро вскинул кисть. I Круг поднял ресурс, II дал вектор, V наполнил поток воздухом. Короткий, спрессованный до состояния бритвы порыв с глухим, костедробительным ударом врезался в грудь студента. Воздушного лезвия

Мощный импульс сбил дворянина с ног и протащил его по каменным плитам на десяток метров. Толпа ахнула — филигранная точность заклинания не задела Рейчел ни единым касанием.

— Ах ты... мелкий выродок! — прошипел юноша, поднимаясь на ноги.

Вокруг него закружилась тяжелая гравийная пыль, а кожа принялась стремительно темнеть и разрастаться, покрываясь трескающимися каменными пластинами. Он принадлежал к расе Горных Гигантов и вознамерился смыть унижение кровью.

— Довольно, — ледяной голос разрезал шум собравшейся глазееющей толпы.

Из-за угла медленно вышла Джулия. Однако внимание окружающих приковал не столько её голос, сколько пугающая метаморфоза, происходившая с её телом.

Чтобы подавить угрозу, Джулия активировала свою боевую, истинную форму расы Севаров — древнего народа воинов-кроликов. Её тело на глазах трансформировалось, принимая облик высокой, зрелой женщины с хищными, длинными бархатистыми ушами, прижатыми к голове. Мышцы налились сталью, пропорции изменились — эластичная ткань красного пла-

тя, специально зачарованная Андрианой для метаморфоз, натянулась до треска, подчеркивая выросшую грудь и бёдра.

— Джулия Ванфольд?.. — пронеслось по толпе испуганное шептание. — Это она! Гончая дома Коул!

Джулия сделала шаг вперед. Её глаза, лишённые привычной мягкости, налились алой, зверской угрозой, а тяжелая пространственная аура расы Севаров с сухим треском прижала трехметрового каменного гиганта к мостовой.

— С вами всё в порядке, юный господин? — спросила она, не сводя ледяного взгляда с обидчика.

— Почему ты... Севар, называешь этого человечешку господином?! — взревел гигант, теряя остатки разума от страха и ущемленной гордости.

Аура Джулии вспыхнула. В её пальцах уже сформировалось лезвие трансмутации, готовое вскрыть ему горло. Но в тот же миг Акихиро сделал шаг вперед и твердо сжал её тонкое запястье.

— Стоп, Джулия. Мы уходим. У бабушки будут проблемы с Советом, если ты устроишь здесь бойню.

Джулия замерла. В её алых глазах вспыхнуло дикое удивление, которое тут же сменилось беспрекословным повиновением. Позволив юному господину увезти себя, она деактивировала боевую форму.

Её тело за секунду уменьшилось до привычных строгих габаритов. Подол платья, растянувшийся после метаморфозы, теперь висел свободнее, мягко драпируя фигуру.

— Растянулось... — с лёгкой досадой пробормотала Джулия, осматривая помятый корсет.

— Поверь, так даже лучше, — произнес Акихиро, на губах которого впервые за день появилась теплая, искренняя улыбка. — Теперь оно смотрится идеально.

Джулия удивленно посмотрела на него, а Нана, подошедшая ближе и мягко касаясь ткани, добавила:

— Госпожа Андриана знала, какую ткань чаровать.

Глава 11

— Что за шум? — Дина первой уловила странный, нарастающий гул, прорезавший привычный гул городских улиц.

— По-моему, он доносится оттуда, — сказала она, указав на монументальное куполообразное сооружение, возвышающееся над кварталом, словно гигантский панцирь из вороненой стали и затененного кристалла.

Все остановились, следуя её жесту. От монолитного купола во все стороны расходилась осязаемая вибрация: земля под подошвами слегка гудела, а воздух доносил терпкий, острый запах жженого озона, разогретого базальта и соленого пота тысяч тел.

— Это Центральная Арена, — пояснила Джулия. В её всегда ровном голосе промелькнули невольные, едва уловимые ноты старой, хищной ностальгии. — Здесь проходят решающие поединки Континентального Турнира.

Она на мгновение замерла, прислушиваясь к глухим ударам тяжелых заклинаний, сотрясавшим стены комплекса, а затем неожиданно сбросила привычную маску сухой сдержанности. На её губах проскользнула азартная, совсем не служебная улыбка. Порывистым, быстрым движением Джулия взяла Акихиро за запястье и потянула за собой:

— Похоже, прямо сейчас там идет серьезный бой. Пойдемте, вы обязаны это увидеть!

Её пальцы были теплыми, а хватка — стальной, не допускающей возражений. Акихиро не стал вырываться, позволив увлечь себя вперед. Нана, Дина и Рейчел поспешили за ними, стараясь не потеряться в густеющей людской волне.

Чем ближе они подходили к ярусам комплекса, тем оглушительнее становился шум: раскаты рев двадцатитысячной толпы, всплески эмоций и вибрационные удары сокрушительных магий сливались в единый, пульсирующий ритм. Несмотря на статус главной горничной дома Коул, Джулия не стала задействовать связи для доступа в закрытые ложи — ей хотелось показать Акихиро атмосферу настоящей, дикой арены изнутри.

Внутреннее устройство комплекса поражаало монументальной жесткостью. Грандиозная конструкция из сплетенных стальных балок и прозрачных силовых кристаллов вмещала морем бурлящие трибуны, заполненные до отказа. В самом центре покоилась круглая базальтовая платформа, отсеченная от зрителей несколькими каскадами мерцающих барьеров Удержания, переливавшихся сине-фиолетовыми всполохами.

Вдоль периметра за бронированными пультами дежурили техники и маги-операторы. Их лица блестели от пота: внутри арены шел плотный обмен смертоносными ударами, и малейший пробой защиты мог стоить жизни зрителям первых рядов.

Над чашей арены парили массивные иллюзорные проекции, транслируя дуэль в мельчайших деталях. Камеры-артефакты выхватывали лица бойцов, а голоса комментаторов, усиленные акустическими чарами VIII Круга, гремели под самым куполом:

«... И "Пророк" снова демонстрирует невероятную скорость реакции! Он просчитал вектор атаки соперника за долю секунды до распада формулы! Но посмотрите — он даже не ставит защитную матрицу! Уклоняется на предельном бреющем... Он просто играет с ним, господа! Встреча выходит на финишную прямую!»

«Обратите внимание на проекцию маны: у "Пророка" остается 56% ресурса, в то время как шкала его оппонента падают до критических 18%. Исход боя предreshен...»

Акихиро перевел взгляд на главную световую панель над платформой. На ней ярко горели два индикатора с именами и цифрами. Напротив прозвища «Пророк» застыло уверенное, тогда как шкала его соперника стремительно угасала на отметке 56% 18%.

Джулия, не отрывая взгляда от арены, скользнула ближе к Акихиро. Наклонившись к самому его уху, чтобы голос не затерялся в диком реве трибун, она произнесла:

— Видишь эти значения? Это остаток активной маны ядра. Чтобы исключить смертельные исходы и тяжелые увечья, на арене задействована комплексная система конверсии. Любая атака — физическая или стихийная — перехватывается индивидуальным барьером бойца, напрямую высасывая его ману вместо разрушения плоти.

Она сделала короткую паузу, давая ему разглядеть, как очередной спрессованный огненный шар с треском распадается о невидимый щит вокруг одного из дуэлянтов, и продолжала:

— Поединок продолжается до тех пор, пока один из участников не признает поражение или пока показатель его маны не упадет ниже 10%. В этот момент индивидуальная система фиксирует технический нокаут и мгновенно блокирует тело бойца в пространственном стазисе, гася любые внешние импульсы. Здесь проходят соло-дуэли. Для жестких командных сражений предусмотрен нижний, подземный ярус.

Глава 12

На песчано-базальтовой платформе арены стояли двое — дуэлянты лет двадцати. Их рваное, тяжелое дыхание с трудом пробивалось сквозь раскатистый гул трибун, а сам воздух над площадкой дрожал от висящего озона и остаточного напряжения магии.

— Да как... как ты это делаешь?.. — выдохнул один из бойцов, судорожно сжимая изрубленную рукоять двуручного меча. Его резерв маны стремительно таял, а взгляд лихорадочно метался в поисках хоть какой-то прорехи в защите противника.

— Сдайся. Это пустая трата сил, — откликнулся второй с отстраненным, ледяным превосходством. — За весь поединок ты не сумел нанести ни единого чистого удара. Моя матрица видит твои векторы до того, как ты зажигаешь I Круг.

— Пока у меня осталась хоть капля маны... я не сдамся!

Лабиринт арены был искажен искусственными препятствиями: искривленные базальтовые колонны, парящие в паре метров над песком тяжелые плиты и участки кипящего зыбучего грунта. Трасса формировалась геомантией за мгновение до начала боя, исключая любую предварительную подготовку — побеждал тот, кто быстрее адаптировался к хаосу.

— Вы серьёзно?.. — неожиданно голос комментатора прозвучал с резким, визгливым искажением. В динамиках прошел ослепительный акустический треск, после чего главный фокус вещания с неприятным щелчком отключился.

На трибунах на пару секунд наступила звенящая, недоуменная пауза. А затем акустические кристаллы ожили вновь — с совершенно иной, сорванной и дрожащей от хриплых эмоций интонацией:

— Друзья, внимание! У меня только что появилась информация, способная перевернуть сегодняшний день!

Голос принадлежал старшему диктору — ветерану арены, явно вырвавшему контрольный кристалл у официального редактора:

— Говорят, она здесь... Да-да, именно она! Вы можете подумать: «Ну и что? Многие чемпионы прошлых лет приходят на трибуны в качестве зрителей». Но нет! Это не просто гостя. Это ходячая легенда арены! Позвольте напомнить: она не проиграла ни единого поединка! Ни одного! Каждый её бой завершался безусловной капитуляцией соперника — не нокаутом, а добровольным признанием её абсолютного превосходства! Её выходы были настоящим искусством: изящные, молниеносные, смертоносные!

Голос диктора сорвался на хриплый фальцет, перекрывая нарастающий рокот трибун:

— И сегодня она снова с нами! Та, чье имя стало синонимом непревзойденного мастерства! Та, чьи матрицы изучают и новички, и мастера! Та, кого вы знаете и ждали! Встречайте — Несравненная Севар... Джулия Ванфольд!

Трибуны на секунду замерли в шоковом оцепенении. А затем двадцатитысячный стадион буквально взрылся.

Оглушительный рев, топот тысяч ног и волна звукового давления с такой силой ударили по чаше павильонов, что кристаллы защитных барьеров запели на высокой, тонкой ноте. Тысячи людей подхватились со своих мест, скандируя её имя.

Джулия стояла у самого края ограждения верхней галереи, не в силах скрыть нахлынувших чувств. В её обычно холодных, темных глазах на миг блеснуло влажное алое пламя — проснулся старый азарт непобедимого гладиатора.

— Они... они всё еще помнят меня, — тихо прошептала она, пальцами сжимая стальной поручень так, что металл жалобно прогнулся.

Акихиро, Нана, Дина и Рейчел в немом изумлении смотрели на свою спутницу. Для сестёр-ламей и молодого господина Джулия всегда оставалась строгой, сдержанной горнич-

ной и требовательной наставницей. Увидеть, как безумствует двадцатитысячная арена лишь от упоминания её имени, было настоящим откровением.

— Джулия, дорогая, если ты слышишь меня — поднимись в главную ложу! — мягко, почти по-отечески воззвал старый голос из акустических рун.

Акихиро, заметив, как у Джулии перехватило дыхание от взоров тысячи глаз, сдержанно спросил:

— Ты пойдешь?

— Смотри, — Рейчел с тихой настойчивостью чуть потянула Джулию за алый рукав и указала на ближайший иллюзорный монитор. — Это мы.

На главном проекционном экране во весь рост появилось изображение Джулии. Оператор-маг мгновенно выхватил её из толпы. Заметив её лицо на экранах, трибуны на мгновение затаили дыхание.

— Тебя видит весь стадион, — добавила Рейчел. — Они жаждут услышать хотя бы слово.

Джулия взглянула на Акихиро, затем на сжавшихся рядом Нану и Дину, и качнула головой. Её жест был тихим, но непреклонным:

— Я не могу оставить вас. Мое место — рядом с наследником.

Толпа отозвалась прокатившимся разочарованным гулом — зрители жаждали услышать голос своей любимицы.

Поняв, что пауза затягивается и может привлечь лишнее внимание ищейщиков Совета, Джулия слегка поджала губы. Она подняла тонкие изящные ладони к губам и отправила прямо в левитирующий кристалл проектора два легких воздушных поцелуя — свой старый фирменный знак, которым она когда-то завершала каждый выигранный поединок.

На мгновение над стадионом повисла звонкая тишина, а в следующий миг трибуны зашлись в настоящем экстазе. Крики, свист, овации — разочарование сменилось ликующим ревом.

— Она отказалась от микрофона, — произнес комментатор, и в его сорванном голосе прозвучало глубокое уважение. — И в этом — её выбор. Не каждый голос нуждается в словах. Иногда молчание разит сильнее любого заклинания. Джулия Ванфольд не вышла на платформу сегодня, но она отдала дань этой арене своим присутствием...

Звук трансляции внезапно оборвался — на этот раз окончательно.

В закрытой кабине дикторов за кулисами арены в этот момент бушевала буря.

— Ты с ума сошел?! Ты сорвал регламент вещания! — с пеной у рта кричал главный продюсер, с мясом вырывая кабель из звукового пульта.

— Это не нарушение, это история! — с достоинством ответил пожилой диктор, пока двое дюжих охранников под руки выводили его из рубки. — Зал пришел в движение! Это то, ради чего люди покупают билеты на наши бои!

— Уведите его! — распорядился продюсер и, тяжело дыша, указал пальцем на молодого ассистента: — Включай резервный канал! Верни внимание к арене!

Через тридцать секунд в эфир вырвался уже новый, чеканенный и лишенный романтики голос:

«... А теперь — возвращаемся к поединку на центральной платформе! К тем, кто прямо сейчас доказывает свое право называться сильнейшим!»

Глава 13

На трибунах

Акихиро застыл, словно время вокруг него потеряло ход. Он медленно перевел взгляд с огромного светового проектора, где всё еще догорало изображение алых губ Джулии, на саму горничную. Она спокойно сидела рядом на скамье галереи, поправляя выбившийся из прически темный локон.

— Это... это действительно из-за тебя? — с трудом прошептал он, пытаясь выстроить в голове логическую связь.

Мальчик привык видеть в Джулии сухую, безупречную наставницу и главную слугу имения, молча исполняющую волю бабушки. Идея о том, что двадцатитысячная чаша стадиона может биться в настоящем экстазе лишь от упоминания её имени, казалась диким сюрреализмом.

Рейчел, обычно кроткая и незаметная, от избытка чувств подалась вперед, её глаза под полями шляпки сияли неподдельным восторгом:

— Джулия... ты что, настоящая легенда турниров?! Почему ты никогда нам не рассказывала?!

Нана, прижав тонкие пальцы к груди, смотрела на горничную с тихим, детским благоговением:

— А я думала, ты просто... старшая слуга госпожи Андрианы...

Дина, пережившая ужас подвальной темницы и острее всех чувствовавшая чужую силу, не сдержала эмоций. Из её глаз брызнули слезы.

— Это... это просто невероятно! — выдохнула она и, забыв о субординации, импульсивно обняла Джулию за шею, вжимаясь лицом в её алое платье.

Джулия лишь мягко улыбнулась, погладив девочку по спине. В её поведении не проскользнуло и капли тщеславия — триумфальный рев трибун словно касался другой, давно мертвой женщины. Но в глазах Акихиро и остальных её авторитет в этот миг вырос до недосягаемых высот.

Внизу, на израненной песчано-базальтовой платформе, боец по прозвищу «Пророк» отступил в тень массивной колонны. Воздух здесь был прохладнее, а безумный рев верхних ярусов доносился словно из-под толщи воды. Сжимая пальцами рассеченную ткань на колене, парень всматривался в гаснущую проекцию на центральном экране.

— Серьёзно... она здесь? — глухо пробормотал он, тяжелым вздохом сбивая пыль с губ. — Появилась спустя два года... Вот теперь бой становится по-настоящему интересным.

Ему стало жгуче, до тошноты стыдно за то, как лениво и вполсилы он вел этот поединок до сих пор. Показать перед легендой Континента посредственную, затянутую дуэль было выше его сил.

— Эй! Ты там живой? — раздался хриплый, прерывистый голос Шина, его оппонента.

Шин тяжело дышал, удерживая равновесие из последних сил — его показатель маны на световой панели застыл на критических 18%. Однако в воспаленных глазах парня всё еще горел отчаянный азарт.

— Давай закончим так, чтобы не было стыдно перед залом! Не смей сдаваться раньше времени!

— И не собирался, — ответил Пророк, выпрямляясь во весь рост.

Он вышагнул из тени колонны. Сначала медленный, рваный шаг, затем — стремительный разгон. Спрессованная пыль взлетала из-под его кожаных сапог, а мана вокруг него сгустилась до ощутимого мороза. С резким взмахом левой руки он выбросил вперед плоский геометрический контур: I-II-III-V.

— Быстрый разлом: Водяное копьё!

Базальтовая плита под ногами Шина дрогнула и лопнула. Поток спрессованной ледяной воды в форме граненого пика вырвался из глубины платформы, расщепляя каменную породу и устремляясь прямо в грудь противника.

Шин сработал на чистом животном инстинкте. Мгновенно уклонившись вправо, он сжал воздух перед собой и зажег его концентрированной огненной маной:

— Огненная пуля!

Спрессованный сгусток пламени вырвался из его ладони с сухим глухим гулом, похожим на выстрел осадного орудия.

Пророк не успевал уйти с траектории. Коротким, чеканенным жестом он воздвиг перед собой плотный монолит из земной породы. Огненный снаряд сокрушительно врезался в преграду, разбрасывая вокруг снопы искр и раскаленную каменную крошку. Взрывная волна пробила защиту, и пыльное облако мгновенно затянуло центр платформы.

Наступила секунда абсолютной, звенящей тишины.

А затем над ареной прозвучал чистый, металлический сигнал артефактов — индивидуальный показатель Шина упал ниже 10%.

Глава 14

Изображение прошедшего боя плавно прокручивалось на проекционном кристалле галереи. Каждое движение дуэлянтов считывалось четко, с выверенной паузой на ключевых моментах, а вспышки спрессованного пламени и воды отпечатывались в глазах зрителей.

Нана прищурилась, внимательно всматриваясь в кадр, где огненная пуля пробивала каменный щит:

— Ты видела? Они действовали так, будто наперед знали движения друг друга.

— Это был не просто бой, — тихо кивнула Дина, не отрывая взгляда. — Почти танец...

— Только вместо музыки — раскаленный металл и дробленый камень, — добавила Рейчел. Для нее, лишенной магического ядра, происходящее на экране казалось чарующим, смертоносным зрелищем.

— Джулия, — окликнул горничную Акихиро, откинувшись на деревянную спинку скамьи и скрестив руки на груди. В его голосе звучала вездливая досада исследователя. — Ты ведь говорила, что на официальных турнирах используют максимум три-четыре комбинации заклинаний?

— Всё верно, юный господин, — отозвалась Джулия, не меняя идеальной осанки.

— Тогда давайте посчитаем, — Акихиро нахмурился, анализируя формулы. — Двойная цепочка дает ослабление вражеского щита на 40%. Тройная — на 70%. Четверная используется исключительно против Элементалистов с непробиваемой защитой и бездонным резервом. Судя по проекции, у «Пророка» хватало маны на четверную цепь. Но промахнись он — и остался бы с пустым ядром. Зачем он так рисковал?

Джулия указала изящным пальцем на световое табло, где мерцали цифры:

— У каждого мага свой объем резерва, Акихиро. Проценты на экране — величина относительная. У чистокровного Элементалиста с 30% маны фактический запас может быть втрое выше, чем у Преобразователя со 100%. Поэтому опытный боец никогда не выбросит сильнейшую формулу вслепую. Сначала — разведка, затем — расчет, и только потом — удар.

— У Элементалистов порог технического нокаута тоже зафиксирован на 10%? — уточнил мальчик.

— Да. Совет утвердил единую пропорциональную норму.

— И много маны было у этих двоих?

Джулия на секунду приложила ладонь к щеке, словно взвешивая ответ, и сухо отрезала:

— Нет. Я удивлена, что их вообще выпустили на Центральную Арену. С таким скромным запасом это скорее любительский уровень.

— Это и вправду... та самая Джулия Ванфольд? — раздался за их спинами незнакомый, глуховатый голос.

Группа замерла. Нана и Дина мгновенно подобрать, а Акихиро окинул подошедшего юношу быстрым, цепким взглядом: растрепанные русые волосы, следы базальтовой пыли на куртке, сбитое дыхание, но чрезвычайно сосредоточенный, упрямый взгляд.

— А ты кто такой? — ровным, давящим тоном спросил Акихиро, заслоня плечом Рейчел.

Парень слегка смешался под его тяжелым взглядом:

— Вы ведь только что обсуждали мой бой... Разве нет?

Акихиро перевел взгляд на проекционный кристалл, где рядом с повтором горел портрет победителя, и снова посмотрел на незнакомца. Тот разглядывал Джулию — слишком пристально и жадно. В груди Акихиро вспыхнул укол колючей, личной досады.

— Так ты и есть «Пророк»? — произнес мальчик, заранее зная ответ.

— Он самый, — парень кивнул, попытавшись вернуть себе уверенный, вальяжный вид.
— Ну и как вам поединок?

— Бывало и поинтереснее, — отозвалась Джулия, даже не повернув головы в его сторону.

«Пророк» опешил, его плечи заметно опустились. Он рассчитывал произвести впечатление на легенду Арены, но её ледяная реплика полностью сбила его с ритма.

— Нана и Дина на твоём месте справились бы ничуть не хуже, — добавила Джулия с едва уловимой улыбкой.

Неожиданная похвала заставила сестер залиться румянцем. Нана смущенно отвела взгляд, а Дина нервно поправила воротник.

— Нана и Дина — это вы? — юноша перевел на них любопытный взгляд.

— Я Дина Де... — по привычке начала младшая, но Нана тут же громко и требовательно кашлянула, прерывая её на полуслове.

Осознав промах, Дина поспешно исправилась:

— Просто Дина.

— А я Нана. Рада знакомству, — сдержанно кивнула старшая, не ослабляя настороженности.

В этот момент из-за их спин мягко выступила Рейчел. «Пророк» заметил её не сразу, но, встретившись с ней взглядом, смутился еще сильнее:

— Вы в порядке? — тихо спросила Рейчел с искренней заботой. — Похоже, последняя взрывная волна вышла тяжелой...

— Всё в норме, спасибо, — вымолвил парень, пытаясь скрыть дрожь в пальцах. — На платформе и не такое бывает. А как тебя зовут?

— Рейчел, — девушка вежливо наклонила голову.

Акихиро наблюдал за этой ценой молча. Видя, как к дуэлянту возвращается уверенность, он решил поставить жесткую точку в разговоре:

— И почему же именно «Пророк»? — спросил Акихиро с искрящимся сарказмом.

— Поставив правильную матрицу, я способен видеть вероятные векторы атаки на пару секунд вперед, — с легким вызовом ответил парень. — Это и помогает мне побеждать.

— Даже не думай, что произведешь этим на кого-то впечатление, — тон Акихиро стал ледяным.

В воздухе зазвенело невидимое напряжение.

— Я не вру, — твердо повторил «Пророк». — Я действительно вижу вероятности.

— Вот как? — тихо переспросил Акихиро.

Глаза мальчика начали стремительно меняться: прямо в радужках вспыхнул алый, азартный отблеск, будто в глубину зрачков капнули густую, яркую краску. Алый цвет вытеснил карий оттенок, накрывая взгляд давящей, почти хищной аурой.

Это была сырая, неполная версия техники из сохранившихся записей Ацуши Мори. В идеале эти глаза проявляли скрытые узлы маны в пространстве, но сейчас весь мир для Акихиро лишь окрасился в розоватый тон, а от его фигуры пошла тяжелая, неосознанная волна ментального давления.

«Пророк» невольно отступил на шаг, ощутив, как спина покрывается липким потом. В этот миг его пронзило острое осознание: мальчишка смотрит на него не как на оппонента, а как на досадное насекомое.

Алые искры в глазах Акихиро погасли так же стремительно, как и появились. Он развернулся к спутникам с абсолютно спокойным лицом.

— Откуда у тебя... эти глаза? — задыхаясь, выдохнул «Пророк», и его голос ощутимо дрогнул.

— Нам пора, — коротко бросил Акихиро и направился к выходу с трибун, даже не оглянувшись.

— Юный господин, подождите! Что вы только что сделали? — быстро заговорила Джулия, покорно устремившись за ним.

«Господин... Она назвала меня господином при нем», — пронеслось в голове Акихиро с мальчишеской гордостью.

— Господин?.. — тише повторил «Пророк», застыв на месте. Он чувствовал, как рушится его спесь: мальчишка не просто перехватил инициативу, он растоптал его авторитет перед легендарной гладиаторшей.

Когда они покинули здание Арены, Джулия нагнала Акихиро. Её голос звучал с нескрываемым профессиональным интересом:

— Что именно ты сделал с глазами?

Акихиро остановился и показал технику снова — на этот раз медленно, демонстративно. Алый цвет вспыхнул на радужке и заполнил зрачки.

— Что это за чары? — Джулия не скрывала удивления. В её тоне смешались восхищение и скрытая тревога.

— Секрет, — тихо отрезал он. — Из дневника отца.

Атмосфера в группе изменилась. Особенное напряжение отразилось на Дине: она шла чуть позади, опустив плечи и уставившись взглядом в мостовую. Девочка панически боялась снова оступиться и выдать их родовую тайну, как едва не сделала при упоминании фамилии Де Ла Мар.

— Идёмте, — произнес Акихиро. Он заметил подавленное состояние девочки и решил сменить обстановку.

Покинув сектор Академии, они вышли в Торговый квартал Ролново. Улицы были залиты мягким светом магических фонарей, витрины переливались яркими бликами, а воздух наполнился ароматами свежей выпечки, пряностей и жареного мяса.

Акихиро взялся разрядить обстановку. Подходя к уличным лавкам, он пробовал всё, что казалось интересным, и предлагал спутникам:

— Попробуй это! Дина, тебе точно понравится!

Дина, сначала замкнутая, постепенно оживала. Она сперва неуверенно взяла маленький пирожок, затем кусочек фруктовой пастилы и наконец улыбнулась, когда Акихиро вручил ей конфету с начинкой из засахаренных лепестков.

— Смотрите, здесь мороженое! — вдруг остановился Акихиро у яркого киоска с витриной, украшенной морозными игольчатыми узорами.

— Мороженое? — переспросила Джулия.

Продавец — мужчина в вычурной шляпе с пером и наигранной улыбкой — заговорил с театральной интонацией:

— Приветствую почтенных господ! Уникальное лакомство! Единственное в своём роде на всём континенте! Изысканный прохладный вкус! Всего за один золотой за рожок!

Рейчел побледнела от озвученной суммы. Джулия же по привычке потянулась к кошельку с деньгами дома Коул.

— Э-э... — Акихиро нахмурился. На его лице отразилась смесь недоверия и спортивного азарта.

Он решительно встал между Джулией и торговцем:

— Вы серьезно? Я знаю места, где мороженое — обычное и весьма дешевое лакомство.

Продавец замер. Его улыбка дрогнула.

— Врать людям нехорошо, — продолжал Акихиро, зажимая мошенника в угол. — Там, откуда я родом, его можно купить за десять серебряных. А вы требуете в десять раз больше!

— Тише вы! — прошипел продавец, нервно оглядываясь. — Ладно, сделаю скидку: четыре золотых за пять порций, и вы быстро уходите.

Акихиро почувствовал слабость:

— Нет. Вы нагло обманываете тех, кто вам доверился.

Вокруг начала собираться любопытная толпа. Какой-то студент неподалеку уже навел на лавку записывающий кристалл. Продавец нервно вытер взмокший лоб.

— Так что либо вы продаёте по честной цене, либо мы идём дальше и рассказываем каждому в этом квартале, что здесь торгуют обманом.

Акихиро резко повернулся к проходившему мимо горожанину с корзиной и заговорил громко:

— Уважаемый, а вы знаете, что у этой лавки...

— Стой! Два золотых! — выкрикнул торговец, умоляюще вытянув руку. — Пожалуйста, прекратите! Вы рушите мой бизнес!

— ... так вот, обычная цена этому десерту...

— Я понял! Десять серебряных за порцию! — окончательно сдался продавец. Его руки тряслись, когда он торопливо выставил на стойку пять рожков.

Акихиро вернулся к киоску с победоносным видом. Джулия отсчитала пятьдесят серебряных монет. Торговец сгреб деньги и спрятал под полы плаща.

Акихиро раздал рожки спутницам. Остановившись перед Джулией, он чуть склонил голову:

— Спасибо за финансирование, Джулия.

Затем повернулся к опешившему продавцу и с наслаждением откусил холодную сладость:

— Очень вкусно!

Нана и Дина замерли. Холодная крем-паста с кислинкой таяла на языке, оставляя волшебное послевкусие.

— Акихиро... — тихо спросила Дина, слизывая каплю. — Про то место, о котором ты говорил... Там правда продают его за десять серебряных?

Акихиро усмехнулся, глядя на темнеющее небо:

— Честно говоря, нет. Там вообще была совсем другая валюта. Но пять золотых за рожок — это грабёж, даже по меркам моей бабушки.

Проходя мимо двухэтажного ателье с панорамными витринами, где на манекенах красовались платья из тонкого шелка и мягкой шерсти, Акихиро резко остановился. Он критически окинул взглядом Нану и Дину. Их наряды выглядели слишком скромно — привычка прятаться въелась в сестер слишком глубоко.

— Так, заходим сюда, — скомандовал Акихиро.

Нана сделала шаг назад, заслоня собой младшую сестру, её лицо выразило испуг:

— Господин Акихиро, нет! Нам ничего не нужно. Наша одежда в порядке!

— В порядке? — Акихиро окинул её платье скептическим взглядом. — Нана, твой рукав подшит раза три, а у Дины подол коротковат. Вы — мои спутницы. Моя репутация не выдержит, если вы будете ходить в обносках.

— Но это же... наряды для знати! — прошептала Дина, прячась за сестрой. — Они стоят невероятных денег! Вы и так дали нам кров и защиту... Мы не имеем права тратить ваши деньги на глупые тряпки!

— Юный господин абсолютно прав, — подала голос Джулия, с едва заметной улыбкой подталкивая девушек к дверям. — К тому же, правильный крой и плотная ткань скроют нюансы вашей походки намного лучше, чем мешковатые балахоны.

— Но... — попыталась возразить Нана, но Акихиро уже шагнул в салон.

Акихиро сам выбрал наряды: для Наны — глубокого изумрудного цвета платье с плотным корсетом и длинной, плавно ниспадающей юбкой; для Дины — нежно-васильковый наряд с удобным поясом.

— Идите примеряйте, — отрезал Акихиро.

— Акихиро, это слишком... — тихо пискнула Дина.

— Если через пять минут вы не выйдете, я сам зайду в примерочную и помогу завязать шнуровку, — спокойно бросил Акихиро с абсолютной серьезностью.

Девушки вспыхнули до кончиков ушей. Нана тяжелая вздохнула, взяла сестру за руку и увлекла её за шторку:

— Ты невыносим...

Через пять минут шторка раздвинулась. Наряды сидели безупречно: богатый изумрудный цвет делал Нану невероятно статной, а васильковое платье придавало Дине аристократичную легкость. Длинные пышные юбки полностью скрывали ноги до самого пола, исключая малейший риск выдать их чешуйчатую природу в случае ослабления артефакта.

Рейчел ахнула:

— Девочки... вы выглядите как настоящие принцессы!

Нана залилась румянцем:

— Перестань, Рейчел...

— Вовсе нет, — Акихиро подошел ближе, тепло улыбнувшись. — Вам очень идет. Теперь вы выглядите так, как и должны выглядеть те, кто находится под моей защитой.

Дина смахнула слезу благодарности, а Нана тихо кивнула, признавая поражение:

— Спасибо... Господин Акихиро.

Акихиро расплатился с хозяйкой золотыми монетами. Покинув ателье, он взглянул на башенные часы Торгового квартала: массивная бронзовая стрелка медленно приближалась к пяти часам вечера. До рокового закрытия защитного контура Имения Коул оставалось ровно четыре часа.

— Успеваем, — тихо произнес мальчик, перехватив удобнее перевязанные бечевкой коробки с новыми платьями.

И в этот миг уютную атмосферу вечернего квартала разорвал дикий, вой авариных рун.

— Что за... — Дина первенствовала первенство, наострив слух.

Из глубины центральной аллеи донесся нарастающий гул: звон разбиваемого стекла, крики ужаса, треск рушащихся витрин и тяжелый, кованый топот десятков ног. Торговый квартал в секунду погрузился в хаос. Горожане и приезжие аристократы, бросая покупки, в панике хлынули в узкие переулки, сбивая друг друга с ног.

Из-за поворота, выбивая сноп искр из гранитных плит, выскочила группа людей в длинных серых плащах. Их лица полностью скрывали гладкие, мертвенно-белые фарфоровые маски без губ и носа — лишь узкие прорези для глаз, в которых горел фанатичный слепой огонь.

— Носители... — выдохнул Акихиро, и сердце его пропустило удар. Это были те самые маски, что уничтожили его родовой дом в Тюри!

За отрядом в белых масках наперерез мчалась стража города Ролново — свыше трех десятков тяжеловооруженных чародеев в литых доспехах с гербами Республики Клозиус.

— Задержать! Не дать им прорваться к вокзалу! — гремели акустические чары капитана стражи.

В узком пространстве между двухэтажными лавками началась лютая, хаотичная перестрелка. В воздух взвились десятки заклинаний: красные кольца пламени, кинетические тараны и ледяные иглы со свистом рассекали пространство. Огненный шар пробил фасад соседней ювелирной лавки — каменная крошка и осколки витринного стекла градом сыпались на мостовую. Стражников было больше, но нападавшие дрались с безжалостной, почти безумной дисциплиной, огрызаясь плотными стихийными залпами и не считаясь с потерями.

Снаряд сжатого воздуха, сбившись с траектории, на бешеной скорости полетел прямо в голову Нане.

— Нана! — вскрикнула Дина.

Джулия сработала без единого лишнего движения. Вскинув руку в черном кружевном митенке, она за долю секунды выстроила перед группой двухслойную матрицу: III Круг Удержания и VI Круг Отражения.

Снаряд с оглушительным сухим гулом врезался в невидимый зеркальный щит Джулии и рассеялся безвредным снопом искр, даже не колыхнув полы её алого платья.

Вокруг кипел ад: падали раненые стражники, горели шелковые навесы лавок, от взрывов рушились каменные арки. Маскам удавалось сдерживать численный перевес стражи — их было не больше пятнадцати человек против тридцати пяти стражников, но они неумолимо продвигались вперед, оставляя за собой дымящиеся руины.

Нана, судорожно сжимая коробку с платьем, перевела умоляющий взгляд на главную горничную:

— Джулия! Ты же можешь остановись их! Ты же легенда Арены! Сделай что-нибудь, они же убьют всех!

— Да! Ударишь по ним своей магией — и всё кончится! — подхватила Дина, прячась за её спиной от очередного всплеска огня.

Джулия даже не повернула головы. Её глаза, отсвечивающие алым, оставались абсолютно сухими и холодными. Она удерживала купол щита, закрывая только Акихиро, сестер и Рейчел, и спокойно смотрела, как в десяти шагах от них умирает с пробитой грудью городской стражник.

— Это не наше дело, — отрезала Джулия. Её тон был настолько резким и ледяным, что девочки осеклись. — У меня другие обязанности. Мой единственный долг перед госпожой Андрианой — доставить наследника и вас в Имение живыми. Проблемы городской полиции Клозиуса меня не касаются.

— Но... — попыталась возразить Дина.

— Замолчи, Дина, — чеканя каждое слово, произнесла Джулия. — На шаг влево от моего щита — и я сама сломаю тебе ноги, чтобы ты не мешала транспортировке. Поняла?

Акихиро взгляделся в центр битвы, игнорируя перепалку. Теперь он понял, почему пятнадцать Носителей так легко дают превосходящие силы стражи.

В центре отряда в белых масках шел один человек. Его плащ был изрезан заклинаниями, а на белой фарфоровой маске возвышались . Каждое движение этого мага сопровождалось искажением пространства: он не плел сложные круги, а простым взмахом руки обрушивал на стражников волны тяжелой, почти черной магмы, прожигавшей стальные доспехи насквозь. Трехрогий вел отряд с сокрушительной, демонической мощью. три изогнутых назад черных рога

В этот момент из переулка за их спинами с грохотом вылетела их крытая повозка. На облучке сидели двое плотных мужчин в простых неброских плащах — те самые гвардейцы госпожи Андрианы, что тайно следовали за ними от самого Имения.

— Готовы! Запрыгивайте, быстро! — рявкнул один из гвардейцев, натягивая поводья.

Джулия, не снимая защитного купола, заставила Акихиро, сестер и Рейчел мгновенно вскочить в салон кареты. Едва дверь защелкнулась, двое гвардейцев Коула спрыгнули с облучка на мостовую.

Они сбросили серые плащи. Под ними блеснули тяжелые, воронёные латы с выгравированным гербом дома Коул. Двое молчаливых воинов обнажили огромные двуручные эстоки, испещренные запечатавающими рунами.

— Уводи повозку, Джулия! Мы перекроем улицу! — прорычал старший гвардеец.

Двое воинов Андрианы вонзили свои клинки прямо в каменную мостовую между каретой и наступающими Носителями. Вспыхнул монументальный монолит из земли и воздуха — барьер III и V Кругов, наглухо перекрывший узкий проспект. Гвардейцы остались на той сто-

роне, берет на себя удар пятнадцати масок во главе с Трехрогим, не давая врагам броситься в погоню за каретой.

Джулия перехватила поводья, щелкнула кнутом, и карета, задействовав кинетические матрицы на полную мощность, рванула прочь из рушащегося Торгового квартала — к выезду из города.

Экипаж неселся по мостовой с бешеным стуком колес. Деревянная обшивка кареты жалобно скрипела на поворотах, а из открытого окошка перегородки в салон врывался запах гари, жженой шерсти и озона, въевшийся в их одежду. Коробки с новыми платьями подпрыгивали на полу, но ни у кого не поднялась рука их приподнять.

Рейчел сжалась в угол, судорожно прижимая к груди края своей шляпки. Дина и Нана сидели, переплетя пальцы до белых костяшек — их лица всё еще сохраняли мертвенную бледность после вида плавающих доспехов стражников.

Акихиро уставился на свои дрожащие ладони. Сердце колотилось о ребра с такой силой, что сбивало дыхание. Белые фарфоровые маски. Тот же бездушный взгляд, тот же запах серы и пламени Бездны...

— Джулия... — просипел Акихиро, кашлем счищая из горла копоть. — Кто это был?

Задвижка передней перегородки отодвинулась. В проеме показался профиль Джулии, удерживающей кинетические поводья. Её лицо в закатных лучах казалось высеченным из серого гранита.

— Никто не знает, юный господин, — ровно ответила горничная, не сводя глаз с несущейся навстречу улицы. — У них нет имени, которое открыто произносят в гильдиях. Официально их называют «Отверженными» или «Носителями». Не официально... чумой.

— Нам просто не повезло там оказаться? — тихо спросила Нана, вжимаясь в плечо сестры. — Это ведь не из-за нас?..

— Просто не повезло, — отрезанно вымолвила Джулия. — Нам не «не повезло» столкнуться с ними — нам не повезло оказаться в том квартале, когда стража загнала их в угол.

— Загнала в угол? — Акихиро нахмурился, перед его глазами снова встала картина изрубленной мостовой. — Они не выглядели зажатыми в угол. Они уничтожали стражу!

— Поначалу — именно убегали, — подала голос Джулия, и в её тоне проскользнула холодная аналитика ветерана. — Я наблюдала за ними с момента вылазки из ателье. Отряд из четырнадцати белых масок отступал к переулкам. Стража Республики Клозиус грамотно сжимала кольцо, перекрывая выходы. У них был двукратный численный перевес. Маски не вступали в затяжной бой — они огрызались, потеряли двоих и явно искали брешь, чтобы уйти.

Джулия сделала короткую паузу. За окном промелькнула тень массивных ворот Торгового квартала.

— А потом появился он, — продолжила горничная. — Трехрогий.

В салоне повисла тяжелая тишина.

— С его появлением всё изменилось за секунду, — тихо произнесла Дина, её голос дрожал. — Они перестали отступать. Они... они просто развернулись и начали рвать стражников.

— Трехрогий перестроил тактику одним присутствием, — подтвердила Джулия, и в её обычно стальном голосе проскользнула сухая, тревожная нота. — И я сильно сомневаюсь, что это был просто какой-то офицер их структуры... Это нечто куда более опасное. Увидев его, Носители перешли от побега к ликвидации. Они знали, что с ним за спиной тридцать пять городских чародеев — просто сухие мишени.

Джулия на секунду крепче сжала кинетические поводья, так что стальные кольца с хрустом впились в кожаные митенки.

— Напади он на нас... — тихо, но абсолютно чётко произнесла горничная, и от этих слов у Акихиро похолодело в животе. — Я бы не выстояла. Ни мой опыт на Арене, ни мои

защитные матрицы не спасли бы группу. Мой купол продержался бы от силы секунды три. Нам невероятно повезло, что этого монстра интересовала только стража.

Акихиро сжал кулаки так, что ногти въелись в ладони. Услышать такое от не побежденной чемпионки Арены было страшнее любого взрыва. В его памяти всплыл особняк в Тюри: там, в огне Бездны, тоже были маски. Там тоже командовали фигуры в особых личинах — Даичи в маске Баута, девушка с перьями... А теперь здесь, в центре Республики Клозиус, режет регулярную армию Трехрогий, перед которым бессильна даже Джулия.

— Кто они такие, Джулия?! — выкрикнул Акихиро, более не в силах сдерживать клокочущую внутри ярость и страх. — Кто способен в открытую, днем, в центре чужой столицы вести войну с регулярной стражей?! Они были в меньшинстве! Почти втрое! Откуда такая дерзость? Кто за ними стоит?!

Джулия на секунду опустила глаза, и в отражении стекла Акихиро увидел, как сузились её алые зрачки:

— Те, для кого законы государств и Совета Магов — не более чем надписи на сухом пергаменте.

Она повернула голову к окну перегородки, встречаясь с Акихиро прямым взглядом:

— У обычных наемников или фанатиков есть предел. Страх перед смертью, закон или деньги. У Носителей этого нет. Им всё равно, сколько стражников стоит перед ними — тридцать пять или триста. Они не признают границ, не подчиняются правителям и выжигают целые роды, если получают приказ. Ни Республика Клозиус, ни Верховный Совет для них не указ. Трехрогий вступил в бой с городской стражей не потому, что был загнан в тупик... А потому, что стража посмела встать на его пути.

— Это... наемники? — тихо спросила Рейчел, бледнея еще сильнее.

— Это тень, за которой стоит нечто большее, чем просто деньги, — ответила Джулия. — И то, что они действуют уже здесь, в сердце Республики... значит, на Континенте начинается нечто очень паршивое.

Карета с грохотом миновала внутренние городские ворота, вылетая на загородный тракт. Лес по обеим сторонам дороги утопал в багровых сумерках.

Акихиро откинулся на спинку сиденья. Слова Джулии не принесли облегчения, лишь разжгли сухой, опасный огонь в груди. Враг, убивший его мать и вынудивший отца уйти в небытие, был не просто шайкой разбойников. Это была монументальная, безжалостная сила, не боящаяся ни армий, ни законов.

— Джулия... — тихо бросил мальчик, смотря на темнеющий горизонт. — А что с теми двоими? Нашими гвардейцами?

— Они знали, на что шли, — холодно отозвалась горничная. — Их задачей было выиграть нам время. Они выполнили свой долг перед домом Коул.

Джулия щелкнула кнутом, и карета на предельной скорости помчалась к горному перевалу. Башенные часы вдали ударили пять раз с половиной. До закрытия мертвого барьера Имения оставалось чуть больше трех часов.

Ровно к девяти вечера экипаж остановился у ворот поместья Коул. Огромный прозрачный барьер, переливающийся словно мыльный пузырь, медленно расступился, образуя проход, и тут же сомкнулся за их спинами, отсекая шум внешнего мира.

У входа их уже ждали слуги. Слаженно и без лишних слов горничные начали переносить коробки и свёртки — всё, что Акихиро накупил за день. Новая одежда, сладости, редкие лакомства, коробки с яркими лентами — он старался, чтобы подарок достался каждому в доме.

И тут на мраморное крыльцо вышла госпожа Андриана.

Её шаги были неспешны, взгляд — спокоен и непроницаем. Она замерла у ступеней, молча наблюдая за суетой.

— Большое спасибо, что разрешили нам посетить город, — произнес Акихиро, подходя к ней сдержанно, но искренне.

Андриана ответила лишь коротким кивком — ни улыбки, ни лишнего жеста.

— Вот... попробуйте, — Акихиро достал из кармана небольшой сверток со сладостями в тонкой бумаге и протянул бабушке.

Она приняла коробочку, но её взгляд остался прежним — холодным и отстраненным.

— Папа их очень любил, — тихо, почти шепотом добавил Акихиро.

Он изо всех сил сдерживал подступающую грусть, не позволяя эмоциям взять верх. Не давая паузе затянуться, он отвернулся и начал помогать слугам разбирать вещи, ища в этом суетливом занятии спасение.

Андриана молча стояла на крыльце. Затем её пальцы едва заметно, но крепко сжали бумажную упаковку.

— Я их попробую, — тихим, совсем нетипичным для неё тоном произнесла матриарх.

Эти слова прозвучали как негласное обещание. И в этом жесте — в сжатых пальцах и тихом голосе — крошилась холодная стена, которую она выстраивала годами.

Арка 3 Глава 1

Вечерний ужин проходил в главном обеденном зале имения, озаренном мягким, преломленным светом хрустальных люстр и тяжелых серебряных канделябров.

На этот раз за длинным полированным столом из мореного дуба присутствовали все — даже Джулия. Обычно старшая горничная предпочитала оставаться в тени за спинами господ, но сегодня заняла место под немым, но непреклонным давлением юного господина. Она сидела чуть в стороне от аристократических мест: её осанка оставалась струнно-прямой, а взгляд — отстранённым и собранным.

Акихиро живо и подробно рассказывал бабушке о поездке в Ролново. Голос мальчика звучал ровно, с искренней, долго скрываемой энергией: он старался передать каждую деталь — от непривычного вкуса заморских десертов до истории с разоблачением обманщика-продавца.

Однако когда Акихиро заговорил о бойне в Торговом квартале — о пятнадцати масках, разрушенных зданиях, погибшей страже и явившемся Трехрогом, — воздух в зале будто вымерз. Слуги у стен застыли, прекратив разносить блюда.

Андриана Коул слушала рассказ внука о кровавой перестрелке с абсолютным, гробовым спокойствием. На её бледном, высеченном из мрамора лице не дрогнул ни один мускул. Упоминание Трехрогого и белых масок, уничтоживших когда-то её сына и особняк в Тюри, не вызвало у матриарха ни единого вопроса, ни вздоха, ни движения пальцев. Это тяжелое, непроницаемое молчание было страшнее любой вспышки гнева.

Переведя дыхание, Акихиро перешел к Арене и встрече с подозрительным юношей — тем самым «Пророком».

Атмосфера за столом сгустилась окончательно. Джулия едва заметно сжала пальцы на коленях, скрытых под скатертью: она прекрасно понимала, что именно её реакция на появление этого дуэлянта может вызвать у матриарха вопросы.

— Ты его знаешь? — прозвучал ледяной, сухой вопрос Андрианы.

Взгляд матриарха тяжелым прессом уперся в Рейчел, ведь именно с ней чужак позволил себе заговорить лично.

— Н-нет, госпожа... Мы виделись впервые, — ответила Рейчел, виновато опуская глаза и сжимая салфетку.

Андриана медленно перевела полуслепой взгляд на Джулию:

— Тебе следовало вмешаться сразу и пресечь любые попытки заговорить с моими людьми.

Джулия не стала оправдываться. Она плавно поднялась со своего места и склонила голову в низком, глубоком поклоне, полностью принимая вину:

— Простите за оплошность, госпожа Коул. Я виновата.

Андриана ничего не ответила, лишив её даже упрека. Но её молчание давило тяжелее любых слов.

Поняв, что ужин подходит к концу, Нана и Дина поспешили попросить разрешения уйти. Матриарх не стала их удерживать, лишь едва заметно поведя подбородком. Рейчел тихо и незаметно скользнула вслед за воспитанницами.

Полутёмный коридор встретил девушек глухой тишиной и редкими бликами магических светильников. Длинные тени от декоративных колонн ложились на ковры, точно молчаливые стражи.

— Дина... тебе хотя бы немного было весело сегодня? — тихо спросила Нана, когда они шли по мягкой дорожке к своей спальне.

— Не знаю... — едва слышно отозвалась Дина, опустив голову. — Я весь день думала только о том, как извиниться перед Акихиро. Помнишь, за завтраком он сказал, что в другой раз...

— А ты не думала, что он всё понял без твоих извинений? — перебила её Нана, повернувшись к сестре. Её лицо выражало строгую, но глубокую заботу. — И что сегодня он просто пытался сделать так, чтобы мы забыли о том аде в подвале? Он весь день старался развлечь нас, покупал сладости, эти платья... А ты весь день витала в облаках и уходила в себя!

Дина замерла на месте. Слова сестры пронзили её: она наконец осознала, что Акихиро ждал от них не формальных извинений или виноватых взглядов, а искренней улыбки и живого участия. Но день уже ушел.

— Той ночью... — тихо, почти шёпотом произнесла Дина, сжимая в руках коробочку со сладостями, которую Акихиро подарил им на рынке. — Он ведь спас тебя, Нана.

Нана не сразу найдясь с ответом. В следующий миг в её памяти вспыхнула ночная сцена в темнице: ледяной арктический мороз, беспомощность, засыпающее ядро... и он. Его теплые руки, его дыхание, и она — сгорающая от смущения, лишенная человеческих ног, дрожащая в его отчаянных объятиях.

Пылающий румянец мгновенно залил щеки Наны до самых кончиков ушей.

— Я... я ничего не помню! — заикаясь, пробормотала она, панически отведя взгляд. — Так что я вовсе не обязана его благодарить!

Сгорая от стыда, Нана сжала кулачки, вырвалась вперед и скрылась в их комнате, с шумом захлопнув за собой дубовую дверь.

В пустом, полутёмном коридоре осталась лишь Дина. Она стояла неподвижно, сжимая в руках коробочку с подаренными сладостями, и тихо вздохнула, улыбнувшись закрытой двери.

Глава 2

Неделя пролетела как один затянувшийся, выматывающий день, выкрашенный в цвета серого гранита и серебряной рунической пыли.

Каждое утро в Имении Коул начиналось с одной и той же картины. В главном обеденном зале высокое кресло во главе стола оставалось пустым. Андриана Коул словно превратилась в призрак: карета матриарха с глухим стуком выезжала за ворота цитадели еще до первых лучей рассвета, а возвращалась далеко за полночь, когда даже дежурные гвардейцы валялись с ног от усталости.

Акихиро так и не получил от бабушки ни единого обещанного урока. Андриана с головой ушла в дела Верховного Совета и расследование теракта в Ролново, отведя внуку роль терпеливого зрителя. Единственным связующим звеном между мальчиком и магией оставалась Джулия.

Занятия проходили на внутреннем плацу имения. Гранитные плиты площадки были испещрены глубокими серебряными рунами защиты, выжигавшими и поглощавшими любой избыток неконтролируемой маны.

— Снова мимо, юный господин, — ровный, лишенный жалости голос Джулии раздался над ухом Акихиро.

Мальчик стоял в центре плаца, тяжело дыша. По его подбородку стекала струйка пота, а пальцы правой руки судорожно подрагивали. Перед ним на камне догорали сухие синеватые искры — остатки очередного рухнувшего каркаса.

— Ты снова пытаешься загнать сырой огонь в геометрическую форму силой мышц, — Джулия плавно обошла его по кругу, её каблуки отбивали четкий, раздражающий ритм. — Элементалист с твоим объемом маны привык давить массу. Но III Круг Удержания — это не чугунная клетка. Это гибкая матрица. Если ты не выстроишь грани в разуме до того, как зажжешь V Круг, пламя просто сожрет твою собственную формулу.

— Я пытаюсь! — огрызнулся Акихиро, вытирая рукавом мокрый лоб.

— Ты не пытаешься, ты боишься, — отрезала горничная.

Она была права, и от этого становилось только тошнотворнее. Каждый раз, когда Акихиро подминал ману и пытался выстроить строгий, запечатывающий купол III Круга, в его сознании вспыхивал один и тот же фантомный образ: рушащийся холл в Тюри, пламя Бездны и умирающая Кэзуми. Психосоматический спазм мгновенно сжимал горло, ментальная геометрия ломалась, и накопленный огонь со снопом опасных искр детонировал прямо в его ладонях, рассыпаясь о серебряные руны плаца.

За тренировкой из тени крытой галереи молча наблюдали Нана и Дина. Девочки в своих новых, идеально скроенных платьях сидели на каменной скамье. Дина нервно крутила в пальцах край васильковского рукава, а Нана внимательно ловила каждое движение Джулии, пытаясь усвоить тонкости плетения.

— Еще раз, — непреклонно скомандовала Джулия. — I Круг — подъем ресурса. II — вектор. III — каркас. И только потом V — заполнение стихией. Если III Круг дрогнет хотя бы на долю секунды — начнешь сначала.

Акихиро зажмурился, выравнивая рваный пульс. Он вскинул руку, чувствуя, как в глубине ядра поднимается тяжелая, горячая волна. В воздухе закружился алый контур...

— Эй! Полегче там с огнем, молодой господин!

Грубоватый, знакомый голос заставил Акихиро мгновенно сбросить контур. Накопленная мана с тихим шипением ушла в серебряные вязи мостовой.

По противоположному краю плаца, направляясь к оружейным складам, шли двое мужчин. Акихиро прищурился — и сердце его подскочило.

Это были те самые двои гвардейцев Коула, что пять дней назад остались на мостовой Ролново, перекрывая проспект перед отрядом Носителей и Трехрогим!

Они выглядели мятыми и измотанными. Под распахнутыми кожаными жилетами виднелись тугие бинты, пропитанные темной алхимической мазью и сукровицей. У одного из них левая рука покоилась на плотной фиксирующей повязке, а щеку второго рассекал свежий, бордовый шрам от ожога. Но они были живы и передвигались на своих ногах.

— Вы... — Акихиро, забыв о тренировке, быстрым шагом направился к воинам. — Вы выжили?!

Гвардейцы замерли, переглянувшись с явным замешательством.

— А... юный господин! — старший из них, с повязкой на руке, натянуто улыбнулся, салютуя правой ладонью. — Доброго здравия. Как видите, кости целы, мясо нарастет.

— Как вы выбрались из того ада? — Акихиро подошел вплотную, его глаза горели требовательным любопытством. — Там было пятнадцать масок! И тот... Трехрогий! Джулия сказала, что у вас не было шансов!

— Ну... знаете ли... — младший гвардеец смущенно почесал затылок, уходя от прямого взгляда. — Наша служба... она такая. Повезло, так сказать.

— Повезло? — переспросил Акихиро, сузив глаза. — Человек с тремя рогами плавил стальные доспехи стражи как воск! Как можно случайно выжить в бою с ним?!

— Э-э... да там просто... — старший гвардеец замаялся, его взгляд метнулся за плечо Акихиро — и мгновенно остекленел.

За спиной мальчика стояла Джулия.

Старшая горничная не сделала ни шага вперед, но её фигура излучала такую ледяную, обезоруживающую угрозу, что оба бывалых солдата невольно выпрямились по стойке «смирно». В темных глазах Джулии на мгновение вспыхнул алый, зверский отблеск расы Севаров, а пальцы правой руки слегка погладили складочки алого платья.

Младший гвардеец судорожно сглотнул, резко изменив тон:

— В общем, юный господин! Там... это... подкрепление подтянулось! Да! Городская гарнизонная магия, тяжелые баллисты с верхних башен... Маски увидели, что дело дрянь, и... э-э... технично отступили в канализационные коллекторы! А мы что? Мы в дымовой завесе отсиделись и... того... бочком-бочком к своим!

— Да-да! Именно так всё и было! — торопливо подхватил старший, вытирая взмокший лоб переплетенной рукой. — Гарнизон поднажал, маски сбежали! Нам пора, господин! Капитан приказал доспехи на перековку сдать! Срочное дело!

Не дожидаясь ответа или новых вопросов, оба гвардейца, заметно припоминающие и хромающие, поспешно ускорили шаг и практически сбежали в темный проем оружейного крыла.

Акихиро медленно повернулся к Джулии.

— Подкрепление с баллистами? Seriously? — с тяжелым сарказмом спросил он. — Ты сама веришь в эту чушь?

— История оставляет желать лучшего, — ровным, непроницаемым тоном ответила Джулия, не поведя и бровью. — Но солдаты склонны преувеличивать свои подвиги и выдумывать глупости, чтобы скрыть банальное везение. Ваше занятие еще не окончено, Акихиро.

— Джулия, они что-то скрывают. И ты знала, что они вернутся!

— Я знаю только то, что если вы не научитесь удерживать III Круг, любая маска в реальном бою прожжет вам грудь быстрее, чем вы успеете вспомнить имя своего отца, — суховато и безжалостно отрезала горничная. — Вернитесь на исходную позицию. I Круг. Подъем ресурса. Начнем заново.

Акихиро сжал зубы. Он посмотрел на закрывшиеся двери оружейной, затем на спокойное лицо Джулии, и, тяжело вздохнув, вернулся в центр плаца.

Свечерело. Солнце снова уходило за горный хребет, окрашивая цитадель Коул в кроваво-бордовые тона. Где-то там, за закрытыми воротами, Андриана Коул вела свою тайную войну, гвардейцы врали в лицо, а Джулия хранила молчание. У него оставался только один путь — стать достаточно сильным, чтобы пробить эту стену лжи собственной магией.

Акихиро вскинул руку. На его ладони снова вспыхнул красный, рваный огонь.

После тяжелого практического дня Акихиро задержался в библиотеке дольше обычного. Он сидел в дальнем углу, где свет магического светильника падал мягким золотистым пятном, а шуршание страниц казалось почти живым дыханием. Он не столько читал, сколько тянул время — ждал, пока в комнатах всё утихнет и девочки заснут, особенно Дина. Ему совсем не хотелось снова сталкиваться с её виноватым, полным недосказанности взглядом.

— Думаю, я достаточно выждал. Можно идти спать, — тихо пробормотал он сам себе, закрывая тяжелый том и аккуратно возвращая его на полку.

По пути в свои покои он размышлял о событиях последних дней: *«Если шаг навстречу делает только одна сторона, конфликт никогда не разрешится. Но, с другой стороны, Рейчел и Джулия отлично провели время тогда. Да и я узнал немало полезного. Если подводить итоги, день прошёл успешно. Хотя... не думал, что Джулия настолько популярна среди дуэлянтов. Нужно стараться чтобы забрать свой ключ».*

Он бесшумно толкнул дверь в свою комнату и замер на пороге. Внутри стояли три кровати — судя по всему, еще одну принесли слуги, пока они гуляли по городу. Свет ночника отбрасывал мягкие тени, всё казалось привычным и спокойным... пока он не заметил странное движение под своим одеялом.

Оно дрожало. Мелко и частыми толчками.

Акихиро нахмурился и подошел ближе. Две другие кровати в комнате были оборудованы магическим подогревом — специально для сестер-ламей, чтобы хладнокровным девушкам было тепло. Видимо, кто-то из них в темноте просто перепутал постели.

— Неужели замерзла? — тихо спросил он, уже догадываясь о разгадке.

Он наклонился и увидел бледное лицо Дины. Девочка сидела во сне, крепко прикусив губу; её глаза были зажмурены, тело дрожало, а пальцы судорожно сжимали край простыни.

Акихиро вздохнул. Из-за усталости и нехватки тепла она просто ошиблась местом. Сам он тоже валился с ног и мечтал лишь о том, чтобы упасть и забыться сном.

Сняв верхнюю накидку, он аккуратно накрыл ей Дину поверх одеяла:

— Спи спокойно.

Он громко зевнул, но этого было недостаточно, чтобы разбудить крепко спящую девушку.

Однако организмы полулюдей-змей невероятно чутко реагируют на источники тепла. В момент, когда ночной холод снова коснулся кожи Дины, её инстинкты сработали быстрее разума. Её массивный гибкий хвост, словно обладая собственным сознанием, выскользнул из-под одеяла, мгновенно обвил талию Акихиро и с неожиданной силой потянул его на кровать.

Акихиро даже не успел среагировать — он просто мягко мешком рухнул на матрас рядом с ней.

Дина тут же начала обвивать его мощными кольцами. Почувствовав исходившее от парня живое тепло, она заметно расслабилась, её рваное дыхание выровнялось, а дрожь утихла.

— Если ты не будешь сжимать меня так сильно, — хрипло прошептал Акихиро, задыхаясь в этой неожиданной ловушке, — то я не против немного согреть постель, а потом уйти...

Дина, словно уловив его тихий сонливый голос, слегка ослабила хватку. Акихиро кое-как устроился удобнее, и тяжелый сон начал медленно одолевать его.

Прошло около десяти минут. В комнате царил тишина, нарушаемая лишь мерным сапом спящих. Но вдруг Дина снова зашевелилась. Поворачиваясь во сне, она крепче обняла ногу Акихиро и прижалась к нему всем телом.

Акихиро проснулся от сдавленного чувства тяжести. Его тело плотно фиксировали кольца хвоста, а движения были полностью ограничены.

«Что же ей такое снится?» — подумал он, тщетно пытаясь выводить хотя бы одну руку.

— Мороженое... — едва слышно, со счастливой детской улыбкой пробормотала во сне Дина.

Она подвинулась еще ближе, и её раздвоенный язычок случайно скользнул по его обнаженной голени — влажно, гладко и абсолютно неожиданно. Акихиро вздрогнул, по его спине побежали мурашки.

— Эй, ты чего? Отпусти! — попытался дернуться он.

Но Дина во сне лишь сильнее сжала кольца:

— Мороженое... уходит...

И в следующий миг раздался резкий укол.

Не то чтобы сильный, но неожиданный и точечный. Акихиро коротко вскрикнул от вспыхнувшей боли в голени. Не намереваясь терпеть это во сне, он инстинктивно дотянулся рукой до её хвоста и в ответ ощутимо прикусил его зубами.

Дина от боли взвизгнула и мгновенно очнулась. Хватка колец ослабла, и Акихиро, тяжело дыша, сполз с кровати на пол.

Дина сидела на матрасе, спросонья обхватив руками свой хвост. Несколько поврежденных чешуек впились ей в кожу словно занозы. Акихиро, слегка похрамывая и ощущая странное жжение в ноге, с трудом поднялся.

— Дура... — процедил он сквозь зубы и, не оборачиваясь, хромая выскочил из комнаты.

Оказавшись в полутемном коридоре, Акихиро зацепился за стену. На голени четко выделялись два крошечных прокола от змеиных клыков. Крови почти не было, но боль внутри кости нарастала с пугающей скоростью, будто кто-то сжимал его конечность изнутри железными тисками.

С каждым ударом сердца пульсация становилась всё сильнее. На его глазах вены вокруг укуса начали стремительно темнеть. Черная паутина сгущалась, переходя на крупные артерии, а кожа приобретала мертвенно-серый, истлевающий оттенок.

— Черт... что это такое?! — выдохнул он, чувствуя, как лёд ужаса сковывает грудь.

Он хотел позвать на помощь, но коридор был пуст. Ни горничных, ни патрульных. Поместье погрузилось в аномальную, звенящую тишину.

Акихиро попытался побежать, но нога отказала. Координация рушилась на глазах, мышцы превращались в кисель, а каждый шаг давался с таким трудом, словно он пробирался сквозь густой кисель.

Добравшись до дверей медотсека, он из последних сил заколотил в массивные створки.

Саломея — лекарь поместья — распахнула дверь, испугавшись отчаянного стука. Перед ней стоял Акихиро: бледный как полотно, покрытый холодным потом, с искаженным от нечеловеческой боли лицом. Он уже валился с ног, теряя сознание.

— Нога... — прошептала он сквозь сжатые зубы и рухнул на руки целительницы.

Саломея взглянула на его голень и замерла в шоке. Кожа натянулась как прозрачная пленка, под которой мышцы буквально растворялись, превращаясь в темную жижу.

Не теряя ни секунды, Саломея втащила юношу в кушетку и активировала высшую магию восстановления. Зеленый поток жизненной энергии хлынул из её ладоней. На глазах ткани начали срастаться обратно, сосуды восстанавливались, кожа обрела нормальный цвет... Но эффект длился ровно две секунды.

Акихиро закричал так, что жилы на его шее вздулись.

Саломея с ужасом увидела, как из глубины кости снова прорастают черные ядовитые корни. Они не просто разрушали плоть — они разъедали ее, как концентрированная кислота. Магия регенерации лишь подпитывала этот губительный процесс!

— Что это за дьявольщина?.. — прошептала Саломея, впервые за десятилетия практики ощутив липкий страх бессилия.

За годы службы она видела всё: магические ожоги, некротические проклятия, редкие яды боевых монстров. Любая биологическая или мана-структура поддавалась системному лечению. Но этот яд обладал разумом — он сжирал магию восстановления и использовал её для собственного роста.

Оставался лишь один крайний, запретный вариант — «Сердце Хадара».

Согласно древним хроникам, Хадар упал на землю в эпоху Великого Раскола. Комета прошла сквозь атмосферу, оставляя за собой шлейф из пепла и молний, и рухнула, испепелив два древних города. В эпицентре удара сформировался артефакт — субстанция космической энергии, способная полностью замораживать любые физические и магические процессы: распад, мутацию, время и даже смерть.

Саломея дрожала. Она не имела права использовать «Сердце Хадара» без прямого приказа госпожи Андрианы. Но промедление означало верную гибель Акихиро через считанные минуты.

— Простите меня, госпожа... — прошептала целительница и достала из тайника мерцающий голубым светом кристалл неправильной формы.

Касаться артефакта голыми руками было нельзя — он мог сработать на живой ткани самого лекаря. Сосредоточившись, Саломея создала точечный воздушный вихрь и аккуратно опустила кристалл прямо на место укуса.

Кристалл без сопротивления ушел под кожу Акихиро, словно растворяясь в тканях. Яркий голубой свет вспыхнул внутри голени, запечатывая пораженную область. Черные ядовитые нити мгновенно замерли, потеряв способность двигаться и разрастаться.

— Сработало... — выдохнула Саломея, вытирая пот со лба.

Это не было исцелением. Артефакт просто вырезал пораженный участок из временного потока, заморозив яд в стазисе. Но радость целительницы длилась недолго.

Потянувшись к полке с секретными архивами, она искала описание подобных симптомов, когда со стороны кушетки снова раздался стон.

Свет «Сердца Хадара» исправно удерживал яд, но... артефакт не блокировал нервные окончания! Акихиро продолжал испытывать адскую, непрекращающуюся боль, молча сжимая зубы до хруста.

— Идиота кусок... — ругнулась на себя Саломея за оплошность.

Она бросилась к столу, схватила баночку с сильнейшей обезболивающей мазью на основе вытяжки из мандрагоры и быстро втерла ее в кожу вокруг замороженной зоны.

Спустя полминуты судорога на лице Акихиро спала. Он тяжело выдохнул, его пальцы расжались.

— Не говори... бабушке... — слабым, испуганным шепотом произнес он, глядя на лекаря покрасневшими глазами.

Саломея замерла: — Я не могу скрывать подобное. Это смертельная угроза!

— Пожалуйста... — Акихиро сжал её рукав. — Если Андриана узнает... их убьют. Они не виноваты.

— "Их"? Ты знаешь, кто это сделал?! — поразила Саломея.

— Это... была Дина, — тихо сознался Акихиро, отведя взгляд.

Саломея едва не выронила склянку: — Дина?! Та маленькая девочка-ламия?! Акихиро, этот яд обладает некротической структурой высшего порядка!

— Она... она спала! — смущенно пробормотал Акихиро. — Ей снилось мороженое... Она укусила меня за ногу во сне, перепутав с едой.

Саломея застыла с открытым ртом. Её профессиональный разум отказался обрабатывать эту информацию. *«Что за бред... Маленькая ламия во сне укусила наследника за ногу, приняв за мороженое, и чуть не убила древнейшим органо-магическим ядом?!»*

— Ладно! Хватит! — Саломея потерла виски, чувствуя, как закипает мозг. — Я верю тебе. И пока никому не скажу.

Акихиро впервые за ночь облегченно улыбнулся.

— Но ситуация критическая, — строго продолжала Саломея, указывая на голубое свечение под его кожей. — У ламий никогда не было ядовитых желез. Твой отец Атсуши подробно описывал их анатомию. Это не просто укус. Это либо спит проклятие в их крови, либо древняя мутация рода.

— «Сердце Хадара» лишь сдерживает токсин. Я оставила небольшой участок кожи на икре без обезболивающей мази. Если ты почувствуешь, что боль снова начинает пульсировать изнутри — значит, яд адаптировался и пробивает стазис. У тебя будет ровно пятнадцать минут, чтобы добежать до меня, прежде чем твоя ткань начнет гнить снова. Ты меня понял?

— Я понял, — серьезно кивнул Акихиро.

Саломея достала стеклянную флякон с медицинским эфиром, смочила им плотную марлю и приложила к лицу мальчика:

— А теперь спи. Твоему ядру нужно восстановить ресурс.

Акихиро мгновенно провалился в глубокий, безбудный сон.

Саломея аккуратно забинтовала его голень несколькими слоями плотной льняной ткани, подшитой свинцовой нитью, чтобы полностью скрыть аномальное голубое свечение артефакта. Затем она налила себе чашку черного, горького кофе и села за дубовый письменный стол.

Раскрыв древний, покрытый пылью фолиант из раздела запрещенных био-поражений, целительница приготовилась к долгой ночной работе.

Глава 3

Акихиро проснулся от знакомого, но уже не сбивающего с ног жжения в голени. Он медленно сел на кушетке и огляделся.

В медпункте царила глубокая утренняя тишина, нарушаемая лишь мерным треском настенных магических ламп. Плотная бинтовая повязка на его ноге надежно скрывала голубое свечение «Сердца Хадара», однако юноша знал: некротический яд никуда не исчез. Он лишь затаился в стазисе и был готов вырваться наружу, как только затихающее чародейство ослабнет.

Акихиро аккуратно оттянул край бинта, стараясь не сдвинуть повязку. Под тканью мерцал слабый, но еще устойчивый синеватый свет. Однако, как и предупреждала Саломея, матовая черная паутина ядовитых вен уже вплотную подступила к самой границе замороженной зоны. Сигнал был четким: времени оставалось совсем немного.

Юноша перевел взгляд на соседнюю кушетку. Там, не сменив одежды, лежала Саломея. Её лицо выражало глубокую измотанность, глаза были закрыты. Целительница спала, впервые за долгое время позволив себе минутную слабость после изнурительной ночи, проведенной за составлением обезболивающих мазей и поиском ответов в запретных архивах.

— Госпожа Саломея... пожалуйста, проснитесь, — тихо позвал Акихиро.

Саломея лишь едва приоткрыла сонные, налитые свинцовой тяжестью глаза и, не поворачиваясь, пробормотала:

— У тебя в запасе еще целых десять минут... Потерпи. А я вздремну еще немного...

Сказав это, она недовольно повернулась к нему спиной, с головой укутываясь в плед.

Боль в ноге была вполне терпимой, но Акихиро вовсе не собирался сидеть сложа руки и доводить дело до нового приступа. На его губах появилась хитрая, дерзкая усмешка. Он бесшумно поднялся с кушетки и подошел к рабочему столу лекаря.

Среди десятков склянок, ампул и алхимических горелок он быстро отыскал то, что искал — темный флакон с концентрированным раствором аммиака.

— Это точно то, что нужно, — шепнул он сам себе, приоткрыв пробку и отшатнувшись от резкого, бьющего в нос запаха. Сонливость мгновенно испарилась.

Акихиро с флаконом в руке направился к дальнему концу комнаты, где на второй кушетке мирно спала пациентка с затяжной «сонной болезнью». Он уже занес руку с резким пахучим веществом над лицом больной, рассчитывая устроить небольшую переполох и тем самым взбудить лекаря, но в ту же секунду его запястье сжала тонкая, но стальная хватка.

— Что это ты удумал?! — раздался резкий, сорванный голос Саломеи.

В её глазах, широко распахнутых от неожиданности, читались смесь ужаса, гнева и преграждающей всё смертельной усталости.

— Тебе что, так сложно было подождать пару минут?! — добавила она, едва удерживаясь от крика.

Акихиро даже не вздрогнул. Он лишь сфокусировал на ней спокойный, открытый взгляд и искренне улыбнулся:

— Извините. Просто я не хочу дожидаться, пока яд проснется. Зато если вы сделаете всё прямо сейчас, то потом сможете выспаться в полной тишине.

Саломея замерла. Услышав желанное слово «выспаться», она медленно разжала пальцы. Волна гнева спала так же быстро, как и поднялась, уступив место глухому, но облегченному вздоху.

Целительница села на кушетке, потеряла вымокшие виски и активировала заклинание восстановления. Не снимая бинтов, она направила мягкий, почти прозрачный поток маны прямо в голень юноши. Свечение магии окутало ногу, проникая сквозь ткань так естественно, словно материя дышала вместе с чарами.

Акихиро завроженно наблюдал за процессом. Он отчетливо чувствовал, как колючая боль полностью отступает, а немеющая конечность снова наполняется живым теплом и послушанием.

— А теперь проваливай, — отрезала Саломея, обессиленно падая обратно на подушку и отворачиваясь к стене.

Её голос звучал колючо и резко, но Акихиро не услышал в нем ни капли настоящей злобы — только бездонную измотанность человека, выложившегося на пределе возможностей.

Юноша замер на пороге медпункта, натягивая сапог, и тихо спросил:

— Сколько у меня времени до следующего приступа?

— Около восьми часов, — ответила Саломея, не меняя позы и укутываясь с головой. — А теперь исчезни.

— Спасибо, — искренне произнес Акихиро.

Он вышел из медпункта, бесшумно притворив за собой тяжелую дверь.

В прохладном коридоре поместья утренний свет из высоких окон казался слишком ярким и слепящим после тусклого полумрака лечебницы. Акихиро шел неспешным, ровным шагом, с наслаждением ощущая, что его нога снова стала здоровой и послушной.

Восемь часов.

Эти слова звучали в его голове не как суровый приговор, а как четкий жизненный отсчёт. Не угроза, а просто временной ресурс, который нужно распорядиться с умом.

А в тишине медпункта Саломея лежала неподвижно. Она знала, что ответила юноше слишком грубо. Но знала и другое: если бы она не оттолкнула его сейчас этой внешней холодностью, то просто сломалась бы от переутомления. А ведь ей еще предстояло решить главную загадку — узнать, что за древний смертоносный яд сокрыт в теле маленькой ламии, которую наследник рода Коул так отчаянно защищает.

Глава 4

Акихиро шёл по прохладному коридору, шаг за шагом прокручивая в голове события прошлой ночи. Всё казалось сюрреалистичным ночным кошмаром: неожиданный укус, чернеющая плоть, леденящий страх, «Сердце Хадара» под кожей и тихий голос Саломеи.

Восемь часов. У него оставалось ровно восемь часов до того момента, как стазис ослабнет и яд снова начнет разъедать его тело.

«Если бабушка узнает... она без колебаний прикажет казнить Дину и Нану, — отчётливо понимал юноша. — Саломея пообещала молчать, но долго скрывать подобное не удастся. Девочкам нельзя здесь оставаться. Их нужно увезти из поместья до того, как секрет всплывет наружу».

Тихий рокот в животе беспардонно напомнил об элементарных физиологических потребностях.

— М-да... Для начала не помешало бы хотя бы позавтракать, — тише пробормотал он.

Подходя к главному крылу поместья, Акихиро услышал впереди приглушенный, но тревожный шепот. Несколько горничных суетливо переговаривались возле дверей столовой:

— Вы его не видели? Госпожа Андриана скоро спустится к завтраку...

— В его покоях пусто! Боги, если молодой господин пропал, нас всех сошлют в шахты!

Акихиро мгновенно отступил за массивную колонну. Вступать сейчас в расспросы слуг, объяснять причину своего ночного отсутствия или привлекать лишнее внимание он не мог — сначала нужно было лично поговорить с Диной.

Сделав шаг назад, юноша бесшумно скользнул в боковой служебный коридор. Ловко огибая привычные маршруты патрулей, он выскочил через незаметную дверь прямо во внутренний двор.

Утреннее солнце ударило в глаза ярким, еще не обжигающим светом. Прохладный свежий воздух наполнил легкие, слегка прояснив тяжелую голову. С момента его выхода из медпункта прошло едва ли двадцать минут.

Акихиро успел сделать лишь пару шагов по каменной дорожке, как вдали замаячили фигуры слуг и охранников, прочёсывающих двор. Прежде чем он успел среагировать, гибкая и невероятно сильная рука обхватила его за талию, сдёргивая с открытого места.

Он даже не успел вскрикнуть — неизвестный мчался с пугающей скоростью, практически не касаясь земли. На мгновение Акихиро разглядел лишь вытянутый тенистый силуэт: так перемещались только севары — древний народ быстрых и опасных хищников.

Они влетели в дальнюю часть сада, скрытую за густыми кронами деревьев, и остановились в белой беседке. Джулия унесла его в беседку, чтобы его не заметил патруль или другие слуги, которые искали его во дворе.

Она опустила Акихиро на пол и тут же цепким, заботливым взглядом окинула его с ног до головы, проверяя, цел ли он.

— Слава богам... — тихо выдохнула она, прижав его к себе и крепко, по-сестрински обнимая. В её голосе звучала не паника, а глубокое облегчение старшей сестры, искренне переживающей за младшего. — Вы целы.

Юноша почувствовал тепло её тела. Специальный боевой костюм из «жидкой стали» на мгновение стал мягким, пропуская её тепло, но Джулия быстро взяла эмоции под контроль. Никаких слёз или слабости — только сдержанная, глубокая сестринская опека. Она слегка потрепала его по плечу и отступила на шаг, выпрямив осанку.

— Я думала, вы снова попали в неприятности или решили сбежать, — произнесла она привычным, спокойным тоном, хотя в глазах всё ещё светилось тепло.

— С чего ты взяла? Я и не думал убегать, — ответил Акихиро.

— Вся прислуга поднята на ноги, — объяснила Джулия, мгновенно вернув себе собранный вид старшей горничной.

— Вчера поздно ночью ко мне прибежала испуганная Дина. Она сказала, что вы выбежали из комнаты с ранением. Поместье перевели на скрытый режим поиска.

Акихиро неловко потёр затылок, вспомнив ночную сцену:

— Ну... со стороны это и правда могло выглядеть как бегство. Я просто поранился и, чтобы никому не мешать, сразу отправился в медпункт к Саломее.

Джулия пристально всмотрелась в его лицо:

— Вы действительно не пытались покинуть поместье?

— Нет. Но... мне правда нужна твоя помощь, Джулия.

Акихиро понял, что другого шанса не будет. Он огляделся, убеждаясь, что в глухом уголке сада они одни, и аккуратно оттянул бинт на голени.

Джулия с её феноменальным зрением севара мгновенно зафиксировала слабое голубоватое свечение «Сердца Хадара» и медленно пульсирующие под кожей черные нити.

— Что это?.. — её бледные брови сдвинулись к переносице, а взгляд стал предельно серьезным. — Это некротический яд?

— Дина укусила меня во сне, — быстро и четко заговорил Акихиро.

— Она сделала это ненамеренно, ей снилась еда. Но яд в её крови — смертельный. Саломея смогла лишь временно заморозить его артефактом. У меня есть около восьми часов, пока действие не ослабнет.

Он посмотрел Джулии прямо в глаза:

— Если бабушка узнает о характере яда, она прикажет уничтожить и Дину, и Нану. Я не могу этого допустить. Им нужно бежать из поместья. Сегодня.

Джулия застыла, осмысливая услышанное. Её внутренний долг перед Андрианой — женщиной, спасшей её в детстве и давшей дом, — вступил в схватку с искренней привязанностью к Акихиро.

— Вы просите меня предать госпожу Андриану? — тихо спросила она.

Акихиро сделал шаг вперед и доверчиво уткнулся головой ей в плечо — совсем как младший брат, ищущий защиты у старшей сестры.

— Я просто не хочу больше никого терять, — его голос сорвался, обнажая глубокую рану. — Моего отца убили. Маму убили. Нана и Дина... они такие же сироты, как и я. Кроме меня и друг друга, у них никого нет.

Джулия медленно положила руку ему на спину, поглаживая с привычной теплотой. Её собственное сиротское детство отозвалось понятной болью.

— Я понимаю твою боль... — тихо ответила она, впервые перейдя на «ты» без формальностей. — Но госпожа Андриана — моя благодетельница. Я не могу открыто лгать ей.

Акихиро поднял на нее глаза:

— Разве ты — не часть моей семьи? Ты каждый день заботишься обо мне... прямо как Кэзуми.

Названное имя отозвалось в душе Джулии трепетным теплом.

— Спасибо за эти слова... — Джулия тепло, улыбнулась и слегка щёлкнула его по носу, разряжая обстановку.

— Хорошо. Я не буду открыто идти против госпожи. Но я выиграю для вас время.

Он удивленно взглянул на нее.

— Я доложу Андриане, что нашла тебя в саду и что ты восстанавливаешь силы после ночного недомогания. Это задержит любые допросы и проверку как минимум на четыре-пять часов. За это время вы должны решить, как поступить с девочками.

Акихиро искренне улыбнулся и крепко обнял её:

— Этого более чем достаточно. Спасибо тебе, сестрёнка.

Джулия добродушно качнула головой, в её глазах вспыхнул огонек:

— Пойдём. Пора показать слугам, что с тобой всё в порядке, и наконец позавтракать.

Дорога от беседкой до служебных помещений прошла в относительном молчании. Они шли оглябая открытые пролёты, избегая парадных лестниц. Изредка им навстречу попадались горничные с охапками свежего белья или подносами. Увидев Акихиро рядом с Джулией, служанки мгновенно вытягивались в струнку, низко кланялись и быстро проходили мимо. Тревога, витавшая в замке с ночи, постепенно уступала место привычному рабочему порядку: раз старшая горничная рядом с наследником — значит, ситуация под контролем.

Кухня поместья в этот ранний час встретила их приятным теплом, запахом свежей выпечки и относительной тишиной — основной персонал уже закончил приготовление общего завтрака и разбрелся по залам.

Джулия жестом указала Акихиро на высокий деревянный стул у разделочного стола, а сама подошла к стеллажам. Сняв тяжелые защитные перчатки из «жидкой стали», она вымыла руки, взяла пышный батон свежесдобитого хлеба, аккуратно нарезала его и за считанные минуты собрала пару сытных бутербродов с вяленным мясом и зеленью.

— Держи, — сказала она, опуская перед ним тарелку и стакан прохладного сока. — Тебе нужно восстановить силы.

Акихиро, чей желудок упрямо напоминал о себе с самого утра, благодарно кивнул и тут же взялся за еду. Джулия опиралась на край стола напротив, скрестив руки на груди и задумчиво наблюдая за ним.

— Знаешь... — неожиданно тихо заговорила она, когда в тишине кухни остался лишь хруст запеченной корочки. — Госпожа Андриана — единственная причина, почему я не сгнила в канаве. Она вытащила меня из кровавого дерьма подворотни, когда я была лишь вшивым, одичавшим щенком. Выкормила. Выучила боевой трансмутации. Поставила на ноги и дала имя, перед которым пасуют дворяне. Всё, что на мне — эта форма, эта сталь, сама моя жизнь — принадлежит ей.

Она сделала паузу, уставившись в узкое окно, за которым разгорался утренний свет:

— Я считала её матерью. Единственной семьёй. Но... вряд ли она когда-то видела во мне дочь. Для Матриарха я — заточенный клинок. Удобный. Верный. Не более.

Акихиро замер, не донеся бутерброд до рта. Он привык видеть в Джулии лишь стальную, несокрушимую машину, готовую выполнять любые приказы Андрианы. Но прямо сейчас перед ним проявлялись глубокие, застарелые шрамы её собственной души.

— Год назад она сломалась, — продолжение звучало почти шёпотом, с трудом пробиваясь сквозь шум закипающего на плитах котла. — До этого госпожа была... живой. Жесткой, но живой. В ней горел огонь.

Акихиро мысленно перенёсся на год назад. **Год назад...** Именно тогда он потерял мать. Это воспоминание отозвалось тупой болью где-то под рёбрами.

— А когда убили твоего отца... — Джулия качнула головой, в её глазах мелькнула тень давнего ужаса. — В первые несколько дней в её крыле физически невозможно было находиться. Из-за безумной, почти осязаемой маны, которая витала вокруг неё, воздух закипал, а камни в стенах трескались. Она едва удерживала себя от того, чтобы не сжечь всё поместье дотла.

Акихиро опустил взгляд на стол. «Я... я даже не замечал этого», — с горечью подумал он. В те дни юноша был настолько раздавлен собственным горем, запершись в четырёх стенах, что даже не задумывался, какую адскую муку переживала его бабушка, потерявшая сначала невестку, а затем и единственного сына.

Его мысли снова вернулись к подвалу, к Дине и Нане. Если Матриарх сходила с ума от потери родной крови, то что она сделает с двумя девчонками-ламиями, чистый яд которых прямо сейчас разъедает кость ее последнего внука?

— Джулия... — осторожно, проверяя почву, спросил Акихиро. — А что бабушка делает с теми... кто становится обузой? Или угрозой? Каково её настоящее отношение...

— **Даже не начинай, Акихиро,** — резко, словно щелчком клыков, пресекла его Джулия.

Её взгляд мгновенно утратил всю мягкость, став твёрдым и холодным, как лед.

— О таком лучше вообще не думать и тем более не спрашивать. Никогда. Не ищи оправданий и не пытайся залезть к ней в душу. Это опасная территория, юный господин. Занимайся тем, что должен сделать, и не задавай вопросов, на которые не захочешь знать ответов.

Акихиро сглотнул. Резкая реакция Джулии лишь подтвердила его худшие опасения: Матриарх не проявит милосердия к тем, в ком увидит хотя бы малейшую угрозу для остатков своей семьи.

На кухне снова воцарилась тяжёлая, тягучая тишина. Акихиро молча доел второй бутерброд, вытер руки салфеткой и медленно поднялся со стула.

Слова Джулии о прошлом Андрианы, о её скрытой боли, о потерях не выходили у него из головы. Он понял одну простую вещь: бегать, прятаться по углам и строить тайные заговоры за спиной женщины, которая прошла через такой ад ради сохранения рода — значит проявить трусость.

Да, у него есть план побега для девочек. Да, у него мало времени. Но прежде чем сделать необратимый шаг, он обязан встретиться с ней.

— Спасибо за завтрак, Джулия, — тихо, но удивительно твёрдо произнёс Акихиро.

— Куда ты собираешься? — подозрительно спросила она, замечая перемену в его взгляде.

Глава 5

Оказавшись перед покоем Матриарха, Акихиро больше не чувствовал прежнего подавляющего трепета. Массивная дубовая дверь, от которой раньше веяло древней силой рода, теперь казалась лишь тяжелой преградой, пахнувшей старым воском и вымороженным камнем.

Джулия осталась снаружи. Встав у резной колонны, она приняла безупречную стойку охранника, но её желтые глаза хищника непрерывно сканировали коридор, а пальцы в боевых перчатках едва заметно дрожали, готовые в любую секунду рвануть створку на себя.

Юноша коротко, твёрдо постучал, толкнул тяжелое дерево и шагнул за порог.

Кабинет встретил его гулкой, звенящей тишиной. Утренний свет пробивался сквозь высокие стрельчатые окна, разрезая пыльный воздух и падая на полированный стол из черного дерева. Прямо по центру стола покоились четыре маски.

Три из них — покрытые витиеватыми барельефами, подёрнутые сизой патиной и словно мертвые — лежали на резных подставках. Четвёртая — идеально гладкая, слепяще-белая, без единого изгиба или прорези — лежала в стороне, словно незапятнанный холст.

Акихиро замер, припав на правую ногу. Контрольный участок икры отозвался сухой болью, но взгляд мальчишки приковало к трем украшенным маскам. В памяти вспыхнул ледяной кошмар Тюри: грохот рушащихся стен, запах паленой плоти, отблески пламени Бездны и фигура Трёхрогого.

— Знаешь, что это такое? — раздался сухой, надломленный голос.

Госпожа Андриана затворила тяжелую стеклянную дверь, ведущую на террасу, и медленно подошла к столу. В её руках покоилась неизменная трость из темного дерева, а под глазами залегли глубокие, серые тени.

— Я хочу знать, почему это произошло, — произнёс Акихиро. Голос прозвучал твёрдо, хотя в груди всё сжалось от подступающего гнева. — Почему наемники ворвались в наш дом? Кто отдал приказ?

Андриана не ответила сразу. Она опустила узкую, сухую ладонь на полированное дерево стола, коснувшись пальцем края слепяще-белого фарфора.

— Это «Маски Убийц». Отвратительные, но могущественные артефакты криминальных синдикатов, — произнесла Матриарх. — Изначально они абсолютно чисты. Белы, как эта. Но стоит магу примерить её, как плетение артефакта начинает впитывать его суть, ману и дух. Чем сильнее, изощреннее и опаснее чародей, тем сложнее становится орнамент. У высших боевиков поверхность покрывается затейливыми барельефами: перьями, вращающимися элементами, рогами и драгоценными камнями.

— Почему именно маски убийц? — с опаской спросил Акихиро, сделав осторожный шаг ближе и стараясь не хромать.

— Потому что получить её можно лишь двумя путями: заслужить в кровавых иерархиях «Носителей»... или сорвать с хладакроваго трупа врага. Но если хозяин погибает, его маска умирает вместе с ним. Она теряет блеск маны, обугливается и тускнеет.

Акихиро всмотрелся в три маски на подставках. Их поверхность казалась шершавой, выцветшей и мертвой.

— На этой, — Андриана слегка двинула тростью маску с резным оперением, — когда-то сиял драгоценный алый рубин. У соседней — со скрежетом вращались стальные шестерни. Их носили те самые командиры наемников, что уничтожили твой дом в Тюри четыре месяца назад.

— Выходит... ты настигла их? — ледяная волна осознания накрыла юношу.

— Я вырвала эти маски с их разможенных лиц, когда мстила за твоего отца.

Акихиро перевёл взгляд на четвёртую маску — единственную гладкую, безликую и чистую.

— А эта? Она тоже принадлежала кому-то из нападавших? — спросил он, протянув руку и осторожно коснувшись гладкого края. Фарфор оказался не холодным — он отдавал сухим, плотным теплом, словно живая плоть.

— Нет, — тихо, почти шёпотом ответила Андриана. — Это моя маска. Вчера ночью её прислал курьер синдиката.

Юноша замер, уставившись на бабушку с нескрываемым изумлением:

— Твоя? Но ты же сама говорила, что рисунок зависит от силы мага! Джулия утверждает, что ты — сильнейший Элементалист Континента! Почему же маска пуста? И зачем им присылать тебе метку преступников?

Пальцы Андрианы сжали набалдашник трости с такой силой, что костяшки побелели. Губы Матриарха сжались в узкую, бескровную нить:

— Потому что я никогда в жизни её не надену. Я всю жизнь презирала эти твари, считая их символом упадка великой магии. Но в тот день... когда погиб Атсуши... я совершила то, что окончательно уравнило меня с палачами.

Она подняла на внука тяжелый, выцветший взгляд, в котором читалась адская, невыплаканная мука:

— Приказ об уничтожении твоего отца и вашей семьи отдал лично король Альбер Де Ла Мар Третий. И я... я уничтожила его. Сжгла вместе с его троном.

Акихиро от ужаса и шока выронил маску. Белый фарфор с глухим стуком ударился о тяжелый ковер и откатился к его сапогам.

Де Ла Мар.

Фамилия ударила по мозгам сильнее, чем отдача от рухнувшего барьера. Нана и Дина... Они носили ту же самую фамилию. Они были королевской кровью. Семей человека, уничтожившего его род. И одновременно — дочерьми того, кого зверски убила его бабушка.

— За что?... — прошептал Акихиро, сжимая кулаки до хруста в фалангах. — За что этот коронованный ублюдок приказал их убить?!

— Я не стала спрашивать, — горько и сухо ответила Андриана. — Я просто испепелила его.

Она сделала паузу, пристально, с пугающей внимательностью вглядываясь в побледневшее лицо внука, и внезапно сменила тему:

— Скажи мне, Акихиро... Что ты чувствуешь к тем двоим девчонкам-лаамиям, которых ты оставил в замке? К Нане и Дине Де Ла Мар?

Юноша сбился с мысли от резкого поворота, но выпрямился, чеканя каждое слово:

— Мне... мне их жаль. Они такие же сироты, как и я. У них больше никого нет.

Андриана слабо, печально улыбнулась — так улыбается тяжелораненый солдат, глядя на наивного рекрута:

— Похоже, ты куда сильнее и чище меня, мальчик. Я вижу в их крови лишь объект для лютой ненависти и источник потенциальной измены. А ты все еще способен на милосердие.

Акихиро оправил куртку, расправив плечи. Напряжение в его теле уступило место твёрдой, злой решимости:

— Я больше не буду скulить и прятаться по углам. Если некому защитить меня и тех, кто мне дорог, — я сделаю это сам. И я найду истинную причину, почему король отдал тот приказ.

Андриана кивнула, с трудом подавляя подступающий к горлу сухой ком:

— Достойные слова. Твой отец оставил тебе свой дневник. А я... я хочу оставить тебе это.

Она нагнулась, подняла с пола белую маску и протянула её внуку на открытой ладони:

— Возьми. Я не смогла надеть её. Я боялась увидеть в отражении лишь монстра, жаждущего чужой крови. Но твоя душа иная. Прими её. Превзойди меня и заberi себе титул сильнейшего.

Акихиро помедлил. Он посмотрел на слепяще-белый фарфор, ощущая, как от артефакта веет древней, голодной силой, поднес маску к лицу и плотно прижал к коже.

В ту же секунду артефакт ожил.

Из центра переносицы во все стороны с мерзким хрустом вырвались нитевидные золотые жилы.словно раскаленные иглы, они ввелись прямо в кожу юноши, пробивая поры и цепляясь за лицевые нервы. Акихиро захлебнулся немym криком: маска жадно, сокрушительным глотком рванула из его ядра ману.

Оглушительная дикая слабость подсекла колени. Замороженная голень подлолом преломилась, и юноша потерял сознание. Он рухнул бы лицом на паркет, если бы Андриана не успела подхватить его за плечи и осторожно опустить на мягкий диван.

Матриарх завораженно наблюдала за трансформацией артефакта.

Золотые вены на фарфоре выгорели, осыпавшись мелкой янтарной пылью, но процесс лишь набирал ход. На белой поверхности начали прорезать плотную глазурь тончайшие геометрические узоры 11 Кругов. Затем по краям маски с тихим шелестом пробились белоснежные, словно из инея, перья, сформировавшие пышную корону от скула до самого виска.

Но маска не останавливалась. Из лба с треском вытянулись два изящных витых рога, на изгибах которых один за другим вспыхнули гранями отборные драгоценные камни.

Андриана затаила дыхание. Подобный орнамент — корона из перьев, рога и стихийные самоцветы — проявлялся лишь у чародеев феноменального, абсолютного ранга. Потенциал её внука был безграничен.

Но внезапно воздух в кабинете выморозило до треска.

Маска, едва завершившая трансформацию, судорожно содрогнулась. Из её глазниц и узкой прорези для рта начала сочиться густая, вязкая, иссиня-чёрная слизь.

Некротический яд Дины и ледяная магия космического стазиса «Сердца Хадара», кипевшие в отравленной крови Акихиро, вступили в неистовую реакцию с жадным артефактом.

Тёмная субстанция с шипением поползла по белоснежному фарфору, навечно въедаясь в его структуру. Она стремительно выжигала белоснежные перья, камни и геометрию кругов, окрашивая их в непроглядно-чёрный, смоляной цвет. Через пару секунд на лице бессознательного юноши лежала абсолютно чёрная, обугленная, зловеще пульсирующая маска, разящая трупным ядом и арктическим холодом.

Андриана инстинктивно отшатнулась на шаг, сжав трость. Её сердце сжалось от древнего, животного ужаса. За всю свою долгую, кровавую жизнь она ни разу не видела, чтобы «Маска Убийцы» полностью переродилась во Тьму и Бездну.

Матриарх перевела дыхание, пытаюсь подавить дрожь в сухих пальцах, и опустила ладонь на оскверненный фарфор.

— Что ж... — тихо прошептала Андриана, чувствуя, как от лица внука разит могильным холодом. — Я никогда не видела ничего подобного. Если ты действительно собрался стать сильнейшим... для начала попробуй просто выжить.

Глава 6

Акихиро очнулся в собственных покоях. В висках стучала тяжелая, глухая боль, но сознание прояснялось быстро, сбрасывая лихорадочный морок. На соседней подушке лежала маска — идеальный, слепяще-белый овал гладкого фарфора. Вне активного состояния артефакт казался мертвым, не удерживая ни черной слизи, ни рогов, ни перьев.

«Моя маска... Символ сильнейшего».

Юноша попытался резко сесть, но правая нога отозвалась тяжелым, деревянным онемением. Преодолевая слабость, он спустил ноги с кровати, хромая дошел до ростового зеркала и поднял артефакт.

Едва фарфор коснулся кожи, маска словно ожила. Изнутри рванула короткая вспышка холодного света, и мир перед глазами на мгновение затопила непроглядная тьма.

В отражении он увидел не себя. Из зеркала на него смотрела жуткая, смоляно-черная личина с пышной короной из игольчатых перьев, изящными витыми рогами и вплавленными в фарфор драгоценными камнями. Из прорезей разило арктическим холодом и некротическим ядом.

— Почему она... все еще черная?.. — удивленно вырвалось у него.

Но звук, раздавшийся из-под фарфора, не принадлежал двенадцатилетнему мальчику. Это был глубокий, бархатистый, рокошущий бас — голос облеченного абсолютной властью, зрелого и смертельно опасного чародея.

Акихиро замер, пораженный резонансом собственной гортани.

— Этот голос... Голос монстра, — прошептал он, ощущая, как по спине пробежала морозная дрожь. — Нужно спрятать её. Пока никто не увидел.

Он потянул фарфор на себя. Маска поддалась легко, без сопротивления отлепившись от кожи. В руках снова оказалась простая, безликая белая оболочка. Ни следа тьмы, ни рогов, ни орнамента. Впав в анабиоз, артефакт опять притворился обычной безделушкой.

Повернувшись к гардеробу, Акихиро застыл. Пространство комнаты изменилось. В покоях стояла лишь одна кровать — его собственная.

Два массивных ложа, на которых еще недавно спали Нана и Дина, исчезли. Ни следов на паркете, ни забытых вещей, ни запаха травяных притинок. Слуги Матриарха поработали безупречно, пока он лежал без чувств. Лишь на столе по-прежнему покоилась шкатулка с дневником отца.

Не успел он сделать шаг к выходу, как тяжелая задвижка тихо щелкнула. Дверь отворилась, и в комнату скользнула Джулия. Заперев засов, она прислонилась спиной к дубовой створке.

— Доброе утро... братик, — тихо произнесла она.

Её бледные щеки мгновенно вспыхнули румянцем, а уши севара едва заметно дернулись от смущения. Слышать такое обращение от Несравненной Севар — беспощадного бойца и главы охраны, выглядевшей на четырнадцать-пятнадцать лет, — было дико.

Акихиро сам залился краской до кончиков ушей, но, сжав кулаки, заставил себя улыбнуться:

— Доброе утро, сестрёнка.

Джулия мгновенно совладала с собой, спрятав смущение за привычной строгой осанкой, хотя в ее вертикальных зрачках все еще теплилась сестринская забота.

— Если тебя волнует судьба ламий... они сбежали, — тихо, но сухо проговорила она, подоровавшись ближе. — Вчера глухо за полночь. Нана и Дина смогли выбраться из цитадели через вытяжной угольный штрек восточного крыла.

Акихиро выпрямился, не веря услышанному:

— Сбежали? Сами?! Но как они смогли миновать внешние рунические контуры?

— Им помогла Рейчел, — угрюмо хмыкнула Джулия, качнув головой. — Эта глупая служанка... Она как-то умудрилась украсть мастер-ключ от служебных галерей из кастелянской, провела девочнок вплоть до дренажного коллектора и отдала им все свои скопленные медяковские медяки.

— Рейчел?.. — у Акихиро перехватило дыхание. Робкая младшая горничная, боявшаяся собственного громкого шага, пошла на смертельный риск ради двоих гибридов?

— Да. И заплатят за эту глупость все, — хмуро продолжала Джулия. — Госпожа Андриана узнала о побеге лишь сегодня на рассвете, когда стража обнаружила сорванные печати на коллекторе. В покоях Матриарха стоял такой бешеный мороз, что оконные стекла трескались в пыль. Поместье до сих пор трясет от её гнева.

— Боги... А что с Рейчел?! — сердце юноши ушло в пятки. — Матриарх казнит её?!

— Нет, — Джулия тяжелым взглядом посмотрела внуку в глаза. — Служанке повезло. Матриарх не стала мारрять руки кровью бескровной дуры, но наказание оказалось не мягче смерти. Сегодня утром Рейчел под конвоем вышвырнули за Великую Стену. В земли людей. Без права когда-либо вернуться по эту сторону.

Акихиро опустил голову. В груди всё сжалось от тяжелого чувства вины перед робкой служанкой, пострадавшей из-за его подопечных.

— погоди... — юноша резко вспомнил про травму и подтянул штанину. — А моя нога?!

Он ожидал увидеть гниющие язвы или черные нити некроза, но голень выглядела целой. Ни раны, ни крови. Однако выше колена кожа приобрела неестественный, синевато-металлический, трупный оттенок.

— Не жди чудес, — сурово остановила его Джулия, заметив его взгляд. — Саломея приходила, пока ты лежал в бреду. «Сердце Хадара» держит яд в стазисе, но замороженное поле буквально убивает кровообращение. Ткани бедра голодают. Саломея ищет нейтрализатор, но сейчас любая нагрузка на ногу приведет к некрозу. Магия такую отмершую плоть уже не восстановит. Тебе категорически запрещено ходить.

Акихиро озадаченно потер затылок, ощущая, как занемевшие мышцы отзываются тупой болью.

— Значит, девочки на свободе, а Рейчел... в изгнании, — пробормотал он.

— И это еще не все события этого утра, — Джулия понизила голос до шепота. — Вслед за Рейчел из цитадели уезжаем и мы с тобой.

Акихиро вскинул голову:

— Что?!

— Матриарх считает, что после ликвидации короля Альберта Де Ла Мар III тебе смертельно опасно оставаться в имении. Совет магов взбешен и ищет виновных. Андриана зачислила тебя в Высшую Академию у границы Стены. Ты будешь учиться там под чужим именем, среди техномагов и одаренных, пока не поймешь, какое именно наследие оставил тебе отец.

— Но... я могу хотя бы попрощаться с бабушкой? Спросить её лично?! — голос юноши задрожал от нахлынувшей обиды.

Джулия сочувственно качнула головой:

— Мне жаль, Акихиро. Госпожа Андриана отдала прямой приказ: не подпускать тебя к её покоям. В гневе из-за побега ламий и действий Совета она сказала, что не желает видеть тебя, пока ты не окончишь Академию и не докажешь, что достоин носить фамилию Мори.

Слова Андрианы больно хлестнули по самолюбию, но Акихиро глубоко вдохнул, давя подступающий к горлу ком. Он верил в гнев Матриарха. Он знал, как страшна бабушка в ярости.

— А как же лечение? Как Саломея?..

На губах Джулии мельком скользнула хитрая полуулыбка:

— По секрету: госпожа Саломея уже переведена на должность главного врача медицинского корпуса той самой Академии. Матриарх просчитала каждый шаг.

Джулия на шаг отступила к двери и вкатила в комнату изящное, тяжелое инвалидное кресло из мореного дуба, кованого железа и мягкой темной кожи.

— Пока Саломея не выжжет яд из твоей ноги, передвигаться будешь на этом.

Акихиро молча устался на кресло. Оно казалось клеймом слабости и беспомощности. Но вместо страха или обиды внутри двенадцатилетнего элементалиста вспыхнула тихая, злая и холодная решимость.

Он отправится к Стене. Он окончит эту Академию. Он подчинит себе черную маску и обязательно вернется, чтобы узнать всю правду и защитить свой дом.

Глава 7

Провожать Акихиро и Джулию собралась вся челядь, оставшаяся в цитадели. По суровому приказу Старшей Горничной никаких прощальных церемоний не устраивали: ни слез, ни лицемерных напутствий, ни долгих объятий. Слуги застыли в отдалении у мраморных колонн и в высоких стрельчатых окнах, провожая уезжающего Наследника тяжелыми, молчаливыми взглядами.

У парадного крыльца дожидался двухдверный эбонитовый экипаж — монументальное произведение техномагии, сверкающее в лучах утреннего солнца. Его глубокий, иссиня-черный корпус украшали тончайшие серебряные жилы родовой геральдики Коулов, а салон благоухал выделанной кожей цвета слоновой кости и сухим озоном. Машина выглядела так, словно Акихиро отправлялся на императорский прием, хотя для него этот выезд был шагом в полную, пугающую неизвестность.

Юноша всё ещё тяжело привыкал к инвалидному креслу. Управлять им приходилось с трудом: правая нога висела мертвым, промозглым грузом, а каждый толчок колес о гравий отзывался тупой болью в икре. Подогнав кресло к открытой дверце, Акихиро сжал кожаные подлокотники и попытался встать на левую ногу, чтобы перенести тело на пассажирское сиденье.

Но Джулия мягко опустила ладонь ему на плечо.

— Не трать силы, Акихиро, — тихо произнесла она.

Воздух вокруг юноши мгновенно уплотнился. Поток бесшумной ветряной магии — филигранное плетение II и III Кругов — плавно подхватил мальчика, приподнял над дубовым креслом и бережно опустил на мягкую кожу салона. Джулия точным движением сложила кресло, убрала его в багажный отсек и заняла водительское место.

— Держим курс на Ролново, — чеканным тоном проговорила она, проверяя мерцающие кристаллы приборной панели. Мано-двигатель отозвался ровным, бархатистым гулом. — В порту нас ждет зафрахтованный воздушный корабль.

— Я готов, — ответил Акихиро, хотя внутри у него всё сжималось от лихорадочного волнения.

Экипаж плавно тронулся, шурша гравием, и набрал ход, устремляясь к выезду. Подъезжая к границе имения, Джулия сбросила скорость. В воздухе перед ними соткался прозрачный, искажающий свет разрез — мерцающая линза Великого Барьера Коулов.

— Знаешь... этим контуром управляет лично Матриарх, — тихо заговорила Джулия, не отрывая глаз от дороги. — Без высшего рунического пропуска через него не пролетит даже птица.

— Но как тогда девочки и Рейчел смогли выйти? — спросил Акихиро, обернувшись к ней.

— Рейчел украла мастер-ключ кастелянши, — сурово ответила Джулия, сжимая кожаный руль. — В нем зашита временная метка допуска. Госпожа Андриана была в такой ярости именно потому, что бескровная девчонка сумела обойти её собственный пространственный контур.

Акихиро молча залез во внутренний карман пиджака, касаясь скрытой там маски. Фарфор отдавал сухим, затаившимся холодом.

«Украсть мастер-ключ у Члена Верховного Совета?... Провести двух ламий через руны Матриарха?» — в душе юноши вспыхнуло первое тень сомнения. Он вспомнил тяжелый, выцветший взгляд Андрианы и её слова о милосердии. Но озвучивать свои догадки Джулии не стал.

— Бабушка передала мне титул Сильнейшего вместе с этой маской, — тише добавил он, глядя на проплывающее мимо марево барьера. — И пока я не доказал, что достоин её силы, она не хочет меня видеть. Но я вернусь.

Подъезжая к предместьям Ролново — столицы техномагии, — экипаж все чаще наталкивался на прохожих. Горожане останавливались, провожая повозку изумленными взглядами. Роскошный эбонитовый купе с магическим шлейфом вместо привычного стука копыт и грохота паровых экипажей привлекал слишком много внимания.

Джулия попыталась свернуть в боковой переулочек, но скрыть такой экипаж в узких улочках было невозможно.

— Мы можем... задержаться на пару минут? — спросил Акихиро, прильнув к стеклу.

Его взгляд приковал монументальный архитектурный ансамбль, возвышавшийся над центральной площадью, — шпили и башни знаменитой Великой Академии Магии Ролново.

Джулия проследила за его взглядом и без лишних слов плавно оставила экипаж прямо у монументальных кованых ворот.

Вокруг машины мгновенно образовалась толпа: студенты в расшитых мантиях, уличные зеваки, подмастерья. Когда Джулия вышла из машины, внимание публики переключилось на неё. Строгая девушка-севар в очках, с высоким конским хвостом, в подтянутой черной форме, привычными точными движениями достала из багажника раскладное кресло. В её осанке читалась выучка легендарного бойца.

Она подкатила кресло к пассажирской двери. Акихиро сам отворил её. Джулия уже подняла ладонь, собираясь снова применить ветряную магию, но юноша остановил её твердым, холодным жестом:

— Не нужно. Я сяду сам.

Преодолевая острую, жгучую боль в онемевшей, синеватой ноге, Акихиро сжал дверную раму и подлокотники. Зубы сжались до хруста, но он собранным, полным благородного достоинства движением перенес тело в кресло. На нем был идеальный черный костюм и белоснежная рубашка, сшитые портными цитадели.

В толпе студентов прокатился громкий, отчетливый шепоток:

— Смотрите, герб рода Коул...

— А девушка рядом... Боги, да это же Несравненная Севар! Наставница Ванфольд!

— А кто этот мальчик в кресле? Принц? Высший Элементалист?.. Посмотри, какие у него глаза...

Акихиро держал безупречно ровную осанку, хотя внутри всё горело от непривычного давления сотен чужих глаз. Подозвав Джулию легким кивком, он тихо произнес:

— Джулия... Пожалуйста, пока мы среди людей, зови меня просто Акихиро. Или братиком. Не привлекай внимания титулами.

Джулия замерла. Вокруг них стояли сотни студентов её бывшего учебного заведения. Назвать юного господина «братиком» во всеуслышание перед такой толпой оказалось для неё испытанием: её бледные щеки вспыхнули ярким румянцем, а севарские ушки смущенно прижались.

— Хорошо... Акихиро... братик, — едва слышно пробормотала она, отведя взгляд.

— Спасибо, — юноша тепло улыбнулся и перевел взгляд на главную арку. — Не думал, что ты здесь настолько известна. Ты училась здесь?

Смена темы вернула Севару самообладание. Джулия выпрямилась, поправила очки и уверенно взялась за ручки кресла:

— Да. Госпожа Андриана в своё время направила меня сюда. В этой Академии классы формируют не по возрасту, а по уровню контроля — ведь у разных рас разная скорость созревания ядра.

Она покатила кресло по вымощенной камнем аллее. Толпа перед ними невольно расступалась, уступая дорогу.

— И каков был твой класс? — спросил Акихиро.

Джулия улыбнулась. В ее желтых глазах мелькнула гордость, смешанная с легкой грустью:

— Наивысшая оценка здесь называется «Выдающейся» — таких считают элитой Континента. Но мои боевые матрицы выходили за пределы стандартной шкалы. В итоге для меня создали отдельный, Сольный класс. Я была там единственной ученицей. Преподаватели не могли научить меня практике — я превосходила их, поэтому мне преподавали только высшую теорию.

— Выходит, ты не окончила курс?

— Я ушла, когда госпожа Андриана призвала меня на службу в цитадель. Но для Академии я осталась единственным учеником с легендарным статусом. Похоже, меня до сих пор помнят.

Они въехали в тихую парковую зону. Серебристые кроны деревьев шелестели на ветру, а в воздухе витал запах озона и старинных чар. Несколько старшекурсников с трепетом подошли ближе, робко прося у Джулии подпись на пергаментях. Она сдержанно кивала, оставляя роспись, но ни на шаг не отходила от кресла Акихиро.

Юноша смотрел на монументальные башни, уходящие в осеннее небо, и осознавал, что его прежняя жизнь окончательно сгорела.

— Бабушка отправляет нас к самой Стене... — тихо произнес он. — Ты действительно останешься со мной на все эти годы?

Джулия остановилась и слегка наклонилась к нему. В её взгляде не осталось и тени смущения — только затаенная, стальная верность хищника и теплота старшей сестры:

— Куда ты — туда и я. И это не просто приказ Матриарха. Я сама этого хочу... братик.

Глава 8

Небольшая группа студентов сидела в теневой прохладе парковой беседки, лениво перебрасываясь фразами. День выдался тёплым, и разговор крутился вокруг унылой академической рутины. Вдруг один из старшекурсников резко выпрямился, прервав приятеля на полуслове:

— Смотрите... Вот это дичь. Какая красotka.

Он кивнул в сторону главной аллеи, где грациозная девушка с высоким хвостом, в строгой чёрной рубашке и короткой юбке вела перед собой инвалидное кресло. В кресле сидел мальчик в безупречном строгом костюме. В его уверенном, не по-детски холодном взгляде не было и тени смущения, а под полой пиджака, прижатая к коленям, покоилась белоснежная гладкая маска.

Разговор в беседке мгновенно стих.

— Ого, вот это осанка... — протянул высокий длинноволосый парень, вальяжно откинувшись на деревянную спинку. — Акира, оцени. Как тебе?

Ёкота Акира был самым заметным в их компании: высокий, с безупречно уложенными волосами, лёгкой аристократической небрежностью в одежде и привычкой к восторженным женским взглядам. Один из главных любимчиков старших факультетов.

Он слегка прищурился, прослеживая путь незнакомки. На его губах заиграла уверенная, сытая улыбка:

— Спорим, через пару минут она согласится на свидание? — произнёс он с лёгким вызовом, обращённым скорее к самому себе, чем к друзьям.

— Ну не знаю, — с сомнением хмыкнул кто-то из компании. — Как мы поймём, что ты позвал её гулять, а не просто спросил дорогу до библиотеки?

Но Акира уже не слушал шуточек. Натянув самую обаятельную из своих улыбок, он поднялся, неторопливо поправил отворот пиджака и вышел на вымощенную камнем дорожку прямо перед приближающейся парой — так, будто эта аллея была его личной сценой.

Глава 9

— Джулия, кажется, этот парень идёт к нам, — тихо предупредил Акихиро, взглянув на неё снизу вверх.

Джулия плавно остановила инвалидное кресло. Акира шёл подчёркнуто вальяжно, с привычным движением поправляя тёмную чёлку.

— Добрый день, — произнёс он, остановившись в шаге от них и сверкнув белоснежной улыбкой. — Я бы с удовольствием пригласил тебя прогуляться по парковой аллее. Ты ведь не против хорошей компании?

Джулия взглянула на него без малейшего трепета. В её желтых, с узким вертикальным зрачком глазах проскользнула прохладная выдержка Старшей Горничной, хотя пристальное внимание толпы всё ещё вызвало у неё легкий дискомфорт:

— Я при исполнении обязанностей. Извините, но нет.

Отповедь явно выбила Акиру из привычной колеи — он не привык получать отпор на первой же секунде. Слегка растерявшись, парень попытался сохранить лицо:

— И когда же ты освободишься?

— Лет через шесть. А теперь, будь добр, сдвинься в сторону, — вмешался Акихиро спокойным, прохладным голосом.

Акира застыл на месте, опешив от подобного тона, и впервые по-настоящему перевёл взгляд на мальчика в кресле.

— Джулия?.. Это твой младший брат? — с надеждой спросил парень, ища хоть какое-то объяснение.

Акихиро чуть прищурился. Подумав, что девушку просто смущает его присутствие или она стесняется прямо отказать красивому старшекурснику, юноша решил дать ей свободу выбора:

— Сестрёнка, если ты действительно хочешь сходить с ним на прогулку — я не против. Посижу неподалёку у машины. Думаю, вам лучше поговорить без меня.

С этими словами Акихиро развернул обод колеса и покатился дальше по аллее к выходу, посчитав, что оставить их наедине будет правильнее всего.

Акира просиял, решив, что путь свободен, и тут же воодушевлённо заговорил:

— Значит, ты не против? Позволь представиться по всем правилам — Ёкота Акира, студент старшего курса! — Парень вежливо поклонился.

Джулия, чьи бледные щёки вспыхнули густым румянцем от подколки про «сестрёнку», сохранила суровый этикет цитадели Коул и отчеканила короткий суховатый поклон:

— Джулия Ванфольд.

При звучании этого имени Акира замер. Улыбка мгновенно сползла с его лица, а по спине пробежала липкая, ледяная испарина.

Ванфольд... Легендарная единственная ученица Сольного Класа. «Несравненная Севар», чьи боевые матрицы вышли за пределы максимальной оценки Академии. Девушка-миф, перед которой пасовали магистры.

— Извините, но я не могу заставлять своего господина ждать, — строго добавила Джулия.

Не давая Акире опомниться, она развернулась и быстрыми, чеканными шагами поспешила вслед за Акихиро. Старшекурсник так и остался стоять посреди аллеи с открытым ртом, глупо шепча себе под нос:

— Легендарная Джулия Ванфольд... прислуживает мальчику в кресле? И он назвал её сестрёнкой?..

Джулия быстро догнала кресло у края парковой зоны.

— Что случилось? Он тебе нагрубил? — спросил юноша, оглянувшись на неё с лёгкой тревогой. Он ведь искренне полагал, что дал им возможность спокойно пообщаться.

Джулия остановила кресло. Щёки её всё ещё пылали, а взгляд был смущённо опущен:

— Юный господин, пожалуйста... Давайте просто вернёмся к машине, — умоляюще попросила она.

— Если ты так хочешь, — ответил он, не став настаивать, хотя про себя недоумевал: «Почему она отказалась? Парень вроде неплох... да и сама Джулия красавица»

Они сделали небольшой крюк и вернулись к припаркованному эбонитовому купе. У автомобиля всё ещё толпились зеваки, среди которых стоял и Акира со своей компанией.

— Смотри, Акира, это же та красотка, что тебя только что отшила! — с громким хохотом выкрикнул один из его друзей-заводил.

Джулия встретила взглядом с Акирой, вновь покраснела под общими взглядами и опустила глаза.

«Да что у них произошло?» — нахмурился Акихиро. Поняв, что Горничная ничего не расскажет, он решил прояснить ситуацию и развернул инвалидное кресло прямо к троице парней. Толпа вокруг мгновенно оживилась, предчувствуя зрелище.

— Ты ещё кто такой, малец? — длинноволосый парень выступил вперёд, пытаясь смотреть на мальчика свысока.

Акихиро проигнорировал его и перевёл прямой, тяжелый взгляд на Акиру:

— Что ты ей сказал?

Со стороны это выглядело дико: двенадцатилетний мальчик в инвалидном кресле строгим, авторитетным тоном отчитывал известного старшекурсника. Акира смутился и замаялся, чувствуя, как от мальчика разит не детским страхом, а холодной породистой опасностью:

— Н-ничего такого...

— Тогда мы пойдем, — произнёс Акихиро, поворачивая колесо. А затем разочарованно добавил через плечо: — Всё-таки правильно, что она тебя отшила. А ведь я дал тебе шанс.

— Да кто ты вообще такой?! — в разговор резко вмешался третий парень с лохматой шевелюрой и в вычурных широких штанах, взвинченный этой демонстрацией силы.

Юноша плавно повернул голову и холодно спросил:

— Сначала назовись сам.

— Перед тобой стоит Фрумбо Геиф! — с гордостью выкрикнул парень, принимая, как ему казалось, величественную позу: полубоком, с рукой на поясе и задорно приподнятым подбородком.

Но с высоты кресла Акихиро эта поза выглядела комично: огромный нос с широкими ноздрями, непропорционально длинные руки и вычурная осанка делали парня похожим на карикатурного шута. Акихиро едва удержал ироничную ухмылку.

Пауза затянулась. Акихиро понимал: не представиться перед собравшейся толпой означало проявить слабость рода Мори.

— Я — Мори Акихиро. Сильнейший Элементалист, — произнес юноша громко и отчетливо. — А также господин Джулии Ванфольд. По объективным причинам вынужден представляться сидя — прошу прощения за нарушение этикета.

Толпа вокруг ахнула и зашумела. Кто-то тише осуждал его за немыслимую дерзость — ведь официально титулом Сильнейшего Элементалиста обладала Андриана Коул. Но большинство замерло в шоке от его невозмутимой, абсолютной уверенности и того, с каким стальным достоинством держался инвалид.

— Господин Акихиро, прошу вас, — произнесла Джулия, отворяя дверцу машины.

Акихиро сконцентрировался: легкий, бесшумный поток ветряной магии подхватил его, плавно приподнял над креслом и опустил на мягкую кожу сиденья. Джулия точным движением сложила кресло в багажник и села за руль.

Мано-двигатель резво заревел, заставив зевак податься назад. Экипаж скрылся за поворотом, оставив после себя лишь пыль и бурные, шокированные обсуждения.

Некоторое время они ехали в тишине. Акихиро смотрел в окно, наблюдая за проплывающими улицами Ролново.

— И всё-таки правильно, что ты его отшила, — сказав он наконец с теплой улыбкой.

Глава 10

Портовый район Ролново представлял собой колоссальный гигант — живой, ревущий организм, пульсирующий в ритме тяжелой торговли, контрабанды и магии. Внизу, разгребая речной ил и темную воду, шумела река, а вдоль режущих воду каменных утесов тянулись причалы, похожие на когтистые лапы из черного дерева и гранита. Над ними громоздились ярусы складов, башни мано-маяков и грузовые платформы.

А над основным портом, прямо в монолите горной породы, была высечена воздушная гавань. Она напоминала гнездо исполинских стальных птиц: бронированные корабли с жесткими крыльями-парусами покоились на гудящих пространственных платформах, готовые в любой миг взмыть в небесные потоки. Корпуса судов блестели на солнце, а стабилизаторы на корме испускали тихое, ровное марево сжатой энергии.

Между гаванями суетилась целая сеть лифтов, цепных подъемников и висячих мостов. По этим артериям беспрерывно перемещались торговцы, заросшие инеем матросы, маги-навигаторы и угрюмые стражники в засаленных кирасах.

Когда эбонитовый купе Коулов зашуршал колесами по портовой брусчатке, прохожие лишь мельком бросали на него взгляды. В таком месте дорогими повозками было никого не удивить, хотя статная Джулия притягивала взоры суровой хищной красотой, а Акихиро, несмотря на инвалидное кресло, излучал холодную, породистую уверенность.

У вымощенного гранитом причала их встретил мужчина внушительного телосложения. Тяжелая, перекатывающаяся походка и изрезанное глубокими шрамами лицо выдавали ветерана абордажных схваток. Главной же деталью его внешности были два спиленных под корень рога на лбу — темные, отполированные временем и сталью.

— Извините. Вы Мори Акихиро? — спросил он хриплым, прокуренным голосом.

Акихиро медленно опустил стекло:

— Да.

— Рад встрече, юный господин. Я капитан судна «Золотая лань». Корабль подготовлен к отплытию. Прошу следовать за мной.

Акихиро взглянул на Джулию. Та спокойно кивнула, подтверждая, что пропуск действителен. Капитан выглядел скорее как бывалый наемник, чем офицер торгового флота, но в его скупых движениях прослеживалась ввевшаяся в кости дисциплина.

Экипаж медленно поехал за ветераном. Миновав суету купеческих барж, они остановились у забронированного судна средних размеров. На его металлическом носу красовался барельеф Республики и символика элитного воздушного флота. Это был настоящий летучий корвет.

— Прошу на борт, — капитан указал на узкий сходной аппарель-пандус. — За повозку не беспокойтесь: грузовой кран утянет её на нижнюю палубу за пару минут.

Джулия выкатила кресло с Акихиро на причальные плиты. Капитан, увидав юношу в кресле, едва заметно приподнял бровь, но промолчал из уважения.

— Сколько займет путь до Сувода? — уточнила Джулия, цепко осматривая вооружение корвета.

— Если погода не взбунтуется — пару дней, — ответил капитан.

Акихиро неосознанно коснулся бедра под полрой пиджака. Два дня... Контрольный участок кожи под коленкой снова начал онемевать, а затем по икре прошла сухая, жгучая волна боли. «Сердце Хадара» поддавалось давлению яда.

Джулия заметила, как мальчик стиснул зубы, и мягко опустила ладонь ему на плечо.

— А где госпожа Саломея? — спросил Акихиро, переводя дыхание.

— На борту, в целительском отсеке, — ответил капитан. — Как и ваша вторая спутница — госпожа Рейчел. Она ждет вас еще с прошлого вечера.

Акихиро озадаченно нахмурился, переглянувшись с Джулией. Но ведь Джулия утверждала, что Андриана сослала служанку За Стену! Что она делает на секретном военном корабле Коулов? В душе юноши снова вспыхнула догадка: Матриарх изначально всё спланировала, спрятав Рейчел здесь. Рейчел? На борту?!

— Поднимемся, — произнес Акихиро, подавив вопросы.

Капитан взглянул на узкий сходни:

— Пандус узковат, колеса застрянут. Если позволите, я могу перенести вас...

Он сделал шаг вперед, протягивая мозолистые руки, но не успел: легкий, прозрачный вихрь ветряной магии бесшумно подхватил кресло вместе с Акихиро, плавно перенес его через провал между пристанью и палубой.

Рогатый капитан на секунду замер, а затем уважительно ухмыльнулся, качнув головой:

— Вот как... Что ж, экономит время.

Внутри «Золотая лань» разила запахом оружейного масла, свежей древесины и разогретого мано-кристалла. Капитан указал на спуск в трюмный ярус:

— Внизу свободны три каюты. Две — у главной лестницы, рядом с покоем госпожи Рейчел. Госпожа Саломея заняла отдельную каюту в корме.

Спустившись по винтовой лестнице, Акихиро и Джулия оказались в чистом коридоре, обшитом мореным дубом. Юноша направился к ближайшей каюте, но едва его рука коснулась бронзовой ручки, как по отравленной ноге снова рванул острая, ледяная судорога.

«Черт... Яд наступает. Мне нужно срочно к Саломее», — подумал Акихиро и отъехал назад.

— Я зайду позже. Сначала найду целительницу, — сказал он, разворачивая кресло к кормовому отсеку.

— Хорошо. Я пока занесу вещи и проверю каюту, — отозвалась Джулия.

Она толкнула дверь каюты, у которой только что стоял Акихиро, полагая, что та пуста. Однако на полу валялась разбросанная в спешке одежда: сброшенные туфли, чулки и верхнее платье. А на краю кровати, спиной к входу, сидела полураздетая Рейчел, отчаянно пытаясь затянуть завязки корсета на своей пышной груди.

— Рейчел?! — Джулия от неожиданности застыла, тут же прикрыв за собой дверь.

— Джулия?! — Рейчел испуганно обернулась. В этот момент упрямый шнурок окончательно выскользнул из её вспотевших пальцев, и корсаж распахнулся. — А-ах! Ткань трещит! Представляешь, он стал мне мал!

— Ты почему на засов не закрылась?! — строгим, шипящим шепотом отчитала её Джулия, стремительно подходя ближе. — Акихиро только что стоял у двери! Что, если бы зашел матрос?!

Рейчел мгновенно побледнела от этой мысли, но тут же подалась вперед:

— Господин Акихиро... он уже на борту?!

— Да. И мы отплываем. Давай помогу, — Джулия подошла со спины и уверенным, ловким движением затянула упрямый шнурок. — Одевайся быстрее!

Рейчел поднялась и потянулась к висевшему на спинке стула платью, но в этот момент корабль ощутимо дрогнул — тяжелый корвет отстыковался от причальной платформы. Потеряв равновесие от внезапного толчка мано-двигателей, Рейчел ойкнула и с глухим шумом рухнула прямо на Джулию, сбив ту на пол.

— Ой-й!.. — выдохнула служанка, оказавшись всем весом сверху на Севаре.

Лица девушек оказались в считанных сантиметрах друг от друга. Джулия от такой невольной близости мгновенно вспыхнула до кончиков ушей, но не успела ничего сказать — от грохота падения дверь каюты резко распахнулась.

— Девочки?! Вы целы?! — на пороге вкатилось инвалидное кресло. Акихиро, услышав шумих из коридора, вернулся проверить, не напал ли кто.

Увидев двусмысленную картину — полуодетую, пышную Рейчел, лежащую верхом на пунцовой Джулии, — юноша застыл с открытым ртом.

— Почему... почему дверь вообще не была заперта?! — в полной панике и сторающая от жуткого стыда выкрикнула Джулия, пытаюсь спихнуть с себя служанку.

— Дверь?.. — переспросил Акихиро, окончательно потеряв нить мыслей.

Рейчел, осознав, в какой позе они лежат перед молодым господином, залилась краской и судорожно дернулась вверх. Но в спешке её колено больно въехало Джулии прямо в живот. Несравненная Севар, непобежденный боец Арены, издала жалобный, сдавленный стон и закрыла лицо руками.

Акихиро покраснел так, что у него заложило уши.

— Простите! — выдохнул он, судорожно крутанул колесо кресла, выскочил в коридор и с грохотом захлопнул дверь.

Глава 11

Акихиро спешно выкатился на открытую палубу. Прохладный, пропитанный озоном речной ветер ударил в лицо, немного сбивая жар со щек. Но стоило зажмуриться, как перед глазами снова вспыхивала недавняя картина: полуобнаженная Рейчел, зажавшая в панике корсет, и раскрасневшаяся, сбита с ног Джулия. Юношу аж передернуло.

— Совесть мучает или морская болезнь? — раздался сзади спокойный, суховатый голос.

Саломея подошла бесшумно. Её цепкий, въедливый взгляд врача мгновенно зафиксировал пылающие уши юноши, частый пульс на шее и судорожно сжатые на подлокотниках пальцы.

Акихиро попытался сделать вид, что просто дышит свежим воздухом, но под пронизательным взором целительницы смутился еще сильнее. Желание немедленно сбежать и скрыть позор пересилило всякий разум. Забыв обо всех предостережениях, юноша рефлекторно оперся на правую ногу, намереваясь вскочить из кресла.

Расплата последовала мгновенно.

Дикая, вымораживающая кости боль прошла бедро от колена до самого таза. Стазис «Сердца Хадара» на мгновение сжался, и отравленные ткани отозвались слепящим, тошнотворным прострелом. Замороженный сустав просто подломился. Акихиро с глухим стоном рухнул ничком прямо на металлический настил палубы.

— Акихиро! — ахнула Саломея, сделав шаг вперед.

Но юноша, сгорающий от стыда и адской боли, не дал к себе притронуться. Стиснув зубы до крошки в рту, он подтянул мертвую ногу руками, перевалился на четвереньки и, цепляясь пальцами за выступы обшивки, практически пополз к сходу в трюм.

С трудом преодолев винтовую лестницу, он влетел в первую же незапертую каюту, свалился на узкую судовую койку и уткнулся лицом в подушку, глуша рвущийся из горла стон.

— Я же предупреждала: еще одна такая выходка — и ампутировать ногу придется по самый пояс, — раздался от двери усталый голос Саломеи.

Целительница неторопливо вкатил в каюту брошенное на палубе инвалидное кресло и остановилась у кровати.

— Не знаю, какую девичью драму вы там устроили с Джулией и Рейчел, — строго произнесла она, раскладывая на столике саквояж с притирками и серебряными иглами, — но поверь мне, Акихиро, ни один женский корсет не стоит того, чтобы до конца дней передвигаться на костылях.

Юноша даже не шелохнулся. Он продолжал лежать ничком, плотно уткнувшись лицом в плотную ткань подушки, полностью игнорируя лекцию целительницы.

Глава 12

В каюте напротив царила тяжелая тишина. Рейчел долго не находила в себе смелости произнести хоть слово. Тихо присев на край койки рядом с сжавшейся в комок Джулией, она осторожно обняла подругу за дрожащие плечи.

Старшая горничная не оттолкнула её, но и не ответила. Несравненная Севар, непобедимый боец Арены, легла лицом к стене, онемев от сокрушительного позора: так глупо и бессмысленно подставить дисциплину перед молодым господином было для неё хуже тяжелого ранения.

Заботливо укрыв подругу шерстяным пледом, Рейчел прилегла рядом, стараясь дышать через раз. Постепенно напряжение в теле Джулии спало — эмоциональный взрыв и пережитый стресс вытянули из нее все силы, и она погрузилась в тяжелый, чуткий сон.

Убедившись, что Джулия заснула, Рейчел поспешно накинула повседневное платье, зашнуровала корсаж, заплела растрепанные волосы и тихо выскользнула из каюты.

Выбравшись на палубу, она заметила целительницу, стоящую у фальшборта с чашкой горячего травяного отвара.

— Госпожа Саломея... — Рейчел виновато склонила голову, подойдя ближе.

Целительница повернулась, с нескрываемым практическим любопытством оглядывая смущенную служанку:

— Не просветишь, что за катастрофа произошла в каюте? От чего у нашего юного наследника едва не случился паралич сердца, а мадемуазель Севар залегла на дно, как подбитый корвет?

Рейчел моментально залилась густым румянцем до самого воротника и виновато опустила глаза:

— И-извините... Я правда не могу рассказать. Простите меня, пожалуйста!

Она низко, почти под прямым углом, поклонилась, всем видом моля не допытываться.

— Ладно, живи, — с легким смешком отмахнулась Саломея, сделав глоток отвара. — Раз такое дело, вам обоим лучше пока не мозолить ему глаза. Ногой Акихиро я займусь сама.

— Спасибо вам огромное... Но Джулия-сан... она тоже вряд ли сможет сейчас выйти к нему, — тихо добавила Рейчел, пряча дрожащие пальцы в складках юбки.

— Даже Джулия? — Саломея удивленно приподняла бровь. — Надо же. Не думала, что ледяную воительницу дома Коул можно выбить из строя банальным девичьим конфузом.

Рейчел лишь молча опустила взгляд, предпочтя не выдавать пикантные подробности. Еще раз благодарно поклонившись, служанка отступила в глубокую тень судовых надстроек, оставив целительницу наедине с её снадобьями.

Глава 13

Акихиро привел себя в порядок быстрее всех. Внешне он казался собранным и холодно-отстраненным, но внутри ядра плескался дикий, горький хаос.

Рейчел, хоть и пыталась сохранять выученную горничными невозмутимость, трепетала не меньше. Сама же Старшая Горничная окончательно замуровала себя изнутри — из её закрытой каюты доносился лишь тихий, надрывный шепоток: «Просто исчезнуть... хочу сгинуть...»

На открытой палубе «Золотой лани» дежурили трое матросов-гибридов. Чуть отдаленно, у самого фальшборта, застыл молчаливый офицер, задумчиво наблюдавший за тем, как корвет рассекает мутно-серые облака Республики Клозиус. Корабль шел на максимальной тяге мано-двигателей. Благодаря выгнутому силовому куполу на палубе царил искусственный штиль — ни штормового ветра, ни леденящего горного холода, лишь легкий запах озона и раскаленного металла.

— Господин Акихиро... — раздался сзади тихий, робкий голос.

Рейчел поднялась по винтовой лестнице. Заметив её, матросы тактично отступили к корме, оставь их наедине.

— Как Джулия? — спросил Акихиро, не оборачиваясь и всматриваясь в проплывающие внизу скалы каньона.

— Заперлась. Не отвечает ни на стук, ни на слова, — ответила Рейчел, вставая рядом и устало опираясь на фальшборт.

— Спасибо тебе... — произнес юноша после долгой, давящей паузы.

— За что, юный господин? — удивленно переспросила девушка, уставившись на его бледный профиль.

Сердце Акихиро болезненно сжалось. Он искренне надеялся, что она поймет без лишних слов.

— За то, что помогла Нане и Дине сбежать из имения. Ты ведь вывела их через коллектор, правда?

Рейчел замерла. На ее миловидном лице отразилось искреннее, глубокое недоумение:

— Сбежать?.. Но... разве леди Нана и леди Дина не остались в цитадели вместе с госпожой Андрианой?

Акихиро резко отпрянул от фальшборта. Земля ушла из-под ног, а лицо мгновенно налилось мертвенной белизной.

Ложь. Всё было ложью.

Превозмогая вспыхнувшую боль в отравленной ноге, на чистом, ослепляющем адреналине юноша кинулся вниз по трапу. Пренебрегая инвалидным креслом, буквально перепрыгивая через две ступени, он пролетел коридор, добежал до первой каюты и изо всех сил обрушил кулаки на тяжелую дубовую дверь.

— Я знаю, что ты там! Нам нужно поговорить! — его голос сорвался на сиплый, дрожащий от гнева крик. Удары по дереву глухо отдавались в трюме. — Рейчел, отдай ключ! Быстро!

Спустившаяся следом служанка с лихорадочной спешкой вытащила из кармана стальной мастер-ключ и передала его Наследнику.

Акихиро вгвоздил сталь в замочную скважину и с силой повернул. Механизм щёлкнул, ригели отошли, но створка даже не шелохнулась.

— Заперлась на внутренний засов... — сжав зубы до хруста, прошипел он и снова застукал костяшками в дерево. — Что с Диной?! Что с Наной?! Выбей эту чертову дверь, если слышишь меня! Что вы с ними сделали?!

Ответа из каюты не последовало. Лишь непроницаемая, гробовая тишина.

Вспыхнув от бессильной ярости и удушливого предательства, Акихиро развернулся и бросился к капитанскому мостику, игнорируя дикую, жгучую судорогу в правом бедре. Без стука, плечом выбив резную створку, он ворвался в каюту командира.

Капитан Дрейк сидел за массивным столом из мореного дуба, склонившись над развернутыми навигационными картами. Услышав шум, рогатый ветеран лишь мельком бросил тяжелый взгляд на запыхавшегося, бледного мальчика.

— Надо же... Так ты, оказывается, умеешь бегать? — с едва уловимой, темной усмешкой произнес Дрейк и спокойно вернулся к чертежам.

— Как открыть первую каюту?! — тяжело дыша, выдохнул Акихиро.

— Через дверь. Как ещё?

— Она заблокирована изнутри!

Дрейк отложил костяное перо, поднял голову и посмотрел на юношу тяжелым, налитым свинцом взглядом:

— На военных судах Республики каюты опечатываются двойным засовом и защитной матрицей III Круга. Забудь. Без взвода магов-взломщиков или тяжелого тарана ты её не вскроешь.

— А через иллюминатор?!

— Теоретически — можно. На стоянке в порту. Сейчас, если твой нос высунется за края силового барьера палубы, тебя просто разорвет плотным потоком воздуха на скорости в триста узлов.

Каждое слово ветерана звучало как глухой, нерушимый приговор.

— Дверь хотя бы пропускает звук?! — отчаянно выкрикнул Акихиро, сжимая кулаки.

— Только внутрь. Снаружи — глухая стена, — Дрейк медленно поднялся из-за стола. На его суровом, изрезанном глубокими шрамами лице с двумя спиленными рогами проступила хищная, оскаленная улыбка. — Ну что, парень... до тебя только сейчас начало доходить, в какую игру тебя втавили?

Акихиро отступил на шаг к выходу, всем телом почувствовав исходившую от капитана липкую, опасную угрозу:

— Разворачивай корабль! Мы должны вернуться в Ролново! В Академию!

— Разумеется, нет. У нас приказ Матриарха, — Дрейк сделал шаг вперед, двигаясь с пугающей, мягкой грацией опытного абордажника.

— Не подходите! — выкрикнул Акихиро, восстанавливая сбитое дыхание и рефлекторно отступая в коридор.

— — гаркнул капитан так, что зазвенели переборки. НЕ СМЕЙ ПОКАЗЫВАТЬ МНЕ СПИНУ!

В то же мгновение его тяжелая рука с выучкой старого убийцы выхватила из-за пазухи массивный боевой нож и метнула его прямо в грудь юноши.

Поддавшись животному инстинкту, Акихиро выбросил вперед левую руку, мгновенно выстраивая I и II Круги:

— Направление!

Слабый, неровный порыв ветра вырвался из ладони. Воздушный импульс не смог остановить тяжелый армейский клинок, но слегка сбил его траекторию. Сталь со свистом рассекла сукно пиджака и с сочным, мерзким хрустом глубоко вонзилась в правое плечо Акихиро.

Стиснув зубы и подавив дикий вскрик, Акихиро вывалился из каюты в коридор. Держась левой рукой за окровавленную стену, он бросился к трюмным отсекам. Дрейк даже не стал его преследовать, лишь сухо хохотнул вслед.

— Живо во вторую каюту! — рявкнул Акихиро подбежавшей, смертельно испуганной Рейчел.

Он затолкнул служанку внутри, заскочил сам, захлопнул дубовую дверь и наглухо защелкнул стальной засов. На деревянном полотне тут же вспыхнули тусклые руны встроенного барьера.

— Г-господин... Ваше плечо! Боги, кровь! — прошептала Рейчел, с ужасом уставившись на черную рукоять ножа, торчащую из его плоти, и алые струи, заливающие рубашку.

— Тихо... Молчи... — Акихиро тяжело опустился на колени, пытаясь справиться с нарастающим шоком и темными кругами перед глазами.

В этот момент в дверь снаружи раздался тяжелый, размеренный стук кованого сапога.

— Эй, парень! Если слышишь — вали к целительнице! Иначе изойдешь юшкой и подохнешь до заката! — раздался за дверью глухой хохот Дрейка.

— Ч-что происходит?! Они предали нас?! — Рейчел была на грани дикой паники.

Акихиро левой рукой притянул её к себе и крепко прижал к груди, давая девушке хоть какую-то опору и сбивая её дрожь.

— Слушай меня внимательно, — твёрдо шепнул он ей прямо в ухо, ощущая вкус собственной крови на губах. — Ты должна вытащить этот нож. И затянуть рану. Ты справишься. Слышишь?

Оторвав широкую полосу от чистой простыни, Рейчел, пересиливая тошноту и дрожь в пальцах, взялась за холодную рукоять. Сдавленный хрип вырвался из груди Акихиро, когда сталь со скрежетом покинула мышцу. Девушка сноровисто затянула импровизированный жгут, перетягивая плечевой сустав.

— Никому не открывай. Пока я не вернусь. Даже Джулии, поняла? Мы условимся о пароле...

Обговорив условный знак, Акихиро выскользнул обратно в холодный коридор. Боль в плече пульсировала тяжелым молотом, отравленная нога горела огнем, но отступать было некуда. Чтобы выжить, ему нужно было перехватить инициативу.

Выбравшись на палубу, юноша столкнулся носом к носу с четырьмя матросами-гибридами. Заметив окровавленного Наследника, они прекратили работу и одновременно развернулись в его сторону.

«НЕ СМЕЙ ПОКАЗЫВАТЬ СПИНУ!» — эхом пронеслось в голове.

Акихиро замер боком к ним, но матросы уже синхронно взмахнули руками, метая в него четыре коротких абордажных клина.

— Вязкая стена! — мгновенно выкрикнул Акихиро, компилируя V и III Круги.

Перед ним с шипением вырвалось густое облако сверхплотного водяного пара. Конденсируясь на лезвиях, магическая взвесь изменила их массу и аэродинамику — ножи потеряли импульс, вильнули и с глухим стуком вонзились в деревянную надстройку в сантиметрах от его лица.

Пользуясь парной завесой, Акихиро рванулся к двери кормовой каюты Саломеи. Он схватился за бронзовую ручку, намереваясь укрыться у целительницы...

БАМ!

Мощнейший удар окованного ботинка с той стороны двери выбил тяжелую створку прямо в Акихиро.

Юноша отлетел на несколько метров и с грохотом шлепнулся на металлический настил палубы. От удара раненый плечевой сустав окончательно выскочил из суставной сумки, вызвав адскую, ослепляющую вспышку боли.

— Первый урок ты усвоил, — из рассеивающегося пара выплыл капитан Дрейк с той же суровой, оскаленной ухмылкой. — Перейдем ко второму: никогда не ломись в закрытую дверь, если не знаешь, кто за ней стоит.

Он остановился над корчащимся на палубе мальчиком:

— Больно? Запомни, шкет: в реальном бою твои ошибки стоят либо боли, либо жизни. Третьего не дано.

Акихиро, пробиваясь сквозь кровавую пелену перед глазами, выбросил левую руку вперед, сжимая ману V Круга:

— Огонь!

В его ладони вспыхнул багровый, рвущийся наружу сгусток чистого пламени.

— А если так? — спокойно пробасил Дрейк и одним движением вытащил из-за своей широкой спины Рейчел.

Капитан держал девушку мертвой хваткой за горло, используя её бледное, испуганное тело как живой щит. За его плечом стоял синекожий матрос-севар, удерживавший служанку до этого.

Акихиро застыл. Увидев полный ужаса взгляд Рейчел, он в последнюю долю секунды попытался увести заклинание в сторону, одновременно гася формулу, но его истощенного ядра уже не хватило на точную отмену.

— Прости... — шепнул Акихиро, смотря Рейчел прямо в глаза.

— Ничтожество, — медленно процедил Дрейк.

Капитан короткий пинком сбил его руку. Огненный шар сорвался с пальцев, врезался в бронированный борт и бесполезно рассеялся о силовой барьер судна.

— Ошибки... Это. — рявкнул ветеран. **БОЛЬНО!**

Его массивный окованный ботинок взмыл вверх и с оглушительным, тошнотворным хрустом обрушился прямо на окровавленное плечо Акихиро, окончательно раздробив ключицу и суставную кость.

Из глаз юноши брызнули слезы, воздух вырвался из легких вместе с соленым кашлем, и от болевого шока он мгновенно провалился в непроглядное небытие.

Дрейк холодно посмотрел на бессознательное тело Наследника и скомандовал синекожему матросу:

Глава 14

Сознание возвращалось отдельными, болезненными вспышками. Акихиро смутно осязал чьё-то присутствие — близкое, тёплое, разительное на фоне давящего холода трюма. Но веки казались отлитыми из свинца, а мышцы не откликались на команды разума. Всё его тело было заковано в плотный, невесомый кокон, полностью отрезанный от внешнего мира.

«Сил нет... Даже чтобы собрать мысль в узел...»

Он парил в гулкой, непроницаемой темноте — вне времени, вне каюты, вне давящей боли.

Внезапно потрескавшихся, сухих губ коснулось прохладное серебряное горлышко флакона. По языку и гортани медленно потекла густая, вязкая жидкость. Она отдавала жгучей едкой полынью, раздавленным мано-цветом и отчетливым, медно-металлическим привкусом целительной крови.

С каждым вынужденным глотком внутри разгорался плотный, сухой жар. Эссенция Саломеи выжигала боль. Акихиро физически ощущал, как глубоко под кожей с диким, чешуйчатым зудом срастаются волокна мышц, а раздробленные кости ключицы и плеча с тихим, невидимым хрустом встают на свои места. Сжигающий огонь в бедре отступал, уступая место ровному, целебному онемению.

Преодолевая лихорадочную слабость, юноша силой разлепил веки.

Слепящий свет магического фонаря мгновенно ударил по оголенным зрачкам, отозвавшись тупой болью в затылке. Мир расплылся в молочном-белом мареве. Перед ним возникал лишь тёмный, колышущийся силуэт — расплывчатое пятно, окружённое мягким, изумрудным сиянием целительной ауры.

Акихиро часто, судорожно заморгал, пытаясь сфокусировать взгляде на чертах лица, но контуры преломлялись и плыли.

— Плохо... вижу... — выдохнул он на самом пределе слышимости. Голос прозвучал силено, чуждо, будто принадлежал глубокому старику.

Прохладная, мягкая ладонь — с тонкими, сухими пальцами целителя — осторожно опустилась ему на пылающий лоб, бережно накрывая глаза. Веки снова опустились. Не по его воле, но с его немого, благодарного согласия.

«Оно хочет... чтобы я спал...»

Акихиро не стал сопротивляться. Целительная магия мягко утянула его обратно, и он позволил сознанию снова соскользнуть в сладкое небытие. Впервые за долгое время — без страха перед Носителями, без режущей боли в теле и без терзавших его мыслей о предательстве.

Глава 15

Рядом, свернувшись калачиком на узком сундуке, спала Рейчел. По полукруглым синеватым теням под её глазами Акихиро понял — девушка не отходила от него всю ночь. Повернув голову, юноша поморщился: его правая рука от кисти до самого плеча была закована в жесткую гипсовую шину. Дикая боль от разорванного сустава утихла, сменившись тупым, глубоким пульсом, но память о хрусте собственной кости жгла разум.

Преодолевая лихорадочную слабость, Акихиро бесшумно опустил ноги на пол. Его изрезанная, пропитанная подсохшей кровью рубашка валялась в углу. Остаться в постели он не мог. Хромая на деревянную, онемевшую ногу, юноша держался за переборки и выскочил в прохладный коридор.

Он подошел к первой каюте и дернул бронзовую ручку. Заперто.

— Тебя там нет... Где же ты?.. — пробормотал он, прислонившись лбом к холодному дереву.

Третья каюта пуста. Четвертая встретила глухой задвижкой. Нахмурившись, Акихиро вернулся к первой двери, разглядывая замковый механизм.

— Остается только одно... Огонь!

Сгусток рыжего пламени сорвался с его левой ладони, но едва коснулся дуба, как мгновенно погас, с шипением поглощенный рунами мано-защиты.

— Еще раз! Огонь! — То же самое. Защитная матрица легко рассеивала базовые элементы V Круга.

Акихиро зажмурился, тяжело дыша и восстанавливая в памяти формулы отца: «Первое — геометрия удержания. Второе — предельная концентрация. Физическая суть пламени — не свет, а разрушение, молекулярный распад, высшая температура...»

— Расплавься... — шепнул он.

В его левой ладони вспыхнул и закрутился слепяще-белый шар спрессованного пламени — синергия V (Стихия) и III (Удержание) Кругов. Акихиро вогнал его прямо в замковую скважину.

Сгусток энергии замер. На деревянной поверхности мгновенно проступили проклятые руны — три силовых кольца. Однако под воздействием белого пламени руническая геометрия вспыхнула и поплыла, точно дешёвый парафин. Секунда — и дубовое полотно прогорело насквозь, а стальные ригели замка раскалились добела и стекли на паркет шипящими капли жидкого металла.

Акихиро толкнул дымящуюся дверь и застыл.

Внутри каюты царил разгром. Обгоревшие фолианты валялись среди выбитых досок, а вместо бронированного иллюминатора в борту корвета зияла огромная, рваная брешь с обугленными краями.

Юноша поднял уцелевшую книгу и осторожно выставил её край в проем. В тот же миг встречный поток воздуха с воющим, ультразвуковым свистом вырвал фолиант из пальцев и в мгновение ока разорвал в бумажную пыль. Ударившая по руке реактивная волна едва не выбила заживающий сустав.

— Выходит... Джулия выбила борт и вырвалась наружу?.. — шепотом выговорил он.

— Я тоже удивился, когда увидел эту дыру, — раздался хриплый бас за спиной.

Акихиро резко обернулся. В дверном проеме, загораживая проход, стоял капитан Дрейк.

Юноша инстинктивно отступил к пролому, почувствовав, как мышцы спины сжимаются от ледяного напряжения.

— Пытаешься держать дистанцию? Неплохо, — Дрейк сделал шаг вперед, скалясь в суровой ухмылке. — Но ты снова загоняешь себя в угол. Ошибка номер один — перестал следить

за окружением. Ошибка номер два — позволил превосходящему противнику зажать тебя в тупике. Ошибка три — переоценка собственных сил. И четвертая... ты ведь не бросишь служанку, верно?

Акихиро сжал левый кулак. В памяти всплыли строгие наставления Джулии: «Если противник силен и сближается — используй магию перепада давления или пространственного вакуума»

Лицо мальчишки исказилось отчаянной, злой решимостью. Дрейк на секунду замешкался, удивленный перемене в его глазах.

— Вакуум! — выкрикнул Акихиро, выплескивая в короткую формулу все остатки резерва.

Мир вокруг мгновенно потерял звуки. В каюте резко образовался пространственный пузырь — магия мгновенно выкачала из помещения весь кислород.

Акихиро тут же жестко поплатился за собственную неопытность. Его легкие сжались в судорожном спазме, грудную клетку сдавило невидимым прессом, а в ушах раздался дикий, оглушающий треск. Юноша судорожно заглотал ртом пустоту — но вдыхать было нечего. Сердце заколотилось о рёбра, перед глазами поплыли багровые круги, а сосуды на белках глаз налились кровью от резкого перепада давления. Разум накрыла липкая, паническая волна удушья.

Дрейк же лишь слегка повел мощными плечами. Его грудь поднималась ровно и глубоко. Как бывалый небесный волк, прошедший половину жизни на высотных абордажах, он обладал легкими, привыкшими к ледяному голоданию заоблачных высот.

Капитан сделал уверенный шаг вперед, глядя на задыхающегося, упавшего на колени Акихиро с суровой, пренебрежительной жалостью:

— Наш экипаж годами ходит над Небесной Бездной, парень, — его голос звучал хрипло в истонченном воздухе, но совершенно спокойно. — Мы привыкли к разреженной атмосфере. Тебе это не поможет.

Но Дрейк не учел одного.

В созданной вакуумной каверне возник чудовищный перепад давления по сравнению с ревушей за бортом атмосферой. Напряжение на внешний защитный барьер судна стало невыносимым.

Магическая полусфера, закрывавшая рваную пробоину, принялась со стоном деформироваться. Древние рунические кольца, вшитые в защитный контур корвета, вспыхнули слепящим алым светом, перегружаясь от колоссального давления. Воздух снаружи с диким свистом начал буквально вгрызаться в тонкую пленку.

По барьеру пробежали первые дуговые разряды. Силовое поле выгнулось внутрь каюты, натягиваясь, как прозрачная мембрана. Треск рвущейся материи наполнил помещение — барьер пробивало в нескольких местах тончайшими, как иглы, струями сжатого воздуха, которые со свистом выстреливали в стены, оставляя глубокие борозды в металле.

Свет рун сменился на аварийный багровый. Мембрана истаяла до критической толщины, по ней пролегла паутина силовых трещин.

— Что ты... — улыбка на лице Дрейка впервые погасла, когда он осознал масштаб катастрофы.

БАМ-М!!

Защитное поле сокрушило. Чудовищная сила внешней атмосферы с грохотом уничтожила оставшиеся чары. Настоящий шквал сжатого воздуха ворвался в вакуумную каверну каюты с мощностью объемного взрыва.

Воздушный таран снес всё на своем пути. Акихиро, терявшего сознание от гипоксии, швырнуло в дальнюю стену с такой силой, что его ребра отозвались сухим хрустом. Дрейка,

стоящего в проходе, сшибло с ног и швырнуло через весь коридор прямо в противоположную переборку.

На грохот взрыва сбежалась вся команда. Из своей каюты выскочила перепуганная Рейчел, а за ней подоспела Саломея.

— Что здесь случилось?! — целительница оценила разрушения и повернулась к поднявшемуся капитану с разбитым, окровавленным лицом.

— Этот сопляк... сорвал внешний барьер корвета, — прохрипел Дрейк, вытирая кровь со сломанного носа.

— Сядь, я залечу тебе кости, — жестко произнесла Саломея.

— Сначала им займись... Я выдержу, — Дрейк мотнул головой в сторону развороченной каюты.

Саломея вошла внутрь и опустилась подле Акихиро. У юноши было тяжелое сотрясение, вывернут заживающий сустав и сломаны ребра. Но едва целительница закатала его штанину, её лицо стемнело.

Под действием дикого стресса и травм некротический яд активизировался. На контрольном участке икры плоть почернела, а «Сердце Хадара» вибрировало от перегрузки.

— Прошло ведь всего шесть часов... — процедила Саломея, сжав зубы.

Она приложила руки к его голени, окутав конечность изумрудным свечением. Магия регенерации сработала незамедлительно — мышцы и кожа восстановились, купировав очаг некроза. Залечив ребра и зафиксировав сустав, целительница поднялась:

— Закройте брешь брезентом и принесите его кресло. Быстро!

Она вышла в коридор к Дрейку и тихо, но непреклонно произнесла:

— Хватит с него этих уроков. Тебе понятно, Дрейк? Еще один такой эксперимент — и я лично введу тебе яд ламии.

Капитан лишь угрюмо кивнул, не поднимая глаз.

— Снизить скорость и высоту! — крикнул он подоспевшим офицерам. — Заделать пробоину!

Глава 16

— Наконец-то вы очнулись...

Голос Рейчел звучал тихим, выжатым до предела шёпотом.

Стерильный, въедливый запах лекарственных трав и химического озона давил на грудь, вытесняя привычный запах морозного воздуха. Акихиро медленно сфокусировал взгляд. Палата встретила его слепящей белизной больничных стен города Сувод.

— Рейчел... — с трудом пересохшим языком выговорил он, ощущая, как мысли со скрипом возвращаются в реальность. — Я... я победил его?

Из угла комнаты раздался тяжелый, хриплый бас, в котором смешались желчь и невольное уважение:

— Да. Ты победил, сопляк.

Капитан стоял у двери, опираясь на косяк. На его суровом лице виднелись свежие следы от магических притирок Саломеи, а сломанный нос был плотно зафиксирован повязкой. Он окинул Акихиро долгим, тяжелым взглядом, задержав внимание на свободно двигающемся правом плече юноши. На мгновение губы ветерана дернулись в тёмной, едва уловимой ухмылке, но он тут же отвернулся и с тяжелым шагом выскочил в коридор, прихлопнув за собой дверь.

— Где мы? — Акихиро сел на кушетке, осторожно сжимая и разжимая пальцы.

— В центральном госпитале Сувода, — Рейчел поднялась с края кровати. Ей явно требовался отдых — под глазами залегли глубокие тени. — Из-за пробойны барьера «Золотая лань» шла на предельно малой высоте и сбросила скорость. Мы летели четыре дня... и здесь ты пробыл без сознания ещё троих суток. Кости благодаря целителям срослись, но некроз... Саломея едва успела выжечь яд.

— Семь дней... — Акихиро потрясённо взглянул на свои ладони.

— Знаешь... тут есть один человек, который ждал твоего пробуждения больше всех, — тихо произнесла Рейчел. Не добавляя больше ни слова, она бесшумно скользнула за дверь.

В палате установилась звонкая, давящая на уши тишина. Вскоре ручка мягко повернулась. В комнату вошла Джулия.

Она остановилась в нескольких шагах от кушетки, застыв изваянием.

— Джулия... — выдохнул Акихиро, затаив дыхание.

От её присутствия стерильный воздух палаты мгновенно натянулся, словно струна. Все эмоции, скопившиеся в нём за дни боли, удушья и страха, прорвались наружу мутной волной.

— Я думал... я думал, ты меня бросила! — его голос задрожал, срываясь на детскую, болезненную обиду. — Мне было так больно! Очень больно!

Джулия стояла, опустив голову. Ни слова. Ни движения. Лишь пальцы ее сжимались так сильно, что ткани кителя угрожающе трещали.

— Почему ты молчишь?! — его гнев вспыхнул с новой силой. — Кто пообещал всегда быть рядом?! КТО?!

Кап.

В тишине этот звук прозвучал, как выстрел. Акихиро замер. На белый кафельный пол с её подбородка упала алая капля крови.

— ПОСМОТРИ НА МЕНЯ! — выкрикнул он, но этот крик уже ломался, превращаясь в отчаянную мольбу.

Джулия медленно подняла лицо. Её губы были разбиты — она до мяса прикусила нижнюю губу, пытаясь сдержать рвущийся наружу крик отчаяния. Слезы, смешанные с кровью, текли по её щекам, оставляя темные дорожки и капая на белый кафель.

— П-п-рости... — едва слышно выдохнула она.

Вид этой крови и её молчаливого самоистязания мгновенно сжёг весь гнев Акихиро. Вся его обида рассыпалась в прах. Ноги юноши подкосились, и он сделал несколько неуверенных шагов вперёд, остановившись вплотную к ней. Запах железа и её теплого тела перебил болезненный озон.

— Я люблю тебя... — выдохнул он хрипло, сдавленно.

Эти слова звучали неловко, грубо — так, как он запомнил из старых книг или редких воспоминаний о родителях. Но в них не было фальши.

Акихиро осторожно коснулся её щеки — влажной, горячей. Джулия судорожно вздохнула, но не отстранилась. Поднявшись на носочки — ведь Джулия была выше, — он зажмурился и уверенно накрыл её губы своими.

Вкус крови — медно-соленый, горячий — мгновенно ожег его язык, сделав этот момент болезненно настоящим, реальным. Джулия вздрогнула, её дыхание сбилось. Вторую руку Акихиро мягко положил ей на талию, притягивая к себе, а кончики его ушей вспыхнули от обжигающего жара.

Выждав короткую паузу — так, как когда-то видел у взрослых, — он притянул её еще ближе, целуя глубже, отчаяннее.

И в этот момент пространство между ними изменилось.

Воздух вокруг Джулии ощутимо нагрелся, став плотным и тяжелым. Её эмоциональный щит рухнул. От всплеска всепоглощающей страсти и стыда тело севара начало реагировать помимо её воли — запустился процесс непроизвольной трансформации.

Акихиро почувствовал, как с тихим, угрожающим треском натягиваются швы на её форменной блузе. Её фигура прямо в его руках начала меняться, обретая истинную, зрелую форму: бёдра и грудь налились тяжестью, формы стали чувственными, а губы под его языком — полнее и горячее. Древняя инстинктивная природа полулюдей сбрасывала подростковую личину, реагируя на близость мужчины.

От её изменившегося, глубокого и бархатного дыхания, от тяжести её нового тела и нарастающего жара Акихиро почувствовал, как земля уходит из-под ног. Силы после тяжелого ранения быстро иссякали. Чувство, что он теряет контроль над происходящим, испугало его.

Он попытался мягко отстраниться, но Джулия, опьяненная этим порывом, крепко удерживала его за плечи. В попытке высвободиться Акихиро сделала шаг назад и случайно задел стоящее рядом инвалидное кресло.

Оно с оглушительным металлическим лязгом откатилось и врезалось в прикроватную тумбу.

Звук прозвучал подобно ледяному душу.

Джулия разом разомкнула объятия. Её глаза распахнулись, полные шока и осознания. Защитные механизмы её организма сработали мгновенно: с легким шорохом ослабевающей ткани её тело принялось стремительно возвращаться к привычным подростковым пропорциям.

Возникла оглушающая неловкость. Акихиро подошёл к тумбе, взял стакан и в несколько глотков осушил его, пытаясь вернуть сорванный голос.

— Т-ты... разделяешь мои чувства? — спросил он, прямо глядя на неё.

Джулия вздрогнула, опустив взгляд на свои сжатые кулаки.

— Мы расстанемся... на шесть лет, — произнесла она глухо, вырывая слова из самой глубины груди. — Это приказ Андрианы. Я хочу знать... стоит ли мне жить с надеждой на эту встречу?

— За шесть лет многое может измениться, — попыталась она укрыться за привычной холодной маской, хотя её плечи едва заметно дрожали.

— Почему нельзя ответить прямо? — Акихиро посмотрел на неё без тени улыбки. — Тебя волнует возраст? Но разве через шесть лет я не стану взрослее и сильнее?

Джулия молчала. В её груди бушевал дикий, необъяснимый страх. Шесть лет для крови севара — лишь короткий миг, её тело едва ли изменится. Но он — человек. За шесть лет война, жестокая политика и магия Андрианы могли сломать его, выжечь изнутри или превратить в совершенно чужого ей мужчину.

Акихиро почувствовал глубину её сомнений и мягко перевёл разговор:

— А что с Наной и Диной? Рейчел говорит, что не помогала им бежать.

Джулия нахмурилась, вытирая остатки крови с подбородка:

— Они скрытно покинули поместье вместе с Рейчел ещё в столице. Больше я ничего не знаю.

— Значит, их исчезновение — дело рук бабушки?

— Если кто и способен провезти полулюдей через барьеры поместья незамеченными — только Андриана, — подтвердила Джулия.

Акихиро принял это, а затем тихо опустил голову:

— Понятно... Извини, что кричал на тебя.

Джулия смотрела на него с немой нежностью.

— Так ты... не спросишь, что произошла на корабле? — её голос снова дрогнул.

— Зачем? — Акихиро мягко улыбнулся, и в его серо-голубых глазах вспыхнул тёплый свет. — Я и так знаю. Когда тебя заперли, ты выбила борт и преследовала «Золотую лань».

Эти слова действовали на неё лучше любого целительного зелья. Со слезами облегчения Джулия сделала шаг вперёд и прижала его к себе. Акихиро крепко обнял её в ответ, уткнувшись носом в её плечо. В этом объятии не осталось место ни страху, ни недомолвкам.

— Джулия... твоя одежда, — тихо прошептал он спустя минуту.

Она опустила взгляд — несколько пуговиц на кителе были вырваны с мясом, а ткань на бёдрах слегка треснула.

— Не смотри! — вспыхнула она, мгновенно повернувшись к нему спиной.

— Извини, — Акихиро тактично отвернулся к окну.

За его спиной раздался шелест передёргиваемой ткани и тихое, сбивчивое дыхание — Джулия окончательно вернулась в свою привычную форму.

За окном палаты расстился незнакомый, затянутый горным туманом Сувод. Город встретил их прохладой и неизвестностью, но впервые за долгое время Акихиро ощутил внутри не панику, а глухую, нерушимую уверенность.

— Думаю, нам пора выйти к остальным, — сказал он, повернувшись к ней.

Глава 17

Джулия опустила взгляд на свои сжатые кулаки. Тишина в каюте госпиталя Сувода казалась звенящей, но напряжение между ними постепенно спадало, уступая место холодному рассудку.

Акихиро поправил плед на коленях и, посмотрев на девушку-севара, тихо спросил:

— Джулия... А как ты вообще смогла догнать «Золотую лань»?

Девушка слегка нахмурилась, вытирая с подбородка последнюю каплю крови:

— В смысле?

— «Золотая лань» — военный корвет Республики, — Акихиро нахмурился, восстанавливая в памяти чертежи судов из дневника отца. — Его маршевая скорость над каньоном — минимум триста узлов. Когда ты выбила борт и выпрыгнула наружу... даже с твоими ногами Севара ты не могла бежать по скалам со скоростью боевого летучего корабля.

Джулия качнула головой, в её желтых глазах проскочило озадаченное выражение:

— Мне пришлось бежать на пределе. Корабль шел слишком медленно. Едва ли сотня узлов.

Акихиро замер. Пальцы на подлокотниках инвалидного кресла сжались.

Сбросил ход до сотни узлов...?

— Ты уверена? — переспросил юноша.

— Капитан Дрейк утверждал что он идет триста узлов.

— Севара не обманешь в скорости, — твердо ответила Джулия. — Когда я пробила корпус воздух ревел, а Двигатели корабля захлебывались, но узлов было не больше трехсот.

В душе Акихиро шелкнул первый деталь невидимого пазла. Двигатели захлебывались? Это ведь его крейсерская скорость. Значит, реактор терял ману ещё до того, как Джулия выбила борт.. Или капитан сам не понимал, что происходило с его кораблем?

— Нам пора выйти к остальным, — тихо сказал Акихиро, разворачивая кресло к двери. — Нам нужно кое-что проверить.

Едва барьер каюты спал и Акихиро выехал в коридор госпиталя, его слух уловил тяжелый гул. Это был не шум города — за окнами Сувода, на причале, доносилась тяжелая, неровная детонация мано-реактора «Золотой лани».

У входа в палату их ждали трое.

Капитан Дрейк измерял коридор тяжелыми шагами. На его изрезанном шрамами лице виднелись свежие повязки, а сломанный нос был зафиксирован лубком.

— Наконец-то! — прохрипел Дрейк, едва увидав Акихиро. — Мы выбились из графика на двое суток! Из-за вашей драки на палубе пришлось идти на бреющем!

Акихиро не ответил. Вместо этого он окинул внимательным взглядом стену коридора. На скамье лежал навигационный кристалл корабля, транслирующий показатели «Золотой лани» в виде небольшого голубого планшета. Его свечение было не естественно-голубым, а тусклым, янтарно-аварийным.

Вторая странность.

— Капитан Дрейк... — спокойно начал Акихиро, подкатывая ближе беря в руки планшет. — А почему на аварийном индикаторе подпитка силового купола горит желтым?

Дрейк нахмурился, не ожидая такого вопроса:

— Помехи после твоей выходки с вакуумом, малец! Ты сорвал внешний контур, мана ушла на латание пробоины!

— Нет, — вмешался Акихиро, опустив взгляд на свои руки. — Когда образуется пролом, автоматика военных судов активирует вторичный инъекционный контур. Специальный

концентрат из резервуаров должен был затянуть дыру за секунды, еще когда Джулия пробила борт. Но вы закрыли борт брезентом. Почему вторичные инжекторы не сработали?

Саломея и Рейчел переглянулись. В коридоре стало окончательно тихо.

— Потому что часть концентрата ушла на подпитку маршевых двигателей! — с досадой отмахнулся Дрейк. — У нас был дефицит тяги!

— Третья странность, — тихо произнес Акихиро, подняв на капитана ледяной серо-голубой взгляд. — Маршевые двигатели и защитный купол запитаны от систем. Странно что у меня вообще получилось пробить главный барьер военного судно, учитывая, что это не было моей целью. Будто инжекторы не сработали вовсе, или концентрата нехватило.

Дрейк замер. Напряжение в коридоре натянулось, точно стальная струна.

— К чему ты клонишь, парень? — настороженно пробасил ветеран.

Акихиро выдержал паузу, выстраивая накопленные факты в единую, нерушимую цепь:

— Давайте восстановим хронологию, капитан.

Первое: мано-реактор вибрировал на аварийной частоте еще в момент нашего вылета из столицы.

Второе: вторичные инжекторы не затянули пробоину, потому что концентрат ... его там просто не было.

Скулы Дрейка заходили ходуном:

— Ты ходишь по острию, малец... Ты хочешь сказать, что я паршиво слежу за судном?!

— Я хочу сказать, капитан, что вы не виноваты. Вас подставили. Как и нас, — чеканя каждое слово, проговорил Акихиро. — Резервуары обычно опечатаны ручным магическим замком. Автоматика не могла слить концентрат вчистую. Его опустошили вручную. Ещё в порту Ролново, до нашего отлета.

Рейчел ахнула, прижав ладонь к губам.

— Нам намеренно обесточили защиту и снизили скорость, выдав это за проблемы с двигателем — продолжал Акихиро, его голос звучал ровно и беспощадно. — А когда пробоина обнажила дефицит маны, вы были вынуждены приказать снизить высоту и идти вдоль каньона. Нас целенаправленно вели в ловушку. Это не случайность. На борту произошла диверсия.

Лицо Дрейка мгновенно побледнело. Суровый абордажник, прошедший десятки сражений, осознал: мальчик не просто фантазирует — он шаг за шагом вскрыл предательство прямо у него под носом.

— На корабль! — рявкнул Дрейк, брызжа слюной от вспыхнувшей паники. — Я должен лично проверить четвертый отсек! СЕЙЧАС ЖЕ!

Капитан резко развернулся и практически побежал по коридору к выходу из госпиталя.

— Он испугался, — хмуро констатировала Саломея. — Испугался того, что Акихиро прав. Идемте, быстро!

Город Сувод ютился на самом краю гигантского каньона. Воздушный пирс буквально висел над кипящей внизу бездной.

Когда группа добралась до причала, Дрейк уже сбегал в трюм «Золотой лани». Выхватив массивный фиолетовый ключ, капитан вставил его в замок четвертой двери. Защитные круги на металле погасли.

— Хоть бы парень ошибся... — прошептал Дрейк и рванул дверь на себя.

Заглянув внутрь, капитан замер. Резервуары подпитки были вскрыты, вентили сорваны, а весь магический концентрат полностью слит в дренаж.

Дрейк с оглушительным грохотом захлопнул дверь и со всей силы ударил кулаком по металлической обшивке:

— Черт!!

Спустя десять секунд капитан выскочил на верхнюю палубу и налетел на подбежавшего старпома:

— Топливо погружено?! Отвечай!

— Баки полны, заправка окончена, капитан!

— Бросать швартовы! Рубить канаты! Отчаливаем СЕЙЧАС ЖЕ! — заорал Дрейк.

Команда бросилась исполнять приказ. Дрейк буквально сдернул сходни, едва Саломея успела ступить на палубу. Корабль с резким рывком отвалил от пирса и устремился в небо, уходя от обреченного порта.

Дрейк, даже не взглянув на остальных, бегом скрылся в своей каюте. На палубе вокруг кресла Акихиро сгрудились Саломея, Рейчел и Джулия.

— Но если мятежники готовили засаду, почему они не напали во время перелёта? — спросила Рейчел.

— Из-за Джулии, — Акихиро посмотрел на девушку-севара. — Когда она вырвалась из каюты и в ярости едва не разнесла палубу, её боевая форма испугала вражеских наблюдателей. Они поняли, что не рассчитывали на силу Севара, и отступили.

Джулия слегка смутилась, но на её губах мельком промелькнула довольная улыбка.

— Значит, следующий удар они нанесут уже с учётом её силы, — нахмурилась Саломея.

— Именно, — ответил Акихиро. Затем он посмотрел целительнице прямо в глаза: — И ещё... Надеюсь, эта диверсия с барьером не была частью вашего с капитаном «урока»?

Саломея замерла. В её глазах проскочил настоящий шок.

— Я устал. Пойду отдохну, — тихо сказал Акихиро.

Взявшись за ободья колёс своего кресла, он развернулся и один, без чьей-либо помощи, покатил к пандусу, ведущему вниз, в трюмные каюты.

Когда юноша скрылся в проёме, Саломея поражённо пробормотала:

— Как... как он догадался?! Где я оступилась?

— Вы нигде не оступались, — вмешалась Джулия, сдерживая смех и провожая удаляющегося Акихиро тёплым взглядом. — Просто в больнице Сувода стены из тонкие, а капитан орал на весь коридор.

Саломея на секунду потеряла дар речи, а затем коварно ухмыльнулась:

— Кто бы говорил про громкие голоса! «Кто обещал всегда быть рядом?! ПОСМОТРИ НА МЕНЯ!»

Джулия мгновенно залилась краской до самых кончиков ушей.

— Я рада за тебя, девчонка, — уже тепло улыбнулась Саломея и направилась к себе.

— И я! — наигранно подмигнула Рейчел и со смехом убежала вниз по лестнице.

Джулия осталась одна на палубе. Прохладный ветер каньона трепал её волосы, а щёки всё ещё горели от смущения и накатившего чувства полного, долгожданного счастья.

Глава 18

Акихиро пытался расслабиться, как только вернулся в свою каюту. Он сидел на краю кровати, устремив взгляд вперёд — сквозь стену и пространство, словно пытаясь заглянуть в будущее.

— Им наверняка нужен я... И что теперь делать?

Он опрокинулся на спину, тяжело вздохнув:

— Ещё и этот разговор с Джулией...

Её образ всплыл в памяти, и выражение лица Акихиро изменилось: проступили мягкость, тревога и нечто большее.

— Сосредоточься, — прошептал он и с силой зажмурился, визируя её силуэт из сознания.

Задумчивость вернулась. Он снова стал тем юношей, который привык рассчитывать, а не чувствовать.

— Что-то обязательно произойдёт. Раз они решились на нападение, зная, что она на корабле... Может, стоит надеть её до их появления?

Он провёл рукой по воздуху, и в его ладонь опустился белый предмет — маска. В памяти начала всплывать вся информация по Носителям что он имел.

Преступный синдикат, недавние волнения в столице с появлением группы носителей. Курьерская доставка этой маски члену совета, это вообще выглядит как бред. Пока напрашивается вывод что это не просто нарицательное имя, а организация у которой есть своя структура. Возможно, увидев её, они передумают атаковать ...

Он крутил маску в руках. Она была чистого белого цвета, без единой метки. Он медленно поднёс её к лицу.

Тук-тук.

От неожиданного стука Акихиро сжал ладонь, и маска мгновенно растяла как туман в воздухе.

Звук проходил только внутрь — защитный барьер двери глушил все внутренние шумы. Акихиро не ответил сразу. С усилием перебравшись с кровати в инвалидное кресло, он подкатил к выходу. Пальцы коснулись панели, щеколда вспыхнула, и барьер спал. Он отворил дверь.

— Что-то хотела? — Акихиро поднял взгляд. Перед ним стояла Джулия.

— Разве что спросить, — спокойно ответила она.

Акихиро отъехал назад, освобождая проход. Джулия вошла без колебаний.

— Я тоже хотел спросить. Лучше, если начну я, — сказал он, закрывая дверь и вновь активируя барьер. — Сколько у нас ещё будет остановок до Стены?

— Остановок больше не будет. Стена — следующая и конечная цель.

— Ты ведь понимаешь, что они начнут действовать именно сейчас? Им скорее всего нужен я. За Стеной они до меня не доберутся, — голос Акихиро звучал ровно, но в нём проскальзывала тревога.

— Именно поэтому я здесь. Чтобы исполнить приказ Госпожи и защитить вас, — ответила Джулия, не дрогнув.

Наедине с ним её поведение менялось, но сейчас она снова стала такой, как в день их первой встречи: сдержанной, сосредоточенной и непроницаемой.

— Я бы хотел попросить тебя кое о чём...

— Да? О чём же? — её голос оставался спокойным, но внимательным.

Акихиро выдержал паузу, подбирая слова:

— Я хочу выступить против тебя на континентальном турнире, учитель. Хочу, чтобы ты участвовала и была готова к моему вызову.

— Хорошо. Я запомню это.

Акихиро подкатил кресло ближе и остановился сбоку от неё. Потянувшись вперёд, он обнял её за бёдра — до талии из сидячего положения он дотянуться не мог. Джулия осталась стоять неподвижно, словно статуя.

— Настолько сконцентрирована на задаче? — Акихиро посмотрел снизу вверх на её лицо. Его взгляд стал живым, трепетным.

— Быть может, я обнимаю тебя в последний раз...

Джулия не ответила. Её взгляд был устремлён на дверь. Внезапно её тело напряглось. Силуэт девушки стал плотнее, проступили хищные черты формы Севара, а на голове дёрнулись звериные ушки, ловя малейший шуршащий звук. Для Акихиро это звериное чутье стало главным сигналом: наступает тишина перед бурей.

В следующее мгновение корпус «Золотой Лани» содрогнулся от оглушительного удара.

— Первый контакт, — ровно произнесла Джулия.

— Они бьют без предупреждения, — ответил Акихиро. — Проверяют нашу уязвимость. Второй залп пришёлся по левому борту. Сигнальные лампы в каюте вспыхнули алым.

— Щиты держатся, но неравномерно, — сказала Джулия, глядя на экран. — Они бьют по слабым зонам.

— Значит, у них есть схема корабля. Или на борту предатель.

Третий залп вызвал тяжелую вибрацию переборок.

— Они не пытаются нас уничтожить. Они выкуривают нас наружу.

Снаружи корабль атаковала тройка малых маневренных судов. Они кружили по спирали, нанося точечные удары.

— Это не пираты. Их действия слишком координированы, — заметила Джулия.

Неожиданно наступила пауза. А затем каньон сотряс глубокий раскат подземного грома.

— Это не они... — прошептал Акихиро.

Из облаков вынырнула исполинская тень. Флагман Носителей — огромный, многопалубный, превосходящий «Золотую Лань» размерами втрое — накрыл их корабль своей тенью.

— Похоже, они берут нас в кольцо, — сказала Джулия.

— И делают это грамотно.

Каюта дрожала, но Акихиро оставался в кресле. Он вытянул руку, и белая маска снова материализовалась в его ладони.

Джулия опустила взгляд на панель интерфейса:

— Они не стреляют по ядру.

— Потому что знают, что я там, — ответил юноша.

— Ты всё ещё хочешь выйти к ним?

— Я должен. Но не сейчас. Сначала я хочу понять их истинную цель. Кто их послал — я примерно догадываюсь.

Джулия медленно повернулась. В её глазах читалось напряжение:

— Они торопятся, потому что ты слишком близко к Стене. Там их влияние бессильно.

— Ты чувствуешь это?

— Да. Ты изменился, Акихиро.

— Не знаю, к лучшему ли это, — он положил маску на консоль перед собой. — Но если я выйду сейчас — я уже не вернусь.

— Тогда оставайся здесь. Пока не будешь уверен, — произнесла Джулия. Она посмотрела на гладкую маску без меток: — Ты так и не сказал, откуда она у тебя.

— Потому что сам не до конца понимаю ее природу, — тихо ответил Акихиро.

В этот момент в каюте взревел сигнал тревоги.

— Высадка началась, — Джулия встала в боевую стойку.

Акихиро зафиксировал колеса кресла и взял маску:

— Пора.

На мостике «Золотой лани» кипел ад. Каждый залп отдавался в металле и костях.

— Держать позиции! — прорезал грохот бас капитана Дрейка. Он стоял у центрального терминала, несмотря на пляшущий под ногами пол.

— Щиты в тридцать втором секторе просели на восемьдесят процентов! — кричал техник.

— Перенаправить энергию с кормового стабилизатора! Пусть корпус трещит, но купол должен держать! — отрезал Дрейк.

— Где огневой ответ?! — выкрикнул младший офицер.

— Не стрелять! Это демонстрация силы. Если ответим — они сметут нас главным калибром!

Старший навигатор, седая женщина с суровым лицом, указала на проектор:

— Флагман врага смыкает кольцо.

— Увеличить скорость! — рявкнул Дрейк. — Идем на предельной тяге! Сколько до Стены?

— Минимум тридцать минут!

— А щиты?

— При такой нагрузке — не больше пяти!

Дрейк сжал зубы до хруста:

— Перенаправить питание с жилых отсеков на резервные щиты!

Младший офицер заколебался:

— Капитан... Жилые отсеки?! Люди задохнутся! Все из-за этого мальчишки?!

— Акихиро — Наследник Коулов! — отрезала навигатор, не отрываясь от панели.

— А кто нападает?!

— «Носители», — сурово ответил Дрейк. — Связист! Запросить помощь у Гарнизона Стены! Экстренный код Совета!

Связист отбил экстренную частоту. На экране возник символ Стены, и сквозь помехи раздался холодный, отстраненный голос АИ-оператора:

«Сектор Семь на связи. Ситуация нестабильна. Протокол вмешательства за пределами периметра не активирован. В поддержке отказано. Продолжайте движение самостоятельно».

Экран погас. На мостике повисла гробовая тишина.

— Они отказали... — опешил связист.

— Куплены. Или боятся, — процедил Дрейк. — Техник! Отключить жизнеобеспечение в жилых секторах! Всю ману — на барьер!

— Выполнять! — рявкнул капитан. — Пусть экипаж потеряет сознание, но мы дотянем!

Дрейк щелкнул тумблером общекорабельной связи:

— Внимание, экипаж. Через минуту будет отключено жизнеобеспечение. Это вынужденная мера. Мы не сдаемся. Держитесь!

В жилых отсеках погас свет. Воздух мгновенно стал вымороженным и сухим. Люди в коридорах начали терять сознание от гипоксии, оседая вдоль переборок. Медики вручную фиксировали пострадавших.

— До Стены пятнадцать минут! Щиты на двадцати процентах! — доложила навигатор.

И в этот момент корпус пронзил страшный, скрежещущий разрыв.

— Третий двигатель уничтожен! — закричал техник. — Потеря тяги! Сваливаемся в левый крен!

«Золотая лань» сорвалась в падающий штопор. Гравитация исказилась, остатки офицеров сбило с ног.

— Девять минут до столкновения со скалами! — выкрикнула навигатор. — Без маршевого двигателя мы не выровняем судно!

Дрейк посмотрел на далекий, но уже отчетливо видимый монолит Великой Стены, а затем — на своих задыхающихся, теряющих сознание людей. Его лицо исказила суровая мука.

— Сбавить скорость! Включить тормозные маневровые! — приказал он.

— Капитан! Если сбавим — мы точно не долетим до Стены!

— Наплевать мне на Стену и на миссию! — оскалился Дрейк. — Я не убью свою команду ради мальчишки! Госпожа Андриана поймет, что свой долг я выполнил. Сбавить скорость! Выровнять судно! Спасаем тех, кто еще дышит!

Навигатор ввела команды. Корабль начал замедлять падение, но носовая часть все равно шла к граниту каньона.

Дрейк подошел к стойке, поднял тяжелый бронешлем и надел его. Забрало защелкнулось.

— Всем закрепиться! — прогремел его голос через динамики шлема. — Приготовиться к жесткой посадке!

УДАР.

«Золотая лань» на бешеной скорости прошла брюхом по скалам каньона. Металл рвался с оглушительным визгом, вспыхнул пожар в секторе «С», выбило остатки внешней обшивки. Корабль зарылся в каменную пыль и замер на боку.

Вступила мертвая тишина, нарушаемая лишь шипением пробитых мано-проводов.

Дрейк поднялся из обломков на мостике, вытираю кровь со шлема, и обнажил клинок:

— Кто может стоять... оружие к бою. Они уже спускаются.

Глава 19

Ответа на запрос не было. Только хрипящие через динамики связи голоса, рваный кашель, скрежет металла и тяжелые стоны. Кто-то пытался подняться из обломков, кто-то звал медиков, кто-то просто дышал — тяжело, с хрипом, упрямо цепляясь за жизнь.

— Сектор «В»... живы трое... заклинило переборку... — Медотсек... уничтожен... — Сектор «Е»... держим позицию...

Дрейк щелкнул тумблером общекорабельной трансляции. Его хриплый голос разорвал гул пожаров:

— Всем, кто слышит. Мы выжили. Те, кто устроил эту бойню, сейчас спускаются к нам. Если они думают, что найдут здесь лишь пепел — пусть попробуют зайти.

Он с щелчком отключил передатчик.

Снаружи флагман «Носителей» раскрыл массивные посадочные шлюзы. Малые абордажные челноки начали спуск, их длинные хищные тени скользнули по дымящейся туше «Золотой лани». Но внутри, сквозь едкую пыль, кровь и копоть, израненные люди поднимались. Не все. Но достаточно, чтобы встретить врага лицом к лицу.

Дредноут врага завис над изуродованной палубой, словно гигантский стальной приговор. Челноки коснулись гранитного мусора, но десант не спешил выходить. Наступила мертвая, звенящая пауза.

И вдруг вместо залпа или криков штурмовиков из динамиков внешнего вещания флагмана раздался голос. Чистый, ровный, хирургически лишенный эмоций — словно говорила сама автоматическая система убийства:

«Экипаж „Золотой лани. Капитан Дрейк. Вы оказали сопротивление. Вы выжили. Мы предлагаем капитуляцию. Немедленно. Без условий. В случае отказа по кораблю будет открыт огонь на полное уничтожение. У вас тридцать секунд».

Голос рокотал над каньоном, будто говорило само небо.

На палубе замерли все: бойцы крепче сжали эфесы клинков, целители перестали перевязывать раненых, навигатор медленно повернула залитое кровью лицо к командиру. Дрейк стоял неподвижно. Каменная пыль и копоть въелись в его броню, по виску струилась темная густая кровь, но пальцы на рукояти меча не дрогнули.

— Капитуляция... — тихо повторил он сам себе.

Ветеран вновь активировал внутреннюю трансляцию:

— Всем, кто слышит. Мы не сдаемся.

Связь оборвалась. Палуба замерла в ледяном ожидании.

В рубке флагмана «Носителей» царил глубокий полумрак. Только голографические кристаллы светились хирургически холодным астральным светом. Офицеры молча следили за потоками данных. В центре стоял капитан — неподвижный, точно часть конструкции крейсера.

— Сканирование завершено, — доложил аналитик. — Цели нет. Энергетический профиль «Носителя» не обнаружен на борту.

Капитан не шелохнулся:

— Повторите процедуру.

— Проверено трижды, сэр. Сигнатура маны мальчика отсутствует. Корабль разрушен, экипаж дезорганизован. Главной цели на судне нет.

Капитан медленно повернулся к тактическому офицеру:

— В таком случае наземный штурм теряет смысл.

Он коснулся сенсорной панели, отдавая сухой приказ:

— Отмена высадки. Подтверждено отсутствие цели. Переход к протоколу полной зачистки.

Тактик сухо кивнул, пальцы побежали по рунам:

— Подготовка завершена. Главные орудия готовы к залпу.

Капитан смотрел на проектор, где «Золотая лань» лежала на боку, точно израненный зверек, а на ее обугленной палубе всё ещё стояли живые люди.

— Они выбрали сопротивление, — холодно произнес он. — Подвести черту. Огонь.

Залп начался без предупреждения.

Неаву-орудия дредноута предназначались не для точечных уколов, а для полного демон-тажа материи. Плотные, широкие лучи концентрированной плазмы с гулом, от которого содрогнулась скальная порода каньона, ударили по туше судна.

Первый удар пришелся по левому борту. Металл не выдержал — многотонный пласт обшивки оторвался, взметнув в небо тучу раскаленных искр и расплавленных обломков. Второй залп прожег корму, превратив отсеки с выжившими в зияющую, обугленную дыру.

Корабль содрогался. Каждый удар вбивал его глубже в гранит, точно огромный гвоздь. На палубе люди падали от ударной кинетической волны. Один из бойцов заслонил собой упавшего медика. Другой пытался поднять выбитый бластер, но сожженные пальцы не слушались.

Дрейк стоял. Очередной плазменный луч сорвал переборку в метре от него, обдав обжигающим жаром, но капитан даже не шелохнулся. Он смотрел, как умирает его корабль. Он надеялся принять честный абордажный бой, забрать с собой как можно больше врагов, сойти в бездну с гордостью. Но враг не штурмовал. Враг просто стирал их из реальности.

Дрейк вновь включил внутреннюю связь. Его голос, хриплый, но твердый, прорезал рев аннигиляции:

— Экипаж! Всем, кто может двигаться — к спасательным капсулам! Покинуть судно! Немедленно!

Он не добавил «простите». Старый волк не имел права на слабость.

Палуба рушилась. Металл плавился и сыпался алой крошкой.

— К шлюзам! — кричал кто-то в дыму. — Вытаскивайте живых!

Бойцы волокли раненых. Медики бросали медикаменты и хватали людей за бронепластины, за руки — за всё, за что можно было зацепиться. Один нес двоих кадетов, другой полз, упрямо таща за собой связиста.

Аварийные катапульты взревели. Одна спасательная капсула вырвалась в небо, уходя в каньон. Вторую заклинило в деформированной шахте. Третья детонировала от прямого попадания плазмы, уничтожив тех, кто стоял рядом.

Дрейк стоял у самого края провала. Он лично подхватывал тех, кто не мог идти, и швырял их в уцелевшие шлюзы — прочь от этого ада. Он не считал спасенных. Он просто работал, пока не осталась лишь пара невыпущенных модулей.

И когда последняя капсула отстрелилась в темноту каньона, когда вокруг остались лишь пепел, пламя и руины, небо над «Золотой ланью» снова вспыхнуло.

Флагман сформировал финальный, самый мощный сгусток энергии. Главный плазменный луч пробил пылевые облака и устремился прямо в центр разрушенной палубы, чтобы оставить на месте судна лишь выжженный кратер.

Но взрыва не последовало.

Вместо оглушительного удара наступила звонкая, плотная тишина. Пространство искрилось, воздух вокруг палубы уплотнился, и плазменный поток мгновенно замер в трех метрах от раскаленного металла — словно наткнулся на невидимую, несокрушимую линзу.

Дрейк замер, не веря своим глазам.

На мостике флагмана офицеры застыли перед погасшими сенсорами, не понимая, почему реакция аннигиляции не произошла.

А на дымящейся палубе «Золотой лани» среди искр и пламени стояла Джулия.

Её боевая броня расплавилась и сгорела, на губах запеклась кровь, обнажённую кожу покрывали тяжелые ожоги. Её колени дрожали от колоссального напряжения, но левая рука была вытянута вверх, удерживая гудящий трехслойный барьер — жесткую компиляцию IX (Слияние) и VI (Отражение) Кругов.

«Почему ты... Почему ты еще здесь?!» — пронеслось в голове у Дрейка. Она не должна была даже подняться после таких повреждений.

Преодолевая адскую боль, Преобразователь сделала шаг. Один. Затем второй. Её звериные ушки были прижаты к голове, а желтые глаза горели хищным, нечеловеческим огнем. Несравненная Севар встала рядом с Дрейком, готовая держать удар против целого дредноута..

Глава 20

Рубка флагманского корабля «Носителей» утопала в густом, ледяном полумраке. Лишь тёмно-изумрудные проекции тактического терминала испускали мертвенный, хирургически чистый свет, отражавшийся в белых фарфоровых масках офицеров.

На центральном трехмерном проекторе висела изуродованная чаша каньона. Скалы всё ещё светились от раскаленного плазмой гранита, но прямо над дымящейся тушей «Золотой лани» образовалась аномальная, абсолютная слепая зона. Сенсоры слежения безнадежно слепли, выдавая длинные аварийные сигналы.

— Капитан! Главный калибр перегружен! — первым разорвал тишину старший аналитик. Его пальцы судорожно порхали по рунической панели, выбивая искры из кристаллов. — Температура в эпицентре упала до абсолютного нуля за три секунды! Законы стихийной геометрии сломаны!

— Что за чушь?! Сверхсжатая плазма не остывает! — рявкнул тактический офицер, подавшись вперед всем телом. На его открытой шее вздулись толстые вены. — Корректировать координаты! Перенаправить питание с резервного контура! Повторить залп из правого бортового блока! Повторить, я сказал!

— Нечем повторять! — оборвал его аналитик, со скрежетом сдергивая дымящуюся гарнитуру. — Вектор главного луча был переломлен и отправлен обратно! Обратный манопульс сжег стабилизаторы в наших собственных стволах! Наводку ослепило!

— Похоже не только ее ослепило. Доложить статус главной цели, — раздался из глубины рубки сухой, ровный голос, от которого у присутствующих мороз прошел по коже.

Капитан флагмана медленно выступил из тени поправляя свою фуражку. Его белая фарфоровая маска без единой прорези для глаз или рта казалась застывшим ликом смерти.

Офицер связи осторожно кашлянул, глотая сухую слюну и перепроверяя дрожащие таблицы данных:

— Сигнатура мальчика... испарилась, сэр. Нет термического следа. Нет биометрии. Нет стандартного фона распада ядра.

— Они сгорели! Превратились в атомную пыль! — ожесточенно рубил воздухом тактик, сжимая кулаки до белых костяшек. — Наш главный калибр разбирает любую материю на элементарные частицы! От этого судна и его челяди ничего не должно было остаться!

— Если бы они сгорели, старпом, наш астра-радар зафиксировал бы Пик Распада Ядра! — громко перебил его аналитик, поворачивая к нему побледневшее лицо. — А на экранах — ноль! Нет пепла, нет эманаций души! Они не сгорели... Пространственная каверна вокруг корабля просто схлопнулась! Словно кто-то вырезал этот кусок каньона из реального мира и выбросил за пределы метрической сетки!

— Пространственный сдвиг? Или XI — Отмена?! — подал голос второй офицер.

— Ни то, ни другое, — тихо, со святым ужасом в голосе ответил аналитик. — Энергетический спектр показал мгновенный синтез IX и VI Кругов. Это сделал высший Преобразователь. Девушка-севар... Она поймала орбитальную плазму прямо перед корпусом и завязала структуру нашего же луча в мертвый узел!

В рубке повисла оглушительная, тяжелая тишина. Было слышно только, как тихо гудят остывающие манопроцессоры.

— Поймала плазму главного калибра?.. — переспросил тактический офицер, обессиленно опустив руки. — Один Преобразователь на полуразрушенной палубе?..

— Мы оценивали её по стандартам армейских реестров, — чеканя каждое слово, произнес капитан. Он остановился перед центральным проектором. — Севар. Единственная ученица Сольного Класа. Её потенциал выходил за рамки измерительных шкал Академии Ролново.

Тактик сделал шаг вперед, его голос задрожал от пробивающего сквозь фанатизм панического страха:

— Капитан! Мы не можем вернуться с пустыми руками! Если мы придем без трупа мальчишки Мори ... Давайте накроем весь каньон ковровым обстрелом! Выжжем там каждую щель, превратим камень в жидкую лаву!

— Заткнись, старпом, — холодно приказал капитан.

— Но нам не простят провала! — закричал офицер, теряя самообладание.

— Выжигание пустой породы не купит нам милосердия Штаба, — капитан опустил в высокое кресло из черной кожи. Впервые за всю операцию в его безупречной военной выправке промелькнула тяжелая усталость. — Враг применил аномальный ресурс защиты. Повторный обстрел сожжет наши оставшиеся баки перед пересечением границы.

— Вы предлагаете просто развернуться и уйти?! — не верил своим ушам тактический офицер.

— Я предлагаю сохранить корабль, — капитан закрыл глаза под фарфоровой личиной. — Зафиксируйте в официальном отчете: «Объекты дематериализованы. Контакт с целью потерян из-за применения пространственной магии Преобразователем высшего ранга»

Офицер связи сглотнул ком в горле и с трепетом набрал команду на руническом терминале:

— Боевой протокол аннулирован, сэр... Начинаю подготовку к сдвигу на обратный курс.

— Выполнять, — отрезанно произнес капитан, окончательно обрывая спор.

Исполинский крейсер «Носителей» медленно развернул свою тушу над каньоном и устремился прочь, растворяясь в грозовых тучах.

А в погружившейся в безмолвие рубке каждый из присутствующих понимал: сегодня фанатичная машина Синдиката наткнулась на силу, перед которой их расчёты превратились в ничто.

Глава 21

Великая Стена взрезала горизонт, словно грань самого мира. Её гладкая, пульсирующая поверхность пестрила фрактальными гравировками, которые меняли форму, стоило к ним приблизиться. Этот монолитный сплав не был ни камнем, ни металлом — он с одинаковой легкостью поглощал магические импульсы, гасил кинетические удары и искажал радиосигналы. Воздух рядом с ним пах озоном и сухой грозой.

После Последнего Раскола Стена превратилась в символ абсолютной изоляции.

Саломея, Рейчел и Акихиро шли к ней в тяжелом молчании. Из ниши в массиве монолита вырос блокпост «Север-7» — нагромождение мана-сенсоров, шлюзовых камер и платформ допуска. Никаких людей. Только хищные силуэты автоматических турелей, дрейфующие сканирующие дроны и рябь защитных полей. Здесь всё подчинялось «Голосу Стены» — древнему искусственному интеллекту, сплетенному из нейросетей лучших магов прошлого. Он не задавал вопросов. Он только оценивал.

Когда они приблизились, блокпост ожил. Силуэты троицы впечатались в глянцевую поверхность Стены — система считывала биометрию, вытягивая данные прямо из аур. Земля под ногами мелко завибрировала, подняв вихрь пыли.

Акихиро замер первым. Ни единого лишнего движения, только глухое дыхание. Рейчел напряглась, до хруста стиснув рукоять клинка. Саломея даже не сбавила шаг, заранее зная сценарий.

Щелкнули сканеры. В монолите бесшумно разошлась скрытая щель, выплевывая отряд зачистки. Бойцы в тяжелых штурмовых экзоскелетах и глухих зеркальных масках взяли их в кольцо. Загудели сервоприводы, магические контуры на оружии налились багровым — режим мгновенного поражения.

Акихиро медленно поднял открытые ладони. Рейчел покосилась на Саломею, но сцепила зубы и сделала шаг вперед. Саломея осталась на месте. Один из оперативников тут же преградил ей путь манипулятором.

— Она идет отдельно, — лязгнул синтезированный голос, лишенный любых интонаций. Сухой машинный протокол.

— С какой стати? — огрызнулась Рейчел.

Боец даже не шелохнулся. Её голос просто потонул в низком гуле силовых полей.

Их разделили. Саломею повели по стерильному коридору с тусклым, режущим глаза светом, и тут же затолкали в боковой шлюз. Тяжелые двери сомкнулись за спиной с шипением вакуумного замка.

Двое конвоиров шагали синхронно, их броня кликала в такт. Пленницу втолкнули в кабинет с идеальной, выверенной до миллиметра геометрией. По стенам ползли светящиеся вены магических фильтров. Из пола вырастал стол из черного стекла, в центре которого пульсировал синий кристалл аутентификации.

За столом стоял начальник сектора.

— Вы прибыли без предварительного допуска. У нас не действуют внешние протоколы, — сухо отчеканил он, но его пальцы нервно легли на край стола.

— Мы не подчиняемся внешним, — голос Саломеи прозвучал ровно. Она не отвела взгляд. — И не нарушаем внутренних.

— Этого недостаточно. Что вы несете с собой?

— То, что должно пройти. И то, что нельзя остановить. Вас это не касается.

Воздух в кабинете сгустился. Свет в стенах мигнул, а синий кристалл на столе вдруг вспыхнул зеленым, считав невидимый импульс. Индикатор пропуска загорелся сам по себе.

Начальник сектора сглотнул и молча отступил в сторону. Решение только что приняли на уровне, куда у него не было доступа.

Саломея прошла мимо, даже не посмотрев на него.

Она спускалась по техническим уровням одна. Лабиринт Стены словно раздвигался перед ней: гравировки вспыхивали, направляя её шаг, замки с высшим уровнем допуска щелкали до того, как она успевала к ним подойти. Монолит признавал в ней свою.

Она нашла допросную камеру быстро. В тесном бетонном мешке за стальным столом сидел коренастый офицер со шрамом через всю щеку. Он нависал над Рейчел и Акихиро, яростно вбивая кулак в столешницу.

— Вы не в системе! Кто вас направил?! За каждый шаг здесь платят кровью или маной!

— Достаточно, — Саломея вошла без стука, отсекая его крик. — Они идут со мной.

Офицер резко обернулся, кладя ладонь на кобуру:

— Это не по...

— Протокол больше на них не действует, — припечатала она. В её голосе лязгнула сталь.

— Вы получили всё, что могли. Больше ничего не будет. Сами проверьте изменения.

Офицер достал устройство с небольшим синим экраном, все еще держа руку на оружии. Нажав пару кнопок, из устройства донесся голос начальника Сектора.

— Капитан Шон, немедленно отпустите их, и следуйте командам этой женщины. Также удалите все сделанные записи допроса, а также логи их прибытия, и не забудьте на этот раз также убрать записи у тех кто их сопровождал, все должно быть чисто.

— Так точно...

Офицер осекся, наткнувшись на мертвенно-спокойный взгляд Саломеи. Пальцы соскользнули с оружия.

Саломея коротко кивнула своим:

— Пора.

Акихиро молча встал. Рейчел мазнула по допросчику ледяным взглядом, и они вышли прочь.

Шлюз распахнулся, выплюнув их на ту сторону Стены. Резко запахло влагой и свежим песком, над головой раскинулось бледное, чистое небо.

Не успели они сделать и десятка шагов, как из-за каменного выступа бесшумно выкатил тяжелый броневик. На его матовом капоте тускло мерцала гравировка — знак для тех, кто понимает. Водитель в глухой форме вышел, молча отдал честь и распахнул тяжелую дверь. В салоне пахло озоном, дорогой кожей и машинным маслом. На дисплее навигатора горела лишь одна пульсирующая линия, уходящая вглубь территорий.

Глава 22

Едкий дым сгоревшего ман-реактора всё ещё разъедал глаза, когда Дрейк затягивал последний ремень на своём потёртом нагруднике. Вокруг него на заснеженных камнях ютилась лишь горстка выживших — измождённые, перемазанные сажей и кровью остатки экипажа «Золотой лани».

Джулия подошла беззвучно. На её сожжённой броне всё ещё витал запах гари, но звериная осанка Севара уже вернулась.

— Ты вытащил многих, капитан, — тихо произнесла она, задерживая взгляд на его разбитом лице. — Госпожа узнает о твоей верности.

Дрейк горько усмехнулся и сплюнул кровь на камни:

— Верности? — его голос прозвучал как скрежет ржавого металла. — Я сделал всё, что мог, Джулия. Я потерял свой корабль, похоронил половину своих людей. Передай этой старой ведьме... передай Матриарху, пусть заново перепишет свои списки и навсегда забудет моё имя. Для неё и для её Совета капитана Дрейка больше нет.

Джулия молчала. В её тёмных глазах не было осуждения — только холодное уважение к человеку, который спас команду ценой собственной карьеры. Она лишь едва заметно кивнула, развернулась и направилась в сторону густого леса — подальше от дымящихся руин и произошедших событий.

Они разошлись, не оглядываясь.

Собрать и перевязать уцелевших удалось быстро. Организовав людей в небольшую группу, Дрейк приказал им обустроить скрытый лагерь в пещерах у подножия скал, а сам вместе с двумя бойцами поднялся на высокий утёс, с которого открывался панорамный вид на каньон.

То, что он увидел, заставило его сжать рукоять клинка до хруста в суставах.

Внизу, в глубокой чаше каньона, всё ещё сновали малые суда «Носителей». Их поисковые лучи прочёсывали каждый метр обугленной обшивки — враги методично искали выживших и тела.

Но не они приковали взгляд капитана.

Высоко в небе, прямо над вершиной Великой Стены, величественно и бесшумно плыла исполинская тень.

Флагманский крейсер «Носителей» — тот самый, что методично выжигал «Золотую лань» из главных калибров, — беспрепятственно проходил прямо над защитным монолитом. Древняя система «Голос Стены», которая совсем недавно отказала Дрейку в помощи и по протоколам должна была сбивать любой неопознанный объект на подлёте, сейчас просто молчала. Ни один щит не вспыхнул, ни одна автоматическая турель не повернулась в сторону вражеского исполина. Флагман спокойно миновал границу и медленно растворился в бледной дымке над Землями Людей.

Дрейк застыл, не в силах перевести дыхание. Холодный пот прошиб его спину.

Какого черта?.. — пронеслось в его голове.

Стена, считавшаяся неприступным щитом мира, просто открыла двери перед главными врагами. Без боя. Без запросов. Без единого выстрела.

«Эта старая ведьма Андриана... Зачем она отправила мальчика и нас всех прямоком внутрь, прямо им в лапы? Неужели она знала, что Стена нас не защитит? Или Совет вообще не представляет, что „Носители“ уже спокойно хозяйничают по ту сторону?»

Дрейк смотрел на пустой небосвод, где только что исчез вражеский корабль, и в его душе разгоралась ледяная ярость. Игра, в которую их втянули, была куда грязнее и опаснее, чем он

мог себе представить. И теперь, глядя на ищейки врага внизу, капитан точно знал: просто так он это не оставит.

Вымороженный горный ветер выбивал из глаз слезы, но Дрейк не моргал. Он стоял на самом краю отвесной скалы, глядя вниз, где из подбитого брюха «Золотой лани» валил густой, вонючий дым горелого мано-концентрата.

Позади раздался тяжелый, хрустящий шаг. К краю обрыва подошел старпом — коренастый, битый жизнью гибрид-севар по имени Гарри. На его заросшем щетиной лице запеклась черная корка крови, а правый рукав был разорван до самого плеча, обнажая свежие ожоги от плазмы.

— Прочесывают отсеки, капитан, — хрипло проговорил Гарри, плюнув вниз, в пропасть. — Ищейки в белых масках добивают тех, кто не успел отстрелиться в капсулах. Похоже, ищут бортовые журналы или личные вещи мальчишки Мори.

Дрейк ничего не ответил. Пальцы ветерана сжались на эфесе меча с такой силой, что кожаная обмотка затрещала.

— Мы можем спуститься по восточному карнизу, — тихо, но с ледяным оскалом предложил Гарри, вытаскивая из-за пояса абордажный тесак. — Или пойти напрямик к Стенам. Спросить с гарнизона Сектора Семь за то, что они открыли ворота вражескому крейсеру! Или разменять свои жизни прямо в каньоне, забрать с собой полсотни этих фарфоровых рож!

Дрейк медленно повернул голову. Его единственный неповрежденный глаз встретился с горящим взглядом старпома.

— Ты совсем ослеп от ярости, Гарри? — сухоvalo, с давящей тяжестью спросил Дрейк.

— А что ты предлагаешь?! — старпом подался вперед, в его голосе вспыхнула дикая, застарелая желчь. — Дрейк, твою мать! Наш корабль сгорел! Половина ребят спеклась в корме! А мы будем смотреть, как твари в белых масках и продажные псы со Стены уходят безнаказанными?!

— Идти сейчас к Стенам и качать права перед Гарнизонном или ломиться на челноки Носителей — это самое тупое, что мы можем сделать, — ровным, ледяным тоном перебил его Дрейк.

Голос капитана прозвучал как хрип стального засова. Гарри замер, опешив.

— Пойти к Стенам прямо сейчас — значит позволить им смять нас в фарш прямо на первом же досмотровом блокпосту, — Дрейк сделал шаг к старпому, тыча окровавленным пальцем ему в грудь. — Они запрут нас в допросных и спишут на боевые потери. Нас просто тихо придушат в подвале! У безрассудства есть границы, Гарри.

Гарри тяжело задышал, сжав зубы, но возразить не смог.

— Сначала мы идем в ближайший приграничный город, — чеканя каждое слово, произнес Дрейк. — Уходим от каньона по нижним штрекам. В городе отдохнем, перевяжем тяжелых, набьем брюхо, закупим патроны и встанем на ноги. Нам нужно сбросить с хвоста ищеек и оглядеться. А вот дальше... дальше будем думать, как и кому пускать кровь.

Дрейк развернулся спиной к каньону и шагнул к тропе:

— Докладывай статус. Быстро.

Гарри вытер пот со лба и поплелся следом, на ходу доставая мятый блокнот:

— Тринадцать бойцов. Четверо тяжелораненых. Из оружия — шесть коротких пистолетов, десяток тесаков и пара световых и осколочных гранат. Еды — сухпайки на три дня, если урезать пайку вдвое.

— Потянет, — отрезал Дрейк. — Двигаемся к приграничному хабу. Быстро и без шума.

Лагерь выживших ютился в сводчатой пещере у подножия скал. В полумраке горел небольшой, закрытый камнями костер, над которым шипела жесткая солонина. Изможденные, вымазанные копотью и сажей матросы сидели на шерстяных пледах. Кто-то стонал от боли в перевязанных культиях, кто-то молча чистил нагар с затворной рамы оружия.

Когда в пещеру вошел Дрейк, окруженный тенью Гарри разговоры мгновенно стихли. Люди подняли тяжелые, полные надежды и страха взгляды на своего командира.

Дрейк подошел к центру пещеры, взобрался на плоский валун и оглядел остатки своего некогда легендарного экипажа.

— Слушайте меня, паршивцы, — громко, прорезая пещерную тишину, заговорил капитан.

Матросы подались вперед.

— «Золотой лани» больше нет, — прямо, без слюней и украшательств начал Дрейк. — Нашего дома больше нет. Наш контракт с родом Коул сгорел в том каньоне вместе с палубой. И я не стану врать вам, что у меня есть легкий план, как вернуть всё назад.

Он сделал паузу, давая словам впитаться в сознание людей.

— Мы идем в ближайший приграничный город, — продолжал Дрейк, чеканя каждое слово. — Без глупых атак, без шума и без попыток ломиться к Стенам. Наша главная задача сейчас — выжить. Перевязать тяжелых, отлежаться, раздобыть нормальное железо и встать на ноги.

По пещере прошел облегченный, понимающий гул.

— Когда мы доберемся до города и переведем дух — я выиграю остатки нашего судового фонда и раздам каждому из вас честную долю золотом и кредитами, — поднял руку капитан, глуша шепотки. — Каждому. Кто захочет уйти, завязать с небом, завести семью или забиться в самую глухую нору — уйдет без единого слова упрека. Вы выслужили свою свободу кровью. Никаких обид.

Дрейк паузой рассек тишину, а затем его голос набрал суровую, металлическую силу:

— Но те, кто захочет узнать, почему нас списали как расходный материал... те, в чьих жилах еще кипит желчь и кто хочет спросить с фарфоровых рож и продажных шкур на Стенах — останутся со мной. Когда мы наберемся сил и соберем информацию — мы начнем свою войну.

Дрейк выхватив из ножен клинок и вогнал его носком в трещину валуна:

— Я не обещаю вам богатства. Я не обещаю, что вы доживете до старости. Но я обещаю: я дам вам шанс спросить с каждого, кто устроил эту бойню.

В пещере встала тяжелая тишина.

А затем один из молодых матросов — с обожженным лицом и перевязанной рукой — поднялся с камня и с оскалом ударил кулаком в грудную броню. За ним поднялся второй. Затем опытный пулеметчик-гибрид. Через десять секунд вся пещера гудела от сурового, тяжелого стука железа о железо.

Гаррик подошел к валуну, встал плечом к плечу с капитаном и сдержанно кивнул:

— Отличный план, Дрейк. Сначала восстановимся. А дальше — будем думать.

Дрейк выдернул клинок из камня, спрятал его в ножны и скупно ухмыльнулся:

Глава 23

Бронированный автомобиль мчал на восток, бесшумно стелясь по идеальной полосе гладкого асфальта. Для Акихиро, привыкшего к грохоту мостовых Ролново и тряске экипажей на гравийных трактах имения, эта поездка казалась сюрреалистичной: машина не подпрыгивала, не качалась на ухабах, а мягко плыла, словно по поверхности замерзшего озера.

Внутри просторного салона царило тяжелое, напряженное молчание. Никто не решался заговорить первым в присутствии молчаливого водителя в строгой ливрее. Мужчина вел машину с филигранной, сухой точностью, лишь изредка бросая короткие, бесстрастные взгляды в зеркало заднего вида.

За окнами простиралась выжженная, пустая степь. По обе стороны от дороги не было ни лесов, ни имперских постов, ни привычных маномаяков — только бесконечные, пологие холмы, поросшие жесткой, короткой травой. Дорога была абсолютно пуста: никто по своей воле не ездил в сторону Великой Стены.

Внезапно яркий дневной свет за окнами начал стремительно угасать.

Акихиро прижался лбом к прохладному стеклу. Справа, прямо над неприступным монолитом Стены, из тяжелых грозовых облаков медленно выползала исполинская, иссиня-черная тень. Флагманский дредноут «Носителей», беспрепятственно миновавший пограничные турели, накрыл всю степь своей нечеловеческой тушей, напрочь закрыв солнце, пролетая на сверх низкой высоте.

Степь погрузилась в непроглядную, зловещую тьму.

Водитель, даже не вздрогнув, привычным щелчком тумблера задействовал переднюю панель. Два мощных конуса галогенового дальнего света прорезали внезапно наступившие сумерки, осветив ровную асфальтовую ленту.

Для пассажиров этот затмевающий небеса пролет стал настоящим шоком. Рейчел испуганно ойкнула, вжавшись в кожаную спинку сиденья. Саломея, обычно сохранявшая ледяное невозмутимость, подалась вперед и тихо, сквозь зубы, выругалась:

— Мать вашу... Почему он здесь?!

С этого ракурса они смогли разглядеть корабль врага во всех жутких деталях. И он действительно, катастрофически отличался от всего, что строили в Республике Клозиус.

Все летучие суда Ролново — от малых посыльных курьеров до бронированных корветов вроде «Золотой лани» — напоминали величественные парусники или галеоны. У них были жесткие манокрылья, сложная система вертикальных и горизонтальных парусов для экономии энергии на малом ходу и открытые орудийные палубы. Вся авиация Мира Магов создавалась вокруг взаимодействия с потоками стихийного ветра.

Дредноут «Носителей» был другим.

Он больше походил на монолитный, хищный космический крейсер из мрачных легенд фантастики. Ни парусов, ни мачт, ни внешних манопарусных ферм. Только идеальный, бесшовный сплав темного металла тянущийся на добрые четыреста метров, рубленые геометрические грани и протяжный, низкочастотный, заставляющий вибрировать внутренние органы звук, исходивший из утопленных в корме дюз.

Этот тяжелый гул ощущался даже сквозь бронированное стекло и подвеску машины.

Акихиро смотрел на пролетающего монстра, и в его душе разгорался холодный, аналитический ужас. По своей оснащенности и технологическому совершенству этот дредноут опережал всю военную инженерию Республики Клозиус на десятки, а может, и на сотню лет. И если у «Носителей» были такие корабли... то мир магов жил в иллюзии собственного превосходства.

Дредноут медленно и бесшумно растворился в небе над внутренними территориями, уходя на север. Тьма рассеялась, и на степь снова опустился бледный свет.

Водитель выключил дальний свет, так и не произнеся ни слова, и слегка утопил педаль акселератора. Автомобиль набрал скорость, взбираясь на очередной затяжной холм.

А когда броневик миновал гребень гряды, перед пассажирами открылась панорама, от которой перехватило дыхание.

У подножия холмов, затаившись в гигантской чаше долины, расстился монументальный мегаполис людей.

Это был не Ролново с его готической архитектурой с помесью индустриальных прогрессивных решений. Перед ними лежал настоящий индустриальный гигант: сотни уходящих вверх зеркальных небоскребов, многоярусные эстакады с несущимися огнями машин, гигантские заводские трубы и прорезающие дымку конусы неоновых светов. Над мегаполисом висел плотный, тяжелый смог, а в воздухе пахло паром, паленой резиной и раскаленным железом.

Акихиро сжал пальцами край подлокотника. Они прибыли. Пред ними лежали Земли Людей — мир машинной цивилизации, где им предстояло затеряться и выжить.

Глава 24

Бронированный автомобиль свернул с центральной магистрали и плавно влился в плотный поток городского транспорта. Только сейчас, когда за окнами замелькали многоэтажные кварталы, суровый водитель в ливрее впервые за всю дорогу подал голос:

— Госпожа Саломея... Конечно, не совсем мое дело, но, думаю, сперва стоит заехать прикупить местной одежды.

Мужчина мельком взглянул в зеркало заднего вида, задерживая внимание на съежившейся на заднем сиденье служанке:

— Девочка сзади сильно выбивается из общей массы. Здесь уже лет пятьдесят никто не носит корсеты и фартуки с рюшами. Да и вам всем не мешало бы переодеться в обычные повседневные вещи людей, чтобы не мозолить глаза досмотровым службам.

Саломея критически оглядела свое длинное темно-зеленое платье целительницы, затем посмотрела на раскрасневшуюся от смущения Рейчел и сухомерно кивнула:

— Ты прав. Заезжай.

Автомобиль покатиł дальше по широким проспектам мегаполиса. За окнами открывался совершенно чужой, непривычный мир. По ровным тротуарам свободно прогуливались сотни людей — бескровные жители Трёх Государств. Они выглядели удивительно расслабленными, легкими и ничем не обремененными: никто не оглядывался в поисках вражеских магов, никто не сжимал под полами плащей артефактные жезлы. Молодые люди со стаканами с кофе в руках смеялись, сидели на лавках, уткнувшись в светящиеся прямоугольные пластины, а девушки носили короткие куртки, свободные брюки и яркие кроссовки.

Спустя пятнадцать минут бронированный купе плавно остановился у подножия мону-ментального строения из зеркального стекла и бетона — крупного городского Торгового Центра, над входом которого горели гигантские неоновые буквы.

Прежде чем разблокировать двери, водитель лез во внутренний карман кителя и вытащил небольшой плоский футляр.

— Подержите, госпожа Саломея, — он протянул целительнице два тонких, абсолютно черных сенсорных телефона с гладкими стеклянными экранами. — Это местные средства связи. Называются смартфонами.

Саломея осторожно взяла приборы, переворачивая их в руках. На тонком корпусе не было ни единой руны, ни накопительного кристалла.

— Помните: мана им не требуется, — кратно пояснил водитель. — Внутри стоят литиевые батареи. Заряжаются от обычной электрической розетки. Вот блок подзарядки. Работают эти штуки строго на территории Трёх Человеческих Государств. В остальном — мало чем отличаются от привычных вам манофонов: вызовы, текстовые сообщения, карты.

Затем мужчина достал из визитницы гладкую, матово-черную пластиковую карту и вложил её в ладонь целительницы:

— И местная валюта. Это банковский чип. Средств здесь более чем достаточно, чтобы одеть вас и купить половину этого магазина. Пользуйтесь без ограничений.

— Спасибо, — лаконично ответила Саломея, спрятав гаджеты и карту в карман плаща.

— А теперь прошу на выход, — хмыкнул водитель.

Он не стал заезжать на подземный паркинг, а просто ударил по тормозам и встал прямо под сине-красным дорожным знаком «Остановка и стоянка запрещена», заблокировав выезд для автобусной полосы. Элегантная машина тут же привлекла внимание прохожих.

Из ближайшего будки патрульной службы мгновенно выскочил полицейский в строгой темной форме и с фуражкой набекрень. Со свистком в зубах он на ходу достал планшет и бодрым шагом направился к автомобилю, намереваясь оформить грубое правонарушение.

— Удачных покупок, — спокойно попрощался водитель с Саломеей, даже не повернув головы в сторону разъяренного полицейского. — Как закончите — наберите меня по второму номеру, я подкачу к главному входу.

Саломея отворила тяжелую дверь салона.

Пока водитель опустил стекло и с сухим, вальяжным видом завел диалог с подошедшим офицером полиции, целительница выкатила на тротуар коляску с Акихиро. За ними, отчаянно краснея и пытаясь прикрыть руками пышный корсаж своего пышного платья, выскочила Рейчел.

Троица направилась к крутящимся стеклянным дверям торгового центра.

Глава 25

Прохладный, кондиционированный воздух Торгового Центра, пропахший свежесмолотым кофе, дорогой парфюмерией и новой тканью, мгновенно окутал троицу. Под колесами инвалидного кресла Акихиро с тихим шелестом заскользила слепяще-белая, отполированная до зеркального блеска кафельная плитка.

Вокруг кипела жизнь. Сотни людей переходили из магазина в магазин, но появление героев вызвало настоящий фурор. Главным эпицентром внимания стала Рейчел. Несколько подростков с яркими смартфонами в руках замерли неподалеку, наводя на неё камеры:

— Ого, смотрите! Какой крутой косплей!

— Это из нового вирта? Платье и корсет прямо как настоящие!

Рейчел залилась краской до самого воротника и сжалась, готовясь провалиться сквозь земляной пол.

Саломея, окинув взглядом гигантский атриум с прозрачными лифтами и эскалаторами, решительно вытащила из кармана матовую черную карту и вложила её в руку Акихиро:

— Ты за главного. Рули.

Юноша удивленно поджал губы, глядя на целительницу:

— Почему я?

— Потому что ты здесь родился, Акихиро, — абсолютно спокойно ответила Саломея, поправляя воротник плаща. — Я дальше карантинных отсеков Стены за свою жизнь ни разу не ступала. А про Рейчел даже заикаться смешно — она от этих зеркальных дверей в обморок упадет. Так что покупай то, что считаешь нужным.

Акихиро молча принял карту. В его памяти всплыли запрятанные глубоко в детстве воспоминания. Он уверенно повернул колеса кресла в сторону ближайшего магазина повседневной одежды.

Процесс смены гардероба занял полчаса. Акихиро выбирал вещи быстро и без лишних метаний:

Для Рейчел — уютный, объемный вязаный свитер бежевого цвета, простые темные джинсы и мягкие кроссовки, полностью скрывшие её пышный, вызывающий корсет. Служанка, переодевшись в примерочной, с изумлением разглядывала себя в зеркале, не веря, что одежда может быть такой удобной и легкой.

Для Саломеи — строгий, идеального кроя темно-серый брючный костюм и элегантное пальто, сделавшие её похожей на высокопоставленного чиновника или главу корпорации.

Себе юноша выбрал простую черную толстовку, удобные брюки и мягкую обувь.

На кассе молодой продавец с искренним любопытством оглядывал их странную компанию. Когда кассир назвал итоговую сумму, Акихиро взял безымянную черную карту и ровным, уверенным движением приложил её к прозрачному стеклу считывающего терминала.

Бип.

Звук был один в один таким же, какой Акихиро помнил из далекого детства. Юноша отчетливо вспомнил, как его отец, Атсуши Мори, точно так же прикладывал подобную пластинку в небольшом кафе, пока восьмилетний Акихиро ел мороженое.

Кассовый аппарат с тихим шуршанием выдал чек. Продавец с вежливым поклоном передал им плотные пакеты.

Закончив с покупками и переодевшись в служебных комнатах, они поднялись на верхний ярус торгового центра и заняли изолированный столик в небольшом ресторане.

Заказав запеченное мясо и сок, Акихиро дождался, пока официант уйдет, и оперся локтями о стол:

— Саломея... Объясни мне одну вещь.

Целительница размешивала ложкой прохладный напиток, внимательно смотря на Наследника:

— Спрашивай.

— Их дредноут шел за нами по пятам, даже стену перешли, почему, разве это были не носители?

— Откуда ты вообще про них знаешь?

Саломея на секунду замерла. В её глазах проскользнула тень.

— Я сама не знаю какого черта они смогли попасть сюда... Так что у меня нет ответа на этот вопрос, Акихиро, — ровно ответила она, делая глоток.

Акихиро прищурился, явно не до конца поверив ответу, но настаивать не стал.

Саломея, переведя тему, подалась вперед:

— А ты сам... Насколько хорошо ты помнишь Мир Людей?

Юноша опустил взгляд на свои сжатые пальцы. Ответ прозвучал без особой радости:

— Плохо. Отрывками. Яркие вспышки, запахи, редкие кадры...

— Сколько тебе было?

— Восемь... Может, девять лет, — тихо прошептал Акихиро. — Прошло больше трех лет. Я помню, как работают карты, помню поезда и эти дома. Но для меня этот мир такой же чужой, как и для вас.

Саломея молча кивнула. Ответ был неутешительным: Наследник рода Мори, несмотря на свой зрелый ум и силу Элементалиста, оставался двенадцатилетним мальчиком, потерявшим родителей и брошенным в жернова чужой войны.

Закончив обед, Акихиро вытащил из кармана черный смартфон, разблокировал экран и набрал единственный сохраненный номер водителя.

— Мы закончили. Ждем у главного входа, — коротко произнес он в динамик.

Спустя пять минут бронированное купе подкатило к стеклянным дверям торгового центра. Автомобиль сверкал идеальной полировкой — от недавнего полицейского и протокола не осталось и следа.

Загрузив покупки и кресло в багажник, они заняли мягкие кожаные кресла. Машина плавно тронулась, устремляясь вглубь неона и бетона.

Глава 26

Бронированное купе остановилось у пятиэтажного здания из красного кирпича с узкими окнами и массивным металлическим козырьком. Комплекс выглядел строго и утилитарно — типичное мужское общежитие студенческого городка.

Водитель выскочил первым, открыл дверь и, пока Акихиро перебирался в инвалидное кресло, впервые назвал свое имя:

— Меня зовут Сэм. Юный господин, дальше вам придется обживаться самостоятельно. Это мужской корпус. Госпожа Саломея и Рейчел будут жить в отдельном служебном блоке при медицинском комплексе — на другом конце студгородка.

Саломея молча кивнула, подтверждая его слова.

Сэм покатил кресло к тяжелой двустворчатой двери. На входе, за прозрачным бронированным стеклом проходной, сидел дежурный — сухощавый мужчина преклонных лет в потертой синей форменной куртке. На его груди висел бейдж с простым именем: .Роберт

— Здорово, Роберт, — Сэм постучал по стеклу.

Старик поднял глаза от газеты, сдвинул очки на кончик носа и выкатился из будки:

— А, Сэм... Доставил пополнение? — Роберт нахмурился, оглядывая Акихиро с ног до головы. — Сэм, ты уверен, что этот парень будет жить один? Я по бумагам представлял его чуть постарше. В целом у нас живут пару пацанов его возраста, но они под присмотром взрослых. Ты точно ничего не напутался?

— Не переживай, — спокойно ответил Сэм. — Ему тринадцать, он самостоятельный. К тому же его будут периодически навещать.

— Да я не про возраст, чёрт тебя дерит! — Роберт указал пальцем на колеса. — Парнишка в инвалидном кресле! Один! В мужском корпусе! Не слишком ли это для него?

Акихиро, которому надоело, что его обсуждают в третьем лице, как беспомощную вещь, уперся руками в подлокотники. Превозмогая тупой прострел в икре, он уверенно поднялся на ноги и выпрямился во весь рост.

— Если вы переживаете из-за этого, — ровно произнес Акихиро, глядя коменданту прямо в глаза, — то я могу ходить самостоятельно. Просто нога быстро устает и сильно болит при долгих нагрузках. Кресло — это лишь временная мера.

Роберт удивленно приподнял бровь, оценил твёрдую, мужскую осанку мальчика и с уважением качнул головой:

— Ну... раз так — другое дело. Уважение за характер, парень. На первом этаже у меня как раз свободна комната 104. Жилец выселился пару дней назад, так что прибраться там придется самому.

Старик вытащил из ящика тяжелый металлический ключ с выбитым номером и протянул юноше:

— Позже заскочишь ко мне, заберешь электронный пропуск. Хотя через наш турникет ты на своей тележке все равно не проедешь — придумаю что-нибудь.

Акихиро перелез через турникет, и положил кресло на пол, падая вниз.

Роберт протянул ключ, но вместо того чтобы вернуться к своим газетам, оперся локтями о деревянную стойку проходной и с веселым прищуром перевел взгляд на Саломею и искренне смущенную Рейчел.

— И все-таки... — игриво оживился старик, поправляя оправу очков. — А это что за пышные цветы попали в мою скромную мужскую клумбу? Девушки, вы к кому таким прекрасным составом? Неужто ко мне на чашечку чая с чабрецом?

Рейчел мгновенно залилась густым румянцем и судорожно спряталась за плечо цели-тельницы.

Саломея лишь сухо ухмыльнулась, окинув старика с ног до головы профессиональным врачебным взглядом:

— Мы сопровождающие, почтенный. А вам в вашем почтенном возрасте я бы настоятельно рекомендовала чаю с сахаром предпочесть отвар от давления.

Роберт искренне хохотнул, подкрутив сухой седой ус:

— Эх, остра на язычок, красавица! Зато о здоровье печешься — сразу видно, заботливая рука. Ладно-ладно, умыл!

— Увидимся позже, Роберт, — прервал их Сэм с легким смешком. — Я подожду вас на улице.

Акихиро, Саломея и Рейчел пошли по узкому, пахнущему краской и сухими опилками коридору первого этажа. Увидев дверное полотно с померкшей цифрой «104», юноша вставил ключ и повернул замок.

Створка отворилась. В нос ударил спертый запах пыли, старой бумаги и застоявшегося мусора.

Комната представляла собой печальное зрелище: ободранные серые стены, старый паркет, заваленный скомканными газетами и пустыми коробками от фастфуда, перекошенный шкаф и одинокая койка с голым, продавленным матрасом.

— Это... точно не ошибка? — спросил Акихиро, застыв на пороге. Мальчик, привыкший к родовой цитадели Коулов среди мрамора, шелка и антиквариата, с трудом верил своим глазам.

Саломея сложила руки на груди и сурово ухмыльнулась:

— А ты чего хотел, юный господин? Живешь пока на чужие деньги — радуйся и этому. Выгребешь мусор, вымоешь пол — и будет вполне приемлемо для жизни. Нам пора.

— Госпожа Саломея... может, я останусь и помогу ему с уборкой? — робко спросила Рейчел, с жалостью глядя на маленькую фигурку Акихиро среди гор мусора.

— Сам справится, не маленький, — отрезала целительница. — Ему полезно сбросить барские привычки. А ты мне поможешь прибраться в нашем блоке.

Прежде чем шагнуть к выходу, Саломея опустилась на одно колено подле кресла Акихиро. Её пальцы коснулись его синеватой голени. Смягчая жесткую ману, целительница выпустила ровную волну изумрудного света. Вспышка регенерации мгновенно сняла спазм, заставив отравленные мышцы расслабиться.

Рейчел ахнула, удивленно округлив глаза: она впервые видела настоящую магию целителей так близко.

Достав из кармана свой смартфон, Саломея ловко вбила личный номер в телефон Акихиро:

— По поводу ноги — звони в любое время, отвечу сразу. Вроде всё. Пошли, Рейчел.

Они вышли, прихлопнув за собой тяжелую дверь.

Акихиро остался один. В комнате установилась давящая, гулкая тишина.

Юноша повернул задвижку. В комнате не было ни отдельного душа, ни туалета — только общие удобства в конце коридора. Из мебели — лишь пошарпанный шкаф, сбитый деревянный стол и койка. А вокруг — горы чужого хлама, предназначенного для помойки.

Акихиро мысленно представил, как будет выглядеть эта комната, когда он вынесет мусор, вымоет окно и застелет постель. Это был вызов его самостоятельности.

И вдруг... от вида этой пустой, пыльной комнаты, залитой утренним светом, на него нахлынула волна странных, запрятанных воспоминаний.

Глава 27

На город опускались сумерки. Уборка в комнате 104 затянулась до самого вечера.

Первый рейс к мусорным бакам во дворе дался Акихиро нелегко. Пренебрегая инвалидным креслом, он взвалил на плечо большой тридцатилитровый мешок с хламом и, тяжело прихрамывая на онемевшую, отравленную ногу, поволок его по коридору. Встречные парни из общежития — старшекурсники в майках и с наушниками на шее — застыли у дверей, в немом шоке провожая Наследника взглядами. На проходной они видели его в инвалидной коляске, а теперь тринадцатилетний пацан на своих двоих волок груз.

Вернувшись в комнату и посмотрев на оставшуюся гору коробок, ободранных обоев и гнилого пластика, Акихиро сжал зубы.

«Это не дело, — подумал он, чувствуя, как от отравленной икры вверх по бедру расплывается тупая боль. — Если я буду носить это частями, нога откажет еще до полуночи».

В голове родилось простое, но радикальное решение: сжечь органику и пластик прямо на месте, а несгораемые остатки вынести за один раз.

Высунув голову в коридор, юноша убедился, что вокруг никого нет. Заодно он внимательно осмотрел потолок: ни автоматических водяных сплинкеров, ни датчиков дыма в этом старом человеческом здании не водилось.

Акихиро запер дверь на засов и распахнул окно во двор, чтобы не задохнуться.

Вспомнив, как на корабле он скомпилировал белое пламя для прожога замка, юноша вытянул левую ладонь. В центре комнаты вспыхнул и закрутился слепящий сгусток V (Стихия) и III (Удержание) Кругов.

— Расплався... — шепнул он.

Сверхвысокая температура белого огня за секунды лизнула кучу хлама. Пластик, старая бумага и ветошь не стали гореть с дымом — они мгновенно испарялись, превращаясь в белесый пар и горстку спекшегося шлака.

Чтобы комната не пропахла гарью, Акихиро резким, точным взмахом руки направил поток ветряной магии I и II Кругов. Плотный порыв воздуха буквально вытолкнул остатки дыма в открытое окно, прямо в затененный внутренний переулок. Быстро сгребши раскаленный шлак в один небольшой пакет, юноша запечатал его и поспешил к выходу.

Но едва он повернул защелку замка, как со стороны лестничного пролета донесся нарастающий шум, топот десятков ног и панические крики:

— Пожар! На первом этаже дымина!

— Выходите на улицу! Валим, пацаны!

Акихиро замер, прижав пакет к боку. До него с ужасом дошло: вытолкнутый им в окно дым поднялся вверх и затянулся в открытые форточки верхних этажей!

Поняв, что панику устроил он сам, Акихиро мгновенно смешался с толпой выбегающих из пролета парней. Сделав вид, что спасается вместе со всеми, он выскочил во двор и на ходу незаметно выбросил пакет со спекшимся шлаком в контейнер, избавившись от единственной улики.

Спустя пять минут юноша вернулся в холл первого этажа.

Все жильцы общежития — сорок с лишним парней в шортах, тапочках и с телефонами в руках — сгрудились на проходной, шумно обсуждая происшествие:

— Да чем воняло-то?! Пластиком каким-то паленым!

— Я из окна третьего этажа дым увидел! Думал, проводка на первом закоротила!

— Если это опять выскочки со второго курят свою дрянь в туалете — я им лично морды набью!

В центре холла стоял комендант Роберт в расстегнутой куртке. Наводя порядок, старик отчаянно махал руками:

— Тишина! Назад всем! Никому не выходить и не разбредаться по комнатам! Все остается на первом этаже! Я лично пройду по периметру и проверю каждый угол!

Толпа немного затихла. Роберт достал из подсобки тяжелый железный фонарь которому явно не один десяток лет. Перешагнув порог проходной, старик остановился, оборачиваясь и смерив толпу студентов тяжелым, свирепым взглядом:

— И не дай бог кто-то из вас курил в комнате или жег дрянь... Я найду вас!

Роберт начал обход первого этажа. В его руках был массивный универсальный ключ — хитрое техническое устройство, штифты которого со щелчком сами подстраивались под замки каждой двери общежития. Старик отпирал двери одну за другой, въедливо оглядывая помещения.

Дойдя до конца коридора, комендант громко отпер замок и рывкнул на весь этаж:

— Сто четвертая!

Акихиро, стоявший неподалеку в толпе, мысленно зажмурился. Он уже набрал в легкие воздуха, готовясь выдать из себя неловкие извинения за дым, и медленно пошел к старику.

Роберт толкнул дверь... и застыл на пороге.

Вместо горы гнилого пластика и пачек бумаги перед комендантом открылась абсолютно чистая, выметенная до блеска комната. На вымытых паркетинах не осталось ни соринки, а из распахнутого окна веяло свежим ночным воздухом.

— Ты когда успел всё выгрести? — изумленно переспросил Роберт, поворачиваясь к подползшему Акихиро. — Я думал, тебе на эту помойку дня три понадобится!

— Ну... я просто не прекращал работать, — сдержанно ответил Акихиро, пряча взгляд.

— Ладно. Раз уж выдался случай... — старик ухмыльнулся и развернулся к сгрудившейся на проходной толпе парней.

Старшекурсники к этому моменту уже активно шептались, кидая ложные обвинения на новоприбывшего: «Точно этот малец из 104 что-то натворил! Приехал в коляске — и сразу вонь на весь корпус!»

— — гаркнул Роберт так, что на потолке задрожала одинокая лампочка.МОЛЧАТЬ!

Шепотки мгновенно оборвались.

— Это новый жилец из сто четвертой! — громко чеканя каждое слово, объявил комендант, указывая пальцем на Акихиро. — Кто мальчика хоть пальцем тронет или попытается обидеть — сгною заживо! Вам ясно?! — заорал он, отчего половина студентов инстинктивно втянула головы в плечи.ЯСНО, Я СПРАШИВАЮ?!

— — раскатистым хором ответила толпа.ЯСНО!

— Ну и ладненько, — мгновенно изменившимся, спокойным тоном проговорил Роберт, слегка наклоняясь к Акихиро. — Не переживай, малец. Парни эти хоть и туповаты, но в целом неплохие.

Из глубины толпы раздался одинокий, дерзкий голос:

— Не обобщайте нас всех, комендант!

Роберт медленно повернул голову. Его глаза сузились в щелки:

— Кто сказал?

В коридоре повисла тяжелая, гулкая тишина. Парни раздались в стороны, и из третьего ряда вперед неохотно вышагнул высокий двадцатилетний парень в спортивной майке.

Роберт со вздохом повернулся к Акихиро:

— Я же говорю — идиоты. Был бы умнее — хрен бы признался.

Затем старик перевел взгляд на выскочку:

— Два дня будешь драить туалеты на первом этаже.

— Что?! — искренне возмутился парень. — С каких это пор третьекурсники моют туалеты?!

— Неисправим, — покачал головой Роберт. — Раз так — драишь неделю лично ты. А после тебя по очереди моют все остальные третьекурсники вашего крыла. Я всё сказал!

По толпе прошел тяжелый, страдальческий стон. Все третьекурсники сожгли выскочку такими взглядами, что тот готов был сквозь землю провалиться.

— Вопросы есть? — сурово переспросил комендант.

Все молчали.

Глава 28

Ближайшие несколько дней закружились в размеренной, почти непривычной рутине. Никаких ночных атак, никакого грохота плазменных орудий и запаха гари — обычная, тихая жизнь рядового жилья общежития.

Акихиро постепенно привыкал к новому быту. Он и раньше, в родительском доме в Тюри, не чурался домашней работы, но теперь вся бытовая тяжесть легла исключительно на его плечи. Юноша сам стирал вещи в общей прачечной на цокольном этаже, сам мыл посуду на кухне и поддерживал идеальный порядок в своей комнате.

За эти дни он успел познакомиться с соседями по этажу. В комнате 103 напротив жил восемнадцатилетний парень по имени Марк — студент второго курса отделения звуковой инженерии. Из-за тонких гипсокартонных переборок Акихиро поневоле приходилось слушать его постоянные музыкальные репетиции. Однако, к его удивлению, Марк играл на электрогитаре весьма недурно: его глубокие, меланхоличные композиции с тяжелым басовым ритмом неожиданно заменяли Акихиро ненавязчивый фон для вечерних мыслей.

Все новые знакомые в блоке были старше Акихиро на пять-восемь лет. Но разница в возрасте не мешала общению: пережитые трагедии, гибель родителей, кровь Тюри и штурм корабля заставили двенадцатилетнего элементалиста преждевременно и жестко повзрослеть. В его серо-голубых глазах читалась холодная рациональность, которой не было у его сверстников.

Потихоньку в город пришла зима. За окном комнаты 104 всё чаще кружил первый сухой снег, а холодный ветер с каньона заставлял рамы поскрипывать. Благо при въезде в мегаполис они успели купить теплую одежду. Правда, Акихиро быстро начал жалеть о таком количестве свободного времени: без привычных тренировок и книг ему попросту было нечем себя занять.

Обычно все свободные часы юноша посвящал попыткам расшифровать дневник отца. Но шкатулка, лежавшая на столе, оставалась немой: узорчатый стальной ключ от её замка всё ещё находился у Джулии.

Ближе к концу недели, когда тоска стала совсем невыносимой, Акихиро достал смартфон и набрал номер Саломеи.

— Слушаю, Акихиро, — раздался в динамике четкий, сдержанный голос целительницы. На заднем фоне слышался шум медицинской аппаратуры. — Как нога? Стазис держится?

— Нога в порядке, — ответил юноша, глядя на кружащие за окном снежинки. — Я звоню по поводу учебы. Когда начинается зачисление?

— Через три дня, — ответила Саломея. — Я переговорила с Директором. Учитывая твою подготовку, тебе предоставят шанс сдать вступительные испытания экстерном. Если закроешь базовые тесты — сразу попадешь на продвинутый курс.

— Понял. Я готов.

— Я и не сомневалась, — в голосе Саломеи проскочила редкая, теплая интонация. — Дети из уютных человеческих кварталов, выросшие без забот и страха, в твоём возрасте думают только об играх. А те, чья доля выпала расти за Стеной, в суровых землях магии — взрослеют совсем по-другому. Ты рациональнее большинства местных выпускников.

— Не нужно комплиментов, Саломея, — тихо улыбнулся Акихиро. — Просто скинь мне программу экзаменов на телефон.

— Утром всё будет на твоём устройстве. Отдыхай, Акихиро. Скоро спокойные дни закончатся.

Разговор прервался. Юноша отложил смартфон, взглянул на шкатулку отца и зажмурился. Где-то там, за бескрайними лесами, Джулия вела свою собственную войну.

Глава 29

Прятать имя и выдумывать фальшивую биографию не имело никакого смысла. В официальных реестрах данные Акихиро Мори никогда прямо не связывались с фальшивым или публичным статусом Андрианы Коул. Юноша носил фамилию отца — известного ученого-исследователя Атсуши Мори, чьи труды в академических кругах знали, но с могущественным Матриархом Верховного Совета ассоциировали едва ли. Лишняя паранойя была ни к чему.

Собравшись прогуляться перед вечерними заморозками, Акихиро подготовил инвалидное кресло, выехал из каюты 104 и направился к выходу. На проходной, как и всегда, восседал комендант. Роберт не отрывался от свежего выпуска местной газеты, но его внимательный взгляд из-под очков фиксировал каждое движение в холле.

— Решил прогуляться, малец? — не поворачивая головы, спросил старик.

— Что-то вроде того, — с легким замешательством ответил Акихиро, останавливая колеса у стойки. Замявшись на секунду, юноша решил задать вопрос: — Роберт... Вы ведь тут всех жильцов знаете?

— Ну допустим, — старик с тихим шуршанием сложил газетный лист. — Возникли проблемы с кем-то из парней?

— Нет, все в порядке, — Акихиро оперся подбородком на кулак. — Просто хотел узнать... Здесь, в нашем корпусе, есть люди, обладающие магическими способностями?

Реакция коменданта впервые за всё время их общения разительным образом изменилась. Добродушная старикинская вальяжность мгновенно испарилась. Роберт окончательно отложил газету, снял очки и медленно сложил сухие, мозолистые пальцы в замок.

— Вообще-то, порядка восьмидесяти процентов проживающих здесь парней обладают даром, — коротко и весомо отрезал старик.

Он окинул Акихиро недетски строгим взглядом:

— Я так понимаю, ты тоже из одаренных? Обычные бескровные ребята такими вещами не интересуются.

— Да, — не стал отрицать Акихиро. — Есть немного.

Роберт тяжело вздохнул, поджав губы:

— Знаешь, у меня самого от природы никаких способностей нет. Я обычный бескровный. И, честно говоря, нисколько об этом не жалею. Хотя магия — это по-своему удивительно и круто, не спорю. За исключением одного хренового момента.

Старик подался вперед, понизив голос:

— Все, кто обладает хоть капелькой маны в ядре, у нас в Трёх Государствах автоматически считаются военнообязанными. Каждый одаренный парень с шестнадцати лет обязан проходить жесткую военную подготовку и вставать на учет в Призывной Комитет. Как отец... я бы ни за что не пожелал такой доли своему сыну.

Акихиро удивленно приподнял бровь:

— Ну а разве мы сейчас с кем-то воюем?

— Официально — нет, — качнул головой Роберт, и в его глазах проскочила тревожная, темная тень. — Нет никакой войны. Вот только последние полгода военные корабли и тяжелые крейсера постоянно кружат возле нашего города. Причем не наши, а черт пойми чьи. Патрули на Стену заступили в усиленном режиме. Что-то грядет, малец...

Акихиро попытался разрядить неожиданно тяжелый разговор и с легкой улыбкой качнул головой:

— Да ладно вам, Роберт. Опять своих газет начитались перед сном! Ладно, не буду мешать, я пошел.

Старик слабо улыбнулся в усы, снова принимаясь за газету:

— Давай, удачи тебе. Смотри, не замерзни на ветру.

Выехав на пандус общежития, Акихиро подставил лицо морозному вечернему воздуху. Слова коменданта не выходили из головы.

Глава 30

Акихиро спокойно крутил колеса, спускался по аллее и рассматривал яркие витрины, неон и рекламные щиты, забывая свободное время. Город жил своей суетливой, неоновой жизнью, пока юноша не свернул в полупустой осенний парк.

Заснеженные деревья шелестели на морозном ветру, а по вымощенным гравием дорожкам стелился редкий туман. Там он неожиданно столкнулся с компанией парней из своего общежития.

— Эй, Сто четвертый! — окликнул его один из трех семнадцатилетних юношей, махая рукой на бегу.

Парни были одеты в одинаковые спортивные костюмы, от них шел пар, а лица горели от бега. Акихиро остановил кресло у края дорожки.

— Вы бегаєте? — спросил он, оглядывая их.

— А куда деваться? — ответил тот, что махал, упираясь руками в колени и тяжело дыша. На его спортивной куртке висел бейдж с именем Сэм. — Скоро Академия откроется, там с порога заставят сдавать жесткую физподготовку. Мы ведь на профильном Военном направлении.

Все трое были крепкими семнадцатилетними курсантами. Второй парень из компании, вытирая пот со лба, любопытно всмотрелся в Акихиро:

— А ты, Сто четвертый, на каком профиле? Куда зачислен?

Впервые за последнее время вопрос загнал Акихиро в тупик. Юноша на секунду замер: он искренне не знал, на какой именно факультет его определила Андриана. Все, что ему было известно — это дата вступительных экзаменов.

Не найдя варианта лучше, Акихиро ответил прямо:

— Я сдаю экзамены экстерном. В какой класс зачислят по баллам — там и буду.

Парни удивленно переглянулись.

— Экстерном?.. — Сэм уважительно свистнул. — А ты не прост, мелкий. Ну, могу дать совет: раз физикой ты сейчас неодарен... — парень деликатно скользнул взглядом по инвалидному креслу, — очень рекомендую пробиваться на Инженерное направление.

— То есть учиться на механика-техника? — уточнил Акихиро.

— Не совсем, — качнул головой Сэм. — Техники там тоже есть, но для таких смышленных, как ты, там есть особый подвид — Инженерно-Магическое Исследование. Внедрение маны в механизмы. Только там проходной балл астрономический. Их у нас считают абсолютной элитой.

— Инженер... и элита? — приподнял бровь Акихиро. В Мире Магов Преобразователи и Элементалисты презирали «железячников», считая их ремесленниками.

— Да что ты слушаешь его! — со смехом вмешался второй парень, хлопая Сэма по плечу. — «Элита»! Скажи еще, за ними все девчонки бегают!

— А разве не бегают?! — огрызнулся Сэм.

— За ними бегают не из-за чертежей, а потому что у Лойда из трехсот второй комнаты отец — заместитель Губернатора! — хохотнул второй. — Правда, непостижимо, почему папаша держит сына в нашем общежитии-свинарнике. Но вообще Сэм прав, Сто четвертый. Инженерка — отличное место. Не то что мы. Мы по факту — обычные солдаты, штурмовая пехота. Случись что на границе — нас первыми отправят на мясо.

— Заткнись, — хмуро буркнул Сэм. — Я не для того тут легкие рву, чтобы на мясо идти!

— Ага, конечно! Ты пашешь только для того, чтобы девок перед Академией цеплять! — продолжал подкалывать друг.

— И не говори, что не так. А как же Сара с третьего курса? Ты сам заливал, какие у нее сиськи большие, будто лично шупал!

— Пошел ты! Отстань! — вспыхнул Сэм под общий хохот.

Третий парень, стоявший чуть отдаленнее и жадно пивший воду из пластиковой бутылки, утер подбородок и спокойно посмотрел на Акихиро:

— Короче, мелкий, не парься. Тебе тринадцать, до шестнадцати лет и военной описи вообще забей. Учись спокойно. А там, глядишь, всё образуется само собой.

Сэм выпрямился, переведя дыхание:

— Ладно, парни. Ещё пару кружочков по парку — и на базу. Удачи, Сто четвертый!

Троица развернулась и легким трусой побежала дальше по заснеженной аллее, оставляя за собой клубы пара.

Акихиро смотрел им вслед. Это направление перекликалось с дневниками его отца Атсуши. В груди юноши впервые вспыхнул живой, азартный интерес к предстоящим экзаменам. Инженерно-Магическое Исследование...

Акихиро ещё некоторое время кружил по аллеям заснеженного парка, давая мыслям уложиться в стройный порядок. Морозный воздух обжигал легкие, но в голове царил идеальная, прозрачная ясность.

Он повернул кресло и направился обратно к общежитию. Под резиновыми протекторами колес тихо хрустел свежий наст.

Все его размышления теперь вращались вокруг парня из комнаты 302.

«Лойд... Сын заместителя Губернатора, — размышлял Акихиро, глядя на уходящие в свинцовое небо шпили небоскребов. — Что сын одного из высших чиновников Трёх Государств забыл в захудалом общежитии для кадетов и пехотинцев?»

В Мире Магов сыновья аристократов и Членов Совета жили в имениях-крепостях с персональной прислугой и барьерами защиты. Никто из них по своей воле не ступил бы на порог ободранной казенной каморки с общим туалетом на этаже.

У такого поступка могло быть лишь несколько причин: либо Лойд жестко поругался с властным отцом и демонстративно ушел из дома, либо Губернатор пытался выковать из избалованного отпрыска спартанца

Но куда больше Лойда юношу интриговал сам Инженерно-Магический факультет

Акихиро вспомнил схемы из дневника своего отца, Атсуши Мори. Отец всю жизнь искал способ синтезировать фундаментальную геометрию 11 Кругов с машинным приводом и электрическими цепями. Он пытался заставить ману течь по медным проводам и полупроводникам без сопротивления ядра.

«Если то, чем занимается этот факультет — интеграция маны в механизмы людей, значит, отец изучал ту же самую дисциплину. Это идеальное место для меня».

Вернувшись в корпус, Акихиро въехал в холл. Комендант Роберт снова восседал в своей застекленной будке, уткнувшись в свежую газету. Услышав шелест колес, старик лишь мельком сдвинул очки на кончик носа, коротко кивнул Наследнику и снова вернулся к чтению.

Акихиро остановился у подножия массивной лестницы, ведущей на верхние этажи. Подняв голову, он взглянул на пролет третьего этажа, где располагалась каюта 302.

Сверху доносилась привычная общажная суета: чьи-то шаги, смех, выкрики. Но третий этаж казался тише остальных. На секунду в юноше вспыхнуло желание подняться и напрямую постучать в 302-ю комнату. Однако он быстро подавил этот порыв: приходить без повода и навязывать знакомство сыну чиновника было неразумно.

«Сначала — экзамены.»

Акихиро развернул кресло и въехал в свою чистую, выметенную комнату 104. Заперев засов, он подкатил к столу.

На полированной поверхности пикиал смартфон. Экран мигал от поступившего уведомления.

Акихиро разблокировал экран. Сообщение было от Саломеи. К письму прилагался электронный пропуск в Академию и файл с официальной программой испытаний.

Ниже висела короткая приписка целительницы:

Глава 31

Утро началось с привычной процедуры. На рассвете в комнату 104 тихо вошла Саломея.

Акихиро уже сидел на краю койки, закатав штанину. Целительница опустилась на одно колено и приложила ладони к его синеватой голени, выпуская ровную, изумрудную волну маны V Круга. Внезапно её пальцы дёрнулись, и на короткую секунду Саломея замерла, глубоко задумчившись о чём-то своем — её взгляд стал отрешенным, словно она всматривалась в самую структуру сплетающегося стазиса «Сердца Хадара». Однако уже через миг целительница встряхнула головой, завершила плетение и поднялась на ноги, так ничего и не объяснив.

Они вместе отправились к главному учебному корпусу.

У величественных ворот Академии кипела огромная толпа абитуриентов. Здесь не было строгого дресс-кода: каждый был одет во что горазд — от элегантных костюмов и дизайнерских курток до спортивных худи и ярких уличных плащей. В воздухе висело плотное, электрическое напряжение.

Акихиро, сидевший в инвалидном кресле, перелистывал на экране смартфона список тем экзаменационного модуля и чувствовал, как внутри закипает лёгкая тревога.

— Саломея... — тихо произнес он, указывая на экран. — Здесь разделы по продвинутой органической химии, электродинамике и истории Трёх Государств... Я вижу эти термины впервые в жизни.

Целительница мягко опустила ладонь ему на плечо, разряжая обстановку:

— Не забивай себе голову. Естественно, там будут темы, о которых ты даже не слышал. Этот экзамен создавался не для того, чтобы завалить тебя, а чтобы определить твой реальный потолок знаний. Выжми максимум из того, что помнишь от отца. Удачи, Акихиро.

Я сама слышу их впервые, сухо процедила про себя Саломея.

В этот момент к воротам вышла симпатичная девушка-третьекурсница Университетского блока (Академия объединяла в себе как Высшую Школу, так и полноценный Университет). В её руках покоился электронный планшет.

— Группа зачисления «Инженерно-Магический профиль», проследуйте за мной! — громко объявила студентка, сворачивая в сторону центрального атриума.

Абитуриентов провели в закрытый экзаменационный класс. Помещение производило колоссальное впечатление: вместо привычных дубовых парт и меловых досок здесь стояли эргономичные модульные столы, а всю переднюю стену занимала гигантская интерактивная панель из светопроводящего стекла. Яркое, мягкое галогеновое освещение давило на глаза своей стерильностью. На мгновение Акихиро показалось, что по уровню чистой технической роскоши эта Академия за Стеной превосходит даже Великую Академию Ролново.

Экзамен начался.

Все испытание делилось на два масштабных блока.

Первый — Фундаментальные Науки Людей: высшая математика, физика, органика, история Трёх Государств языкознание... На этой части Акихиро пришлось несладко так как сам этот блок по себе был порядком больше чем второй. Он тратил колоссальные ментальные силы, вытягивая из детской памяти отрывочные уроки отца и логически достраивая неизвестные математические формулы прямо на ходу.

А вот второй блок — — привел юношу в искреннее изумление. Теория Манодинамики и Стихий

Вопросы по магии казались Наследнику цитадели Коул настолько примитивными и поверхностными, будто их составляли для начальной школы. Требовалось описать лишь базовые взаимодействия I и II Кругов (Пробуждения и Направления), да простейшие стихийные

атрибуты V Круга. Для Акихиро, с детства изучавшего многослойные геометрии 11 Кругов и аналитическую технику «Алых Глаз», эти задачи решались на автомате за считанные минуты.

Закончив тестирование быстрее остальных, Акихиро отправил ответы на сервер комиссии. Автоматическая система проверки требовала около часа на обработку результатов.

Не желая сидеть в душном классе под нервные вздохи абитуриентов, юноша развернул инвалидное кресло и выехал в коридор — устроить себе небольшую ознакомительную экскурсию по новому дому.

Экскурсия по территории Академии заставила Акихиро по-новому взглянуть на мир Застеночья.

Кампус больше походил на закрытый футуристический город будущего: прозрачные стеклянные галереи-переходы висели между пятиэтажными корпусами, на изолированных полигонах с шипением тестировались малые гибридные дроны, а под ногами гулели подземные коммуникации. Всё здесь было выстроено вокруг утилитарности, чистой физики и эффективного энергообмена. В отличие от монументального, мрачного Ролново, где магия служила статусной роскошью дворян, здесь Технологии были рабочей лошадкой каждого жителя.

Спустя час Акихиро вернулся на центральную площадь — к месту оглашения результатов.

Перед Главным Корпусом высилось гигантское светодиодное табло. На нем бесконечной лентой мелькали списки абитуриентов, их регистрационные номера и набранные баллы. На площади царил хаос: сотни парней и девушек сустились, вытягивали шеи и эмоционально обсуждали оценки.

Внезапно по толпе прошел громкий, удивленный гул. Сотни людей заговорили об одном и том же событии: кто-то из поступающих экстерном сдал Второй Блок на абсолютный максимум

Проследив за изумленными взглядами абитуриентов, Акихиро нашел на экране свою фамилию.

АКИХИРО МОРИ (ЭКСТЕРНАТ / ИНЖЕНЕРНО-МАГИЧЕСКИЙ ПРОФИЛЬ)

Часть 1 (Фундаментальные Науки): 230 баллов (из 1000 возможных).

Часть 2 (Теория и Геометрия Магии): 200 баллов (МАКСИМАЛЬНЫЙ РЕЗУЛЬТАТ).

Юноша озадаченно нахмурился, разглядывая цифры. По первой части он набрал откровенно ничтожный балл — сказывалось отсутствие человеческого школьного образования. Но вторая часть горела слепящим золотым светом: двести из двухсот.

«И как это понимать? Этого хватит или меня завалят из-за фундаментальных наук?» — мысленно спросил себя Акихиро.

Не сумев ответить самому себе, он поехал сквозь толпу, надеясь найти кого-нибудь из знакомых ребят по общежитию. Это заняло время, но у подножия эстакады он заметил Марка из 103-й комнаты. Спустя пару минут к ним подгребла и компания семнадцатилетних курсантов во главе с Сэмом.

— Сто четвертый! — Сэм подошел ближе, озадаченно потирая затылок и глядя на мальчика. — А нахрена ты вообще сдавал экстерном, если у тебя такие хреновые результаты по первому блоку?!

— Совсем паршиво? — уточнил Акихиро.

— Ну, по магии к тебе вопросов нет — ты выдал абсолютный максимум, тут респект, — хмыкнул Сэм. — Но с двумястами тридцатью баллами по фундаменталкам... Навряд ли ты пролезешь на элитную Инженерку. Там народ меньше восьмисот не набирает!

— Честно говоря, я не удивлюсь, если по некоторым дисциплинам людей у меня там вообще чистый ноль, — сухо улыбнулся Акихиро. — Я половину терминов в глаза не видел.

— Ну ты даешь, конечно! — расхохотался Марк из 103-й. — Зато по магии уделал весь Университетский блок! Ты хоть понял, что сделал? В экстернате задачи Второй Части дают

по университетской программе высшей категории, а не по школьной! Ты единственный, кто закрыл их без единой ошибки.

— А у вас разве не было Второй Части? — спросил Акихиро, взглянув на курсантов.

— На Пехотном профиле? Нет конечно, — отмахнулся Сэм. — У нас из магии — только малый теоретический блок по физическому усилению тела I и II Кругов. Вбить ману в мышцы, продержаться пять минут в марш-броске — вот и вся наша магия. Больше нас ничему не учат. Нам сложные формулы без надобности, мы — рядовой состав.

— Ясно... — протянул Акихиро.

Парни из общежития похлопали его по здоровому плечу:

— Ну в любом случае — пойдет! Ты показал зубы, Сто четвертый. Удачи тебе, надеюсь, пролезешь хотя бы на базовый факультет!

Курсанты попрощались и пошли к своему корпусу, а Акихиро остался у табло, глядя на золотые цифры «200/200»

В высотном кабинете Приемной Комиссии, залитом мягким галогеновым светом, царила напряженная тишина. Над столбом из черного астрального стекла висела трехмерная голографическая проекция личного дела.

На листе горели две противоречивые цифры: (красным) и (слепающе-золотым). С фотографии озадаченно смотрел двенадцатилетний мальчик в инвалидном кресле — Акихиро Мори.230200

За овальным столом восседали четверо главных экзаменаторов:

Декан Маркус Вэнс — глава Инженерно-Магического факультета, суровый мужчина с седеющими висками.

Доктор Хелен Стерлинг — завкафедрой Фундаментальных Наук Людей, педантичная женщина в строгих очках.

Профессор Гилберт — ведущий теоретик Манодинамики.

Полковник Вейн — официальный куратор от Призывного Комитета Гарнизона.

Доктор Хелен резко постучала ручкой по стеклу, открывая дискуссию:

— Это абсурд! Посмотрите на его суммарный балл — четыреста тридцать из тысячи двухсот! По правилам Академии он не проходит даже минимальный проходной порог на бюджетное отделение! В разделе «История Трёх Государств» у него чистые прочерки. По органической химии — ноль!

— Хелен, замолчите и посмотрите на его второй блок! — перебил ее профессор Гилберт, подавшись вперед. В его глазах горел фанатичный восторг. — Мальчик разложил многослойную матрицу Трансмутации четвертого порядка за одиннадцать минут! Одиннадцать! Наша университетская профессура решает эту систему за полчаса! По теории магии он закрыл двести баллов из двухсот возможных! Это абсолютный рекорд за последние десять лет!

— Однозначно, такой абитуриент нам нужен, — хмуро пробасил полковник Вейн, разглядывая фото Акихиро. — Двенадцатилетний инвалид, сходу щелкающий аристократическую геометрию высших кругов, как орехи... Кто, черт возьми, его учил?

— Но если брать суммарный расчет — официально принять его на Инженерку мы не имеем права! — отрезала Доктор Хелен. — Он не знает элементарных законов электродинамики и сопротивления материалов! Если мы зачислим его на элитный курс, он просто завалит первую же сессию по физике и начертательной геометрии!

— Вы уверены, что хотите отказаться от такого самородка? — подал голос Декан Маркус Вэнс, до этого молча наблюдавший за спором. — Если мы отсеем Мори, его завтра же заберет Высшая Школа Столицы. Нужно что-то придумать. Нам нужен компромисс.

— Какое у вас предложение, Маркус? — насторожилась Хелен.

Декан сжал пальцы в замок и откинулся на спинку кресла:

— Зачислим Акихиро Мори на . В обычный класс Высшей Школы. Там Доктор Хелен и ее преподаватели за полгода подтянут его знания по фундаментальным наукам людей, математике и истории. Базовый Общеобразовательный Поток

— А как быть с его магическим уровнем? — нахмурился Гилберт. — Он просто сгниет от скуки среди обычных школьников!

— А вторым пунктом приказа, — тонко улыбнулся Декан Маркус, — мы обяжем Акихиро по индивидуальному графику посещать профильные лекции и лабораторные работы третьего курса Университетского Инженерного факультета. Включая «Техно-магическую интеграцию».

В кабинете повисла тяжелая пауза.

— Гибридный статус? — задумался полковник Вейн. — Школьник на базовых предметах утречком, и вольный слушатель на элитном инженерном курсе в обед? Это не стандартно... Но законно.

— Пожалуй, это единственный разумный выход, — признала Доктор Хелен, поправляя очки. — Пусть подтянет фундаменталку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.